

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

**80-летию образования
Курской области посвящается**

Сборник статей

Выпуск XII

КУРСК
2014

УДК 908

ББК 63.3 (2 Рус - 4 Курск)

С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. 80-летию образования Курской области посвящается [Текст] / под ред. В.Л. Богданова. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2014. 170 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской обл., Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской обл., Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области», Пешехонова О.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области», Раков В.В. – зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Раков В.В., канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков, преподавателей, аспирантов и студентов курских вузов, работников музеев и учреждений культуры, сотрудников архивов, посвященные различным проблемам истории края XVIII-XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся нашей историей. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

На первой странице обложке «Областная сельскохозяйственная выставка». Фото Говорова. 1959.

© Архивное управление Курской области, 2014
© ОКУ «Госархив Курской области», 2014
© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ

Рожковская И.О.	История создания и структура фонда «Курская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям»	6
------------------------	--	---

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

	«Превратим Курскую область в одну из передовых областей Советского Союза!»: первоочередные меры по организации государственных и хозяйственных органов Курской области летом-осенью 1934 г. /публикация док-тов В.В Ракова.	10
--	--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Кудланов К.Б.	Документы государственного архива Курской области о Рыльском предводителе дворянства Петре Алексеевиче Денисьеве.....	17
Волкова А.И.	Деятельность органов земского самоуправления на страницах «Курских губернских ведомостей»	23
Горбачев П.О.	Неизвестная перепись населения Курской губернии 1902 года	31
Раков В.В.	Местная периодика середины-второй половины 1930-х годов как источник по истории Курской области	35

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ласочко Л.С.	Военнопленные Отечественной войны 1812 года	43
Терещенко А.А	Законодательство Российской империи по борьбе с должностными преступлениями в пореформенное время	48
Долженков И.А..	Динамика сословного состава уездных земских собраний Курской губернии во второй половине XIX в. (на примере анализа избирательных списков за 1871-1876 гг.)	54
Ильина Т.Н.	У истоков женского духовного образования в России: Курское епархиальное женское училище	62
Горайнов В.М.	Курское губернское жандармское управление	72
Петраков Ю.С.	Пригородные крестьяне губернского центра по материалам сельскохозяйственного подворного обследования 1911 г.	78
Курцев А.Н.	Отечественная депортация неприятельских подданных во время Первой мировой войны на типичном примере Курской губернии	83
Друговская А.Ю.	Развитие здравоохранения в начальный период Гражданской войны (по материалам Курской губернии)	88
Горбачев П.О.	Курские контрреволюционеры на скамье подсудимых. К вопросу о политических репрессиях в годы НЭПа на примере Курской губернии (по материалам Курского губернского суда)	91
Замулин В.Н.	Могла ли Германия выиграть Курскую битву, если бы она началась в конце мая начале июня 1943 г.?	97

Кононов Н.Г.	Хлебозаготовительная компания 1944 г. (На материалах Курской области)	107
Аргунов О.Н.	Сельское хозяйство Курской области в годы четвертой пятилетки (1946-1950 гг.)	117
Мирзаханян А.Р.	Восстановление пищевой промышленности в годы четвертой пятилетки (1946-1950)	124

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Холодова Е.В.	Моква до Нелидовых	128
Палий Л.В.	Формирование городского садово-паркового хозяйства в уездных центрах Курской губернии второй половины XIX в.	136
Каменева В.Г.	Народные чтения, просветительные беседы в истории Фатежского края	148
Кононова Т.Л.	Деятельность земских органов самоуправления Курской губернии по развитию библиотек (вторая половина XIX – начало XX в.)	153
Сойников А.Н.	Сельские клубные кадры Курской области (1966-1975 гг.): специфика текучести	160
Цуканов И.П.	Поисковое движение и православные традиции России	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		168

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА И АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ

И.О. Рожковская

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТРУКТУРА ФОНДА «КУРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ЧЕРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНAM, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ ОБЛАСТИ»

Курская область была оккупирована немецко-фашистскими войсками и частями союзников гитлеровской Германии (венгерскими, румынскими) в период со 2 октября 1941 г. по 2 сентября 1943 г. Для расследования злодеяний гитлеровских захватчиков, установления конкретных виновников и определения ущерба, нанесенного предприятиям, колхозам, организациям, учреждениям и гражданам области в мае 1943 г. при исполкоме Курского областного Совета депутатов трудящихся была создана Курская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. Комиссия начала свою деятельность с момента образования в мае 1943 г., когда территория области еще не была полностью освобождена, учет ущерба окончился в феврале 1944 г. Подчинялась Чрезвычайной Государственной комиссии при ЦК ВКП(б).

По смете Облисполкома штат рабочего аппарата комиссии с 1 сентября 1943 г. был установлен в количестве 9 человек. В состав комиссии входили: председатель, ответственный секретарь, экономист-статистик, три инспектора, технический секретарь, машинистка, милицейский пост, уборщица, рассыльный. Штат комиссии не был постоянным и на 8 ноября 1943 г. увеличился еще на 9 человек. Кроме того, распоряжение исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся от 1 сентября 1943 г. № 171 обязывало руководителей областных отделов, управлений и организаций выделить из своих аппаратов и прикомандировать для работы в областной комиссии квалифицированных работников [1, л.л. 38, 54].

Все поступающие в комиссию сведения сводились и обобщались по отраслям и наркоматам немедленно. Руководители районов, где было обнаружено искажение фактов, строго наказывались. Для проверки и приема актов по ущербу и составлению обобщенных сведений по области при комиссии были образованы 3 группы:

1-я группа по актам ущерба народному хозяйству (по промышленности и по культурно-социальным учреждениям);

2-я группа по актам ущерба колхозам;

3-я группа по актам ущерба гражданам [1, л.л. 38, 54].

Работа по учету причиненного ущерба на местах возлагалась непосредственно на секретарей РК ВКП(б) и председателей райисполкомов. [2, л. 3 об.]. Кроме того, в каждом колхозе, промышленном, коммунальном предприятии, в учреждении, школе, районе и т.д. создавались специальные комиссии. Общий количественный состав членов этих комиссий определялся до 75 тыс. человек. [2, л. 4].

Чтобы проанализировать и обобщить все акты учета ущерба членам комиссии приходилось работать очень напряженно, кроме дневной работы вводилась и вечерняя работа не менее 3-х – 4-х часов ежедневно. Напряженный ритм работы и политическая сознательность каждого штатного и внештатного члена комиссии и всех граждан, составлявших акты учета ущерба, позволили комиссии закончить эту работу за несколько месяцев (с мая 1943 до февраля 1944 гг.). После завершения всех работ комиссия была распущена. Установить точную дату ликвидации комиссии по находящимся на хранении документам не удалось.

По состоянию на 1943 год в составе Курской области числилось 66 районов, входящих в настоящее время в состав 3-х областей: Курской, Орловской и Белгородской. Работа по учету ущерба была проведена во всех 66-ти районах.

Архивный фонд Курской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям содержит материалы об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству, гражданам Курской области, материалы о зверствах, акты об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками отдельным гражданам Курской области, списки граждан Курской области, особо пострадавших от немецкой оккупации, расстрелянных и угнанных в Германию.

Всего по местному хозяйству областного и районного подчинения области было представлено 137 345 актов. В том числе, от колхозов 66-ти районов – 5 222 акта, от учреждений культуры, искусства и религиозного культа – 3 456, от предприятий промышленности и коммунального хозяйства – 1 623, от граждан области – 127 045 актов.

Документы комиссии по учету ущерба поступали на хранение в госархив Курской области в течение 1947, 1948, 1952, 1953 гг. Всего на хранение поступило 868 дел. В 1969 г. они были обработаны и составлена единая опись на все документы. Опись построена по предметно-вопросному принципу и включает в себя следующие разделы:

1. Материалы об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству Курской области (реестры, обобщенные сведения, акты об ущербе учреждениям, предприятиям и колхозам по районам Курской области).

2. Материалы об ущербе, причиненном гражданам Курской области немецко-фашистскими захватчиками (списки граждан, особо пострадавших от немецкой оккупации, сводные ведомости, реестры актов, акты-списки по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам по районам Курской области).

3. Материалы о зверствах (материалы по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистскими захватчиками, справки, сведения, вырезки из газет, акты и заявления граждан о зверствах, списки граждан, расстрелянных, замученных и угнанных в Германию по районам Курской области).

4. Материалы об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками отдельным гражданам Курской области (акты об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими оккупантами гражданам по районам Курской области).

Курская область является одной из наиболее пострадавших во время войны областей. Общая сумма ущерба составила около 27 миллиардов рублей в довоенных ценах. [3, л. 4] Особенно подвергались разрушениям культурно-социальные учреждения. Из 3 648 школ, имевшихся на начало 1941 г., фашисты уничтожили полностью 1 295 и частично разрушили 2 157 здания.

Огромный ущерб нанесли области немецко-фашистские захватчики: было уничтожено $\frac{3}{4}$ всех промышленных предприятий, все электростанции, разграблено имущество колхозов и совхозов, лучшие здания города были взорваны. За время оккупации в области было уничтожено и разрушено 706 больниц и 387 амбулаторий, сожжено более 65 тыс. жилых дома, более 400

тыс. курян остались без крова. Сожжено свыше 300 сел и деревень. Таковы социально-экономические последствия немецко-фашистской оккупации в Курской области.

Область понесла не только огромный материальный урон, но и большие людские потери. Всего за годы оккупации на территории области фашистские захватчики и их сообщники убили 18 099 мирных граждан и 9 826 военнопленных. За время оккупации из Курской области фашисты отправили на работы в Германию 38797 человек, 18099 мирных граждан было убито, расстреляно, зверски замучено. Таковы цифры. А за ними судьбы людей, исковерканных войной, потеря близких, утраченное здоровье, невыносимая память трагедии военных лет.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКО. Д. 3.
3. ГАКО. Д. 4.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

«ПРЕВРАТИМ КУРСКУЮ ОБЛАСТЬ В ОДНУ ИЗ ПЕРЕДОВЫХ ОБЛАСТЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!»: ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ МЕРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1934 ГОДА.

Тематика публикации в настоящем сборнике подборки документов, хранящихся в ОКУ «Госархив Курской области», определена одним из важнейших событий 2014 года – празднованием 80-летия образования Курской области. Представленные материалы позволяют образно представить конкретные шаги по созданию необходимых условий организации и деятельности нового административно-территориального образования, появившегося на карте Советского Союза в 1934 году – Курской области.

Публикацию документов подготовил В.В. Раков.

Протокол № 1 заседания Президиума Курского областного исполнительного комитета Совета Р.К. и К.Д. от 10 июля 1934 г.

... Вопросы, рассмотренные заседанием от 25 июля 1934 года.

... 24. Об организации областных контор Спецбанков (Докладчик тов. Кочкаркин).

В связи с организацией Курской области считать необходимым организацию областных контор Спецбанков:

1. Промбанк,
2. Комбанк,
3. Всекобанк,
4. Сельхозбанк.

Просить Наркомфин СССР разрешить организацию этих банков и дать соответствующие указания Правлениям последних.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.6. Типографский экземпляр.

25. О дополнительных расходах на коммунальное хозяйство г. Курска (сверх предусмотренных бюджетом) в связи с организацией областного центра Курской области.

Утвердить расходы в размере 6 мл. руб. и просить Совнарком СССР об отпуске указанных сумм.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.6. Типографский экземпляр.

Вопросы, разрешённые опросом членов президиума 25 июня¹ 1934 г.

31. Слушали: О размещении областных учреждений.

Внесено: Тройкой по размещению учреждений и работников, перебрасываемых в связи с образованием Курской области.

Постановили: 1. Утвердить решение тройки по размещению областных учреждений, которым предусмотрено следующее размещение областных учреждений:

а) Обком ВКП(б), Обком ВЛКСМ, Парткомиссия – в здании, ранее занимаемом медтехникумом, по ул. Белевцевской и Ленина, 83;

б) облисполком с отделами (ЗАГС, Инбюро, Топкомитет, Комитет товарных фондов, Орготдел, Облплан, Комиссия по определению урожайности - в здании, ранее занимаемом Совпартшколой, по ул. Ртищевской, 14;

в) ОблЗУ – в здании, ранее занимаемом автодорожным техникумом, по ул. Радищева, 2;

г) ОблФУ – в здании, ранее занимаемом земтехникумом, по ул. Дзержинского, 49;

д) ОблСНАБ – в здании, ранее занимаемом общежитием веттехникума;

е) ОблЗДРАВРАБОТДЕЛ – в здании, ранее занимаемом общежитием медтехникума, по ул. Ленина, 17;

ж) ОблОНО – в здании, ранее занимаемом Домом пионеров и школьников, по ул. Ленина, 52;

з) Уполкомзаг СНК совместно с Заготзерно и конторой Союзмуки и Хлебоинспекцией – в здание, ранее занимаемое ФЗУ мукомольной промышленности, по ул. Добролюбова, 26;

и) суд - в здание, ранее занимаемое оперсектором милиции, на ул. М. Горького, 72;

к) прокуратура - в здании, ранее занимаемой прокуратурой, ул. Ленина, 17;

л) ПП-ОГПУ и управление милиции – в здании, ранее занимаемом Управлением К.В.Ж.Д., на ул. Добролюбова, 5;

м) Облкоммунотдел, Проектплангор и Коммунснаб – в здании, ранее занимаемом коммунальным техникумом, по ул. Ленина, 58;

н) Облуправление связи – в здании, ранее занимаемом Рабфаком СХИ и старое помещение, по ул. Ленина, 58;

¹ Опечатка. Правильно: 25 июля – В.Р.

о) Редакция областной газеты «Курская правда» - в здании, ранее занимаемом оперсектором ГПУ;

п) Управление ЛЕГПРОМ – в здании, ранее занимаемом конторой обувной фабрики;

р) Институту повышения квалификации кадров народного образования, в здание, ранее занимаемое веттехникумом, по ул. Радищева, 32;

с) ОБЛДОТРАНС – в здание, ранее занимаемое автодорожным техникумом, по ул. Урицкого, 2.

2. В связи с размещением областных учреждений призвести перевод из Курска следующих учебных заведений:

Медтехникум – г. Мценск.

Совпартшкола – г. Обоянь.

Землеустроительный техникум – г. Щигры.

Автодорожный техникум – г. Белгород.

Школу глухонемых № 5 – г. Белгород.

Веттехникум – г. Грайворон.

Детдом № 4 – Борисовку.

Коммунальный техникум – г. Орёл.

Кооперативный техникум – г. Болхов.

Зерновой техникум – г. Валуйки.

3. Обязать райисполкомы и городские советы поименованных городов принять немедленно меры по размещению этих учреждений. Отпустить на ремонт зданий, предназначенный в этих городах для размещения переводимых учебных заведений, из организационных средств Совнаркома – 80 000 руб., поручив распоряжаться этими средствами – тов. Модало.

4. Обязать директоров и заведующих вышепоименованных учебных заведений, под их персональную ответственность, закончить переброску таковых не позднее 5 июля с/г.

Председатель облисполкома *Царев*.

Секретарь облисполкома *Латидус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.6 об. Типографский экземпляр.

32. Об открытии в г. Курске 4-х годичного педагогического института (внесено тов. Никифоровым).

1. Учитывая значительную потребность в педагогических кадрах для полной средней школы и наличие на территории области лишь одного пединститута (в г. Орле), не могущего удовлетворить полностью потребности в кадрах для области, признать необходимым открытие в г. Курске 4-х годичный пединститута.

2. Просить Наркомпрос с сентября м-ца 1934 года – открыть 4-х годичный пединститут в г. Курске и ассигновать соответствующие средства на оборудование и содержание его.

3. Определить осенний приём 1934 года в институт в составе 180 человек, по следующим отделениям:

- а) Биологическое – 2 гр. – 60 чел.
- б) Математическое – 2 гр. – 60 чел.
- в) Отделение языка и литературы – 60 чел.

4. Представить для пединститута помещение занимаемое ныне педагогическим техникумом, для чего освободить здание педтехникума от общежития.

5. Представить под общежитие студентов пединститута, под квартиры профессорско-преподавательского состав, под общежитие студентов 2-х годичного пединститута и студентов педтехникума – общежитие на 300 человек, закрепив для этой цели за пединститутом и педтехникумом здание: 1) быв. общежитие Зернового Рабфака (150 чел.), 2) быв. общежитие автодорожного техникума (100 чел.).

6. Просить Наркомпрос тов. Бубнова срочно разрешить вопрос об открытии пединститута с тем, чтобы уже сейчас можно было бы приступить к подготовительной работе, обеспечивающей начало нормальной работы института с сентября месяца 1934 года.

Председатель облисполкома *Царев*.

Секретарь облисполкома *Латидус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.6 об. Типографский экземпляр.

1 июля.

43. Об организации Курского Областного архивного Управления.
(Внесено т. Модало).

Исходя из Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 мая 1932 г., от 29/10-31 г. и Госплана РСФСР от 29/IX-32 г., а также учитывая опыт создания областных архивных управлений в других областях и краях СССР, президиум Курского Облисполкома постановляет:

1. Организовать Курское Областное Архивное управление, подчинив его непосредственно Облисполкому и президиуму Облисполкома.

2. Структуру и штаты Областного Архивного Управления утвердить следующие:

1. Управление.
2. Областной архив Октябрьской революции.
3. Областной исторический архив.
4. Областной секретный архив.
5. Читальный зал.
6. Орловское управление Облархивуправления.

3. Подчинить также согласно существующим правительственным законоположениям руководству и контролю Областного Архивного Управления – районные архивы и архивы действующих учреждений Курской области.

4. Управляющим Облархивуправления утвердить т. Зикеева Т.И., заместителем управляющего (он же завед. секретным архивом) тов. Крауклис.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.7-8. Типографский экземпляр.

2 июля.

57. Об организации областного радиокомитета. (Вносится т. Модало).

В связи с организацией Курской области и решением СНК СССР от 29/XI – 33 г. об организации местных радиокомитетов при СНК, областных и краевых исполкомах, Курский Облисполком постановляет:

1. Организовать комитет по радиофикации и радиовещанию при Облисполкоме в составе 7-ми человек: Крылов – пред. комитета и членов – Квасова (зам. пред.), Лapidус, Тетенгольц, Пронский и представителей от обкома ВКП(б) и ВЛКСМ.

Помещения для радиокомитета и большой и малой студий представить горсовету.

Зам. пред. Облисполкома *Модало*.

Секретарь Облисполкома *Лapidус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.8 об. Типографский экземпляр.

58. О представлении помещений облпотребсоюзу. (вносится опер. тройкой).

Во изменение постановления от 25 июня, представить облпотребсоюзу помещение по ул. Добролюбова, 20, занимаемое горрабкоопом, горрабкоопу передать помещение, занимаемое ФЗУ связи, а ФЗУ связи представить помещение, ранее занимаемое детским домом № 4.

Зам. пред. Облисполкома *Модало*.

Секретарь Облисполкома *Лapidус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.8 об. Типографский экземпляр.

60. О выделении средств на расширение работ типографии редакции «Курская правда», а также на приобретение цинкографии. (Вносится т. Модало).

Выделить на расширение работ типографии и приобретение цинкографии 15 000 (пятнадцать) тысяч рублей.

Зам. пред. Облисполкома *Модало*.
Секретарь Облисполкома *Лapidус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.8 об. Типографский экземпляр.

4 июля.

64. Об организации автотранспорта для станции скорой помощи в г. Курске. Внесено облздравом.

Просить Воронежскую областную контору Авторемснаба отпустить один новый мотор грузоподъемностью до 1 ¹/₂ тонны для автокареты скорой помощи.

Зам. пред. Облисполкома *Модало*.
Секретарь Облисполкома *Лapidус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.9. Типографский экземпляр.

7 июля.

67. О радиофикации облисполкома. Внесено т. Лapidус.

1. Отпустить радиокомитету 2 000 руб. дотации на радиофикацию.
2. Предложить председателю комитета тов. Крылову приступить немедленно к радиофикации облисполкома.

Председатель облисполкома Царев.
Секретарь облисполкома Лapidус.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.9. Типографский экземпляр.

8 июля.

71. О представлении помещения Облрадиокомитету при Курской облисполкоме. (Внесено тов. Кашириным).

1. Во изменение постановления облисполкома от 3 июля с.г., представить помещение радиокомитету – клуба строителей (2-й этаж), где оборудовать большую и малую студии, художественный отдел, репетиционную и аппаратную.

2. Для размещения радиокомитета, сектора низового вещания, технического сектора, культтехпрома и последних известий и политтехконтроля выселить квартиры рядом со студией.

Зам. пред. Облисполкома *Модало*.

Секретарь Облисполкома *Латидус*.

ГАКО. Ф.Р-3322. Оп.1. Д. 91. Л.9 об. Типографский экземпляр.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К.Б. Кудланов.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ О РЫЛЬСКОМ ПРЕДВОДИТЕЛЕ ДВОРЯНСТВА ПЕТРЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ДЕНИСЬЕВЕ

Биографии людей играют важную роль в отечественной историографии. В связи с тем, что полная биография его высокоблагородия господина предводителя Рыльского благородного дворянства, надворного советника и двух орденов кавалера Петра Алексеевича Денисьева ещё не была исследована и опубликована, он был выбран как герой нашей статьи. Исследование было произведено на основе неопубликованных источников Государственного архива Курской области: шести дел фонда канцелярии Курского губернатора, двух дела фонда Рыльского уездного предводителя дворянства и одного дело фонда церковей Курской губернии, а так же одного опубликованного источника.

Родился Пётр в 1774 г. в семье дворянина Алексея Сидоровича Денисьева. По достижению совершеннолетия, он женился на Варваре, дочери статского советника Петра Ивановича Анненкова. За всю совместную жизнь у них родилось семь детей: три сына и четыре дочери. Первый сын – Николай, который родился в 1806 г., достигнув своего совершеннолетия, женился на дворянке Екатерине Фёдоровне Афросимовой.

Вторым сыном Алексея Сидоровича Денисьева был Пётр. Он родился 29 марта 1812 г. Через два дня того же года его крестили. Крёстным был помещик Пётр Иванович Анненков (дед крестника), проживавший в Курской губернии, в Фатежском уезде, в селе Карманово [1, л. 87 об.]. Но уже 25 января 1813 г., через 10 месяцев после рождения, Пётр Алексеевич умер. [1, л. 100].

Третьим сыном был Алексей, который родился 4 марта 1815 г. На следующий день его крестили, крёстным отцом стал Николай Петрович Денисьев, крёстной мамой стала помещица из села Березников Татьяна Фёдоровна Износкова. Однако через 10 дней 14 марта 1815 г. и этот младенец умер.

Кроме сыновей у Петра и его жены родились четыре дочери: Екатерина родилась в 1802 г., Марья родилась в 1803 г., Клеопатра родилась в 1805 г., а Олимпиада, которая родилась в 1809 г. умерла 30 мая 1813 в возрасте четырёх лет [1, л. 101 об.].

Вышеупомянутые факты говорят нам о том, что у Петра Алексеевича и Варвары Петровны из семерых детей, только четыре ребёнка дожили до совершеннолетнего возраста, один мальчик и три девочки. С уверенностью можно сделать вывод, что Пётр Алексеевич прожил жизнь не зря и оставил после себя достойное потомство.

Как и многие представители дворянства, Пётр Алексеевич пошёл в военную службу. 7 октября 1784 г. он поступил сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. 22 января 1797 г. был повышен до прапорщика и переведён в Малороссийский полк. 27 апреля 1801 г. он был пожалован титулярным советником по воинской службе, однако неожиданно, когда находился в комиссии о коронации Александра I, уволился с воинской службы. С этого момента военная служба Петра Алексеевича закончилась и уже 14 октября 1801 г. он получил гражданскую должность коллежского асессора. То есть 1801 г., год смены власти в Российской Империи, стал для Петра Алексеевича переломным и в личной жизни.

В 1804 году П.А. Денисьев был избран в Курское дворянское депутатское собрание депутатом сроком на три года. [2, л. 3-4]. 3 января 1810 года он был избран предводителем Рыльского благородного дворянства. В 1816 г. произведён в надворные советники. П.А. Денисьев имел ряд государственных наград. В 1818 г. был награждён орденом Св. Анны второй степени, в 1819 году награждён орденом Св. Владимира четвёртой степени, в 1821 г. его орден Св. Анны был украшен алмазами второй степени [3, л. 2].

К 1828 г. Пётр Алексеевич занимал должность предводителя Рыльского благородного дворянства. Вовремя того, как он был предводителем дворянства, его полномочия были разнообразны. Например, в 1813 г. П.А. Денисьев собирал пожертвования в Рыльском уезде с казённых поселян на памятник Александру I. Однако необходимую сумму на памятник набрали в очень короткие сроки, и собранные Петром Алексеевичем средства оказались не востребованы. После чего Пётр Алексеевич, вернул деньги обратно казённым поселянам. [4, л. 2].

Все вышеперечисленные факты говорят о том, что Пётр Алексеевич был ответственным, целеустремлённым человеком. По темпераменту он был ближе к гражданской службе. Возможно, он ставил предпочтение перед статской службой из-за того, что мог всегда находиться со своей семьёй, в своём поместье. Возможно, была какая-то другая причина.

Так же наш герой занимался и другой благотворительной благотворительностью. Когда Пётр Алексеевич обнаружил в Рыльском уезде много дворян, которые из-за тяжелого материального положения не могли дать должного воспитания своим детям, он отобрал десять ребят, поселил их в отдельном доме, нанял за свой счёт учителя, а в воспитатели приставил отставного вахмистра. С 1811 г. подростки переселились в курский дом Денисьевых и стали посещать гимназию. Их число увеличилось до 16. Некоторые, «по изучении российской грамоты», поступили в дворянский полк и в «различные службы». «В 1813 году, незабвенную память 1812 года, дабы воспитывающиеся им дворяне одушевлялись славой соотичей своих, по вступлении на военное поприще следовали примеру их, внес он в Приказ общественного призрения, тем, кои в науках и благонравии себя отличат, 10 человекам, двенадцать тысяч рублей, то есть каждому по 1200 руб.» [5, с. 3] Можно предположить, что подопечные П.А. Денисьева были благодарны и признательны ему всю свою оставшуюся жизнь.

В 1824 г. после смерти Кошелева, почётного смотрителя Рыльского народного уездного училища, в Императорском Харьковском Университете назначили на 22 мая того же года избрание нового почётного смотрителя в вышеупомянутое народное училище. На квартире у Ивана Ларионовича Выходцева присутствовало 22 дворянина и они единогласно выбрали смотрителем Петра Алексеевича Денисьева, уговаривая его принять вторую должность. Его кандидатуру приняли в связи с тем, что дворянство знало, что наш герой раньше занимался благотворительностью в пользу образования населения.

Пётр Алексеевич обещал построить в Рыльском уездном училище помещение для проживания учителей и помещение для проживания воспитываемых малолетних неимущих дворян, а затем перевести детей из Курской гимназии и обучать их в Рыльском уездном училище под своим присмотром. После избрания его на должность почётного смотрителя училища, он выделил большие средства на усовершенствование этого училища. Он построил три здания: первое – для квартир всем учителям, второе – для воспитываемых сирот, третье – для конюшни, каретного сарая, ледника и погреба.

Кроме того он завёл при училище большой фруктовый сад и посадил деревья, которые в будущем оказались нужны училищу для ремонтных работ. Все ремонтные работы он сделал за свой счёт. Когда в 1827 г. в училище появилась течь, он полностью перекрыл всю крышу за свои деньги [6, л. 1-6].

17 января 1828 г. состоялись выборы на очередное семнадцатое трёхлетие на должность почётного смотрителя Рыльского народного уездного училища. В этот раз наш герой отказывался от предлагаемой должности, ссылаясь на своё здоровье и нехватку времени: ведь достаточно продолжительный период он занимал две должности одновременно. Но 41 представитель Рыльского дворянства упростили его остаться на этой должности до тех пор, пока у Петра Алексеевича будут позволять его обстоятельства. После чего он согласился [3, л. 6]. Эти факты говорят нам о том, что наш герой был щедрым, трудолюбивым, добрым и человеком слова. За эти качества его явно уважали окружающие люди.

Однако не все были довольны героем нашей статьи. Например, 13 января 1816 г. помещик Иван Кусаков подал жалобу на П.А. Денисьева и ещё трёх человек: майора Семёна Деменкова, подпоручика Александра Ладыгина и поручика Ивана Суходолова [6, л. 239]. Этот факт подтверждает русскую поговорку: «для всех мил не будешь». И Пётр Алексеевич не был исключением из правил.

П. А. Денисьев был крупным и успешным помещиком. В 1808 г. за ним и его женой числилось 986 душ. В Курской губернии было 674 души, в Рыльском, Дмитриевском и Льговском уездах. Всего в Рыльском уезде у него было 483 мужчины и 414 женщин, то есть 897 человек: в селе Петровском (Сафронова тоже) у него было 217 мужчин и 188 женщин, в деревне Сафроновой у него было 85 мужчин и 67 женщин, в сельце Мухиной у него было 94 мужчины и 90 женщин, в деревне Медвежья у него было 59 мужчин и 46 женщин, в деревне Серовке у него было 16 мужчин и 12 женщин, в деревне Капустиной было 12 мужчин и 1 женщина. Во Владимирской губернии, Шуйской округе 302 души, ещё в Костромской губернии, Кашенской округе 10 душ [9, л. 2]. Уже к 1815 году у Петра Алексеевича было 1700 душ в Курской и Владимирской губерниях [7, л. 1-3]. За 10 лет количество помещичьих крестьян почти удвоилось и это говорит о том, что хозяйство и состояние Петра Алексеевича процветало.

Главный амбар сёл Рыльского уезда находился в селе Петровское (Сафронова тоже) в поместье Петра Алексеевича. Управляющим там был дворовой человек Варлам Николаевич Хмелевский. С начала 1803 по конец 1806 г.г. в хлебных амбарах накопилось 180 четвертей ржи, 90 четвертей ярового хлеба и 11 четвертей 2 четверика озимого хлеба. В итоге на душу населения накопилось по 11 четвертей 2 четверика ярового хлеба и 1 четверть 3 четверика 2 гарца озимого хлеба [8, л. 255].

К 1835 году в амбаре этих сёл было 294 четверти 2 четверика 5 гарца озимой ржи, было 98 четвертей 7 четвериков ярового овса, но столько же не

доставало по ведомостям. Этот недостаток был вызван тем, что с 1822 года по 1835 год было роздано крестьянам 393 четверти 1 четверик 5 гарцов, то есть по 3 гарца озимого и 1 гарца ярового овса в год на душу населения. Но основное количество хлеба раздали в 1833 и 1834 годах, когда был неурожай [9, л. 3-7]. Анализируя вышеупомянутые данные, можно сделать два вывода. Первый – помещик вошёл в положение своих крестьян и раздал в помощь на продовольствие большое количество яровой и озимой ржи себе в убыток – это говорит о его сердечности и человечности. Второе – не смотря на неурожай за 30 лет количество хлеба в амбарах явно увеличилось. Если количество хлеба увеличивалось, значит, хозяйство шло в гору, если хозяйство шло в гору, значит, помещик был толковый.

24 мая 1810 г. купец из Севска Трофимов подал жалобу на Петра Алексеевича. Заключив контракт с Трофимовым на поставку в течение четырёх лет 60 вёдер вина, Денисьев не смог выполнить свои обязательства и нанёс убыток купцу на 119 940 рублей. Суд в декабре того же года решил дело в пользу Трофимова, после чего Петру Алексеевичу необходимо было возместить нанесённый убыток. [10, л. 1 об.]. После этих обстоятельств, Петр Алексеевич взял кредит в 2 000 рублей под залог своего имения в 29 душ, проживавших в Курской губернии, Дмитриевском уезде, селе Кириловка. [1, л. 40]. Однако суд продолжался до января 1816 г. и чем завершились эти события, нам не известно.

Личная жизнь нашего героя достаточно подробно представлена в документах.. 8 ноября 1807 года Пётр Алексеевич был свидетелем на свадьбе в Курской губернии, в Рыльском уезде, в селе Сафронова у собственных крестьянина Фомы Гущина и Прасковьи Башмаковой [1, л. 54].

29 мая 1835 года Пётр Алексеевич Денисьев, помещик из села Злобино подпоручик Александр Александрович Суходолов и коллежский секретарь из Льгова Флавиан Егоров Стремоухов были свидетелями на свадьбе у Николая Михайловича Обрезкова из Санкт-Петербурга и Натальи Фёдоровны Чарторыжской из Дмитриевского уезда, села Коженовки [1, л. 306]. Если его звали быть свидетелем на свадьбе, ему не было разницы у кого была эта свадьба: у собственного крестьянина или дворянина из Санкт-Петербурга.

У нашего персонажа было много крестных детей. 31 октября 1812 г. господин предводитель Рыльского дворянства был крестным у Михаила, сына священника Адриана Ивановича Благовещенского. Крестной Петра Алексеевича была Настасья Афанасьевна, жена губернского секретаря Аполлона Фёдоровича Васьянова, обладавшего помещьем в Рыльском уезде, деревня Медвежья [1, л. 90 об.]. 15 апреля 1818 г. П.А. Денисьев и помещица

из села Березников Рыльского уезда, Татьяна Фёдоровна Износкова были крёстными Елены, дочери священника Адриана Благовещенского [1, л. 142 об]. 21 июля 1825 г. Пётр Алексеевич и помещица из деревни Медвежья Надежда Наумовна Васьянова были крёстными родителями у Олимпиады, дочери священника Ефима Козьминского [1, л. 201].

18 апреля 1826 г. герой нашей статьи с своей дочерью Клеопатрой были крёстными у Александры, дочери дворянина и поручика из Льгова – Стефана Родионовича Родионова [1, л. 218]. 2 ноября 1826 г. вышеупомянутые отец с дочерью были крёстными у Николая, сына помещика из деревни Ровной Василия Некрасова [1, л. 220 об.]. 17 апреля 1830 г. Денисьев и помещица Надежда Ивановна Васьянова были крёстными у Серафимы, дочери приходского священника Ефима Ильича Козьминского [1, л. 266 об.]. 29 апреля 1833 г. Денисьев и Марья Петровна жена дворянина из Белгорода Алексея Сергеевича Ильина были крёстными у Александры, дочери священника Ефима Ильича Козьминского [1, л. 285].

13 апреля 1835 г. Пётр Алексеевич и помещица Надежда Ивановна Васьянова были крёстными у Елены, дочери священника Ефима Ильича Козьминского [1, л. 297 об]. 26 сентября 1839 г. этот же дуэт крёстных, были крёстными у Анатолия – сына регистратора и помещика из деревни Медвежья Василия Александровича Луцевина [1, л. 371]. 26 сентября 1840 г. снова эти же крёстные крестили Клеопатру дочь священника Ефима Ильича Козьминского [1, л. 392]. 14 марта 1843 г. Денисьев и Васьянова были крёстными у Александры дочери священника Иакова Цветикова [1, л. 491]. Все эти крестины говорят о том, что П. А. Денисьев был отзывчивым человеком. Ведь стать крёстным – это значит не только побывать на крестинах, но и исполнять долг крёстного, т.е. помогать своему крестнику всю оставшуюся жизнь. Как видно герой нашей статьи не боялся этой ответственности.

5 июля 1845 года Пётр Алексеевич умер у себя в именье в Курской губернии, Рыльском уезде, в селе Петровском (Сафронова тож). Он умер от «слёглой», т.е. по старости, когда ему шёл 71 год. Перед смертью он исповедовался священнику Иакову Цветикову. Похороны были через три дня, погребение совершал тот же священник, с диаконом Иоакимом Калмыковым, с дьяком Василием Воиновым и пономарём Василием Воиновым [1, л. 566].

Пройденный жизненный путь Петра Алексеевича Денисьева характеризует его как семьянина, любящего детей, доброго, отзывчивого, уважаемого, ответственного, щедрого, держащего своё слово, не лицемера, трудолюбивого, богатого, хозяйственного и простого человека. Он внёс

большой вклад в развитие своего Отечества! А в частности Рыльского благородного дворянства и развитие Рыльского образования. Помимо этого, он оставил после себя достойное потомство. После его смерти его долгое время помнили все его родственники, друзья, крестники, знакомые, его крестьяне и многие другие люди. Наша статья – ещё один повод, чтобы вспомнить о Петре Алексеевиче Денисьеве.

Источники и литература

1. Государственный Архив Курской Области (далее ГАКО) Ф. 217. Оп.1. Д. 3859.
2. ГАКО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 227.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9283.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9285.
5. Раевский Ф. Благодетельный помещик // Отечественные записки. Ч. 12. 1822. С.109-110.
6. ГАКО. Ф.448. Оп. 1. Д. 264.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9239.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9240.
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9220.

А.И. Волкова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ «КУРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Земства как выборные органы местного самоуправления имели собственные периодические издания: журнал «Самоуправление», а также газеты, освещавшие успехи движения, его мероприятия, а также различные новости. Кроме того, деятельность земских учреждений достаточно подробно анализировалась и на страницах других периодических изданий, в том числе в официальных губернских газетах.

Официальным изданием Курской губернии являлись «Курские губернские ведомости», издававшиеся в типографии губернского правления с 1838 года по 1917 год. Губернская газета создавалась для публикации различных официальных постановлений, распоряжений, извещений, объявлений, которые предназначались, прежде всего, для губернских учреждений и чиновников. Стоит отметить, что «Губернские ведомости» на протяжении многих лет оставались единственным официальным печатным изданием Курской губернии и сегодня являются уникальным источником краеведческой информации.

На страницах «Курских губернских ведомостей» регулярно размещались материалы, характеризующие деятельность земских органов. Так, например, газета постоянно публиковала отчеты Курской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию, сметы уездных земских сборов, общие раскладки уездного земского сбора, сметы уездных денежных земских повинностей и т.д. Особенный интерес представляет рубрика «Земская хроника», регулярно помещавшаяся на страницах издания.

В качестве примера приведем отчет Курской губернской управы очередному губернскому земскому собранию в выделенных ей суммах в 1866 году «на устройство и исправление дорожных сооружений и караул мостов, а равно и на содержание переправ по губернии», помещенный в неофициальной части шестого номера «Курских губернских ведомостей» [1, с. 1]. Губернская управа сообщает, что «Из нижеобъясненных сумм, расход до открытия экстренного земского собрания сделан вследствие крайней необходимости и исправления повреждений, а по окончании оно – во исполнение постановления губернского собрания, состоявшегося 12 мая; ассигновка же денег, по распоряжениям губернской управы, производилась на исправление дорожных сооружений из суммы 17 864 руб. 8 коп., а на содержание переправ из суммы 3 200 руб., ежегодно определяемых на сооружение и переправы по смете утвержденной в 1860 году и продолженной на 1866 год» [1, с.1]. Такое подробное объяснение, по сути, является кратким содержанием отчета и говорит о его целях и сути. Далее в отчете Курской губернской управы раскрыты направления, на которые направлены денежные средства, причем по каждому конкретному уезду.

Так, «по Курскому уезду по требованию Уездной Управы ассигновано:

- 1) На исправление мостов за слободою Ямскою – 450 руб.
- 2) На исправление моста в селе Красниково на Котовце, близ деревни Бесединой, что на полях, первоначально отпущено было на поправку настилки и перил – 50 руб., а затем, при ближайшем осмотре означенного

моста, членам управы г. Тимофеевым, после упадка весенней воды, потребовалось на перестройку его еще 266 руб., по отпуске которых и составила сумма в 316 р.

3) По представлению Курского Уездного Исправника, за карауль мостов на р. Тускари и за слободою Ямской с 25 декабря 1865 года по 25 марта 1866 года – 24 р.» [1, с. 1-2]

Такое распоряжение сделано Управой на основании ст. 98 Временных правил о земских учреждениях, в которых отмечено, что «все заключенные обязательства по земским повинностям исполняются управами во всей точности, а как условие о карауле мостов в течение года заключено уездным исправником в марте 1865 года, а деньги, по распоряжению Особого о земских повинностях Присутствия, уплачены были только до 25 декабря 1865 года, то об удовлетворении караульщика, за остальное время года, считая по 8 руб. в месяц, и сообщено Курскому Губернскому Казначейству» [1, с.1-2].

Управа сообщала, что «1) За караул мостов крестьянину Бондареву, с 25 марта по 25 мая 1866 года, всего за два месяца, ассигновано 16 руб. и кроме того вследствие условия, заключенного Курскою Уездною Управой с тем же крестьянином Бондаревым о карауле означенных мостов с 25 мая 1866 года по 25 мая 1867 года, сделано распоряжение об отпуске из Казначейства, по требованию Уездной Управы, по 5 р. в месяц, что составит расходу до 1 января 1867 года 35 руб. 83 коп., а всего – 51 р. 83 к. 2) За исправление трех Ямских мостов отпущено 161 р. 70 к. 3) За исправление мостов на реке Тускари выдано 170 руб.» [1, с.1-2]

На основании той же 98 статьи временных правил о земских учреждениях по Курскому уезду Курской уездною Управой представлено о выдаче 324 руб. 75 коп., издержанных членом ее Власовым по исправлению моста в селе Тазове, но Губернскою Управой ассигновка не сделана, по причинам изложенным в особом докладе» [1, с. 1-2]

В качестве другого примера приведем выдержки из отчета по Тимскому и Белгородскому уездам, как наиболее отдаленных от губернского центра. Так, «По Тимскому уезду: На исправление мостов на р. Гнилуше, в сельце Мандровке и на Ключевом Колодезе – 849 р. 54 к.» [1, с. 1-2]

Помимо этого по представлению Тимской уездной управы из-за необходимости «безотлагательного исправления мостов по дороге между г. Курском и Тимом, ассигнована сумма в 1 584 р. 46 коп.» [1, с. 1-2], но по соображению Тимской Управы работы были отложены до весны 1867 года, в связи с чем эти средства остались неизрасходованными.

По Белгородскому же уезду «На сооружение двух мостов на почтовой Корочанской дороге, а также на исправление мостов из г. Белгорода в гг. Корочу и Харьков – 1 500 руб.» [1, с. 1-2]

Отчет содержит и сведения по Путивльскому, Обоянскому, Львовскому, Щигровскому, Грайворонскому, Старооскольскому, Новооскольскому, Рыльскому, Дмитриескому уездам. Следовательно, данный документ содержит различную информацию о деятельности органов земского самоуправления, из которого можно также почерпнуть и косвенные сведения, например, о состоянии дорог, мостов в Курской губернии. «Курские губернские ведомости» регулярно размещали на своих страницах подобные отчеты.

Земствам было предоставлено право облагать население уездов сборами и повинностями на строительство и обустройство школ, благотворительность, медицинская помощь, устройство дорог и мостов и т. п. В связи с этим на страницах губернского издания регулярно размещались сметы уездного земского сбора. В качестве примера приведем смету Дмитриевского уездного земского сбора на 1867 год, размещенную в субботнем номере от 1 апреля 1867 года [4, с. 3]. В смете указывались направления расходов, в частности «сколько предметов назначается на расход, предметы, с которыми назначается сбор на покрытие сметного расхода» [4, с. 3]. Предметы расхода по смете разделялись на два основных вида: обязательные и необязательные. К обязательным расходам относились следующие:

- «по дорожной повинности (на устройство и ремонт верстовых и станционных столбов по почтовой дороге от г. Дмитриев на г. Фатеж);

- по помещению и содержанию местного гражданского управления (на наем, отопление и освещение помещения для Рекрутского присутствия; на содержание чиновников в Дмитриевском Уездном Казначействе, занимающихся по делам земства; на содержание подвод при Полицейском Управлении; на устройство и наем домов для Становых Приставов; на выпуск Сенатских и Губернских ведомостей для земской полиции и последних для сельских церковных приходов);

- по медицинской полиции в городе и уезде (на распространение оспопрививания; на наем квартир для судебных следователей)». [4, с. 3]

Необязательные платежи делились на:

- «содержание уездной земской управы;
- вспомоществование Дмитриевской городской больницы;
- содержание и обучение лучших учеников из сельских школ в уездном училище;

- оказание сельскому населению при повальных болезнях пособия» [4, с. 4].

Сметы, обычно, утверждались и заканчивались следующей формулировкой: «Смета Дмитриевским Земским собранием утверждается» [4, с. 4].

На страницах «Курских губернских ведомостей» имеются материалы по экономической истории земского движения. Такую информацию находим в следующих документах:

- «Общая раскладка уездного земского сбора по Дмитриевскому уезду на 1867 год» [4, с. 4].

- «Смета денежных земских повинностей Курской губернии Новооскольского уезда на 1867 год, составленная Новооскольскою земскою управою сентября 24 дня 1866 года, по предметам местных уездных земских повинностей» [5, с. 3].

- «Раскладка сборов Новооскольского уезда Курской губернии, потребленных на уездные земские повинности по предложению Новооскольской уездной земской управы» [5, с. 3].

- «Доклад Новооскольской уездной управы Новооскольскому уездному земскому собранию об основаниях, какие приняла Новооскольская уездная земская управа, при составлении раскладки уездных земских сборов, следуемых по смете, составленную управою на 1867 год» [5, с. 3].

- «Выписка из журнала Новооскольского уездного очередного земского собрания 21 сентября 1866 года под № 2» [5, с. 3].

- «Раскладка уездных земских сборов на имущество принадлежащее разным сословиям Грайворонского уезда, по закону неизъятым от отправления денежным земских повинностей» [2, с. 4].

- «Смета общих уездных земских сборов, Грайворонского уезда, потребных на его надобности в 1867 году» [2, с. 3-4].

- «Смета уездных денежных земских повинностей Старооскольского уезда Курской губернии на 1867 год по предложениям Старооскольской Уездной Земской Управы. Сентября 20 дня 1866 года» [3, с. 2-3].

- «Смета уездных потребностей по Белгородскому уезду на 1867 год» [4, с. 3].

Так, в уже указанной смете Дмитриевского уездного земского сбора на 1867 год видим, что «Согласно постановлению Дмитриевского земского собрания, кроме предметов показанных в смете, составленной Управой, предназначается на 1867 год расход на следующее: «Обязательные:

1. На содержание лошадей на пунктах для разъездов Становых Приставов, Судебных Следователей и разсылных – 4 050 р.

2. На содержание Дмитриевских мировых учреждений – 6 000 р.

Необязательные:

1. На содержание врача с фельдшерами – 2 500 р.

2. В распоряжение уездного училищного совета – 250 р.

3. В распоряжение Уездной Управы – 208 р. 3 к.

4. На содержание чиновников казначейства по дополнительному сбору – 130 р. 8 к.» [4, с. 3].

Такие подробные сметы и отчеты о деятельности земского движения наиболее часто встречаются в «Курских губернских ведомостях» не только за 1867 год, в последующем газета регулярно помещала на своих страницах хронику земской жизни, даже появилась специальная рубрика «Земская хроника». В данном разделе публиковались объявления, сообщения об открытии земских собраний, постановления, принятые на таких собраниях и т.п.

Так, к примеру, в газете от 2 ноября 1879 г. в рубрике «Земская хроника» сообщалось «22 минувшего сентября, открыто было Корочанское очередное уездное земское собрание, которое, по составлении сметы и раскладок уездных повинностей на 1880 год и по обсуждении всех других предложений ему вопросов а также по избрании участковых и почетных мировых судей на новой трехлетие, закрыто 27 того же сентября» [6, с. 3]. В этом же пятничном номере читатели могли узнать, что «9 минувшего октября, открыто было Курское очередное уездное земское собрание, которое, по составлении сметы и раскладок уездных повинностей на 1880 год и по обсуждении всех других предложений ему вопросов а также по избрании участковых и почетных мировых судей на новой трехлетие, закрыто 13 того же октября» [6, с. 3].

В «Земской хронике» публиковались и обязательные постановления. Чаще всего такие постановления были обязательны для исполнения в определенном уезде губернии и принимались в особых случаях. Например, в № 89 от 13 ноября 1879 г. предписывались: «Обязательные постановления для Новооскольского уезда, изданные Новооскольским очередным земским собранием по постановлению его, 27 сентября 1879 года состоявшемуся, на основании Высочайше утвержденных 9 марта сего года временных правил о мерах к предупреждению и прекращению повальных и заразительных болезней» [8, с. 6]. Несколькими номерами ранее аналогичное постановление было опубликовано в отношении Корочанского уезда: «Обязательные меры для жителей Корочанского уезда, изданные Корочанским очередным земским собранием по постановлению его, 27 сентября 1879 года состоявшемуся, на основании Высочайше утвержденных 9 марта сего года

временных правил о мерах к предупреждению и прекращению повальных и заразительных болезней» [7, с. 5].

Одной из важных сторон работы земства было создание системы медицинской помощи. «Курские губернские ведомости» уделяли внимание и данному аспекту в работе земства, размещая на своих страницах соответствующую информацию. В рубрике «Хроника» можно ознакомиться со статьей курского земского врача К.Д. Попова «Что желательно для земской медицины в Курском уезде?» [9, с. 1]. В своей статье автор рассуждает о недостатках медицины в Курском уезде, а именно «Два самых главных пробела существуют по медицинской части в Курском уезде, а именно: самостоятельные фельдшера и отсутствие по сельским участкам больничной помощи» [9, с. 1]. В этом же номере читатели могли не только узнать о состоянии курской уездной медицины, но и о прошедшем съезде врачей, на котором, кстати, выступал с докладом уже известный нам земской врач Попов. В частности, газета сообщала: «курским земским врачом К.Д. Поповым нам сообщены из доклада его съезду врачей данные о народной медицине в Курском уезде...» [9, с. 1].

В целом, «Курские губернские ведомости» достаточно много внимания уделяли медицинской тематике и регулярно печатали медицинские сведения. В подтверждение этому приведем несколько выдержек из газеты, сообщавшей, что «На бывшем в настоящем году съезде земских врачей Курской губернии врач-делегат Тимского уезда заявил, между прочим, о многих неудобствах, проистекающих от того, что в Тимском уезде нет врачебного совета. Теперь Тимское уездное земское собрание приняло доклад управы, которым эта последняя ходатайствовала об учреждении в уезде врачебного совета и утвердило инструкцию для этого совета» [10, с. 1]. В другом сообщении население ставилось в известность, что «Тимское уездное земское собрание приняло очень важную санитарную меру, именно освидетельствование по два раза в год через посредничество земских врачей учеников земских школ. На разъезды врачей для выполнения их обязанностей по освидетельствованию учащихся ассигновало по 100 р. в год» [10, с. 1].

Объявления, сообщения, новости, статьи, посвященные деятельности земского движения кроме рубрики «Земская хроника» находим в разделе «Новости из уездов», который никакого отношения конкретно к земству не имел, но иногда здесь можно было найти сведения о работе уездных земских учреждений.

Так, в газете от 18 октября 1888 года читаем, что «Курское губернское земство в последнее время озабочено устройством эмеритальной кассы для

служащих в земских учреждениях. Оно предложило уездным земствам пожертвовать единовременно по 500 руб. в пользу кассы. Тимское уездное земское собрание согласилось на пожертвование в пользу кассы просимой суммы». [10, с. 1]. В другом номере газеты знакомимся еще с несколькими сообщениями от Тимского уездного земства: «Тимское уездное земское собрание в своих заседаниях с 3 по 5 октября постановило открыть в селе Кривец земскую школу, а Тимскому городскому женскому училищу ассигновать ежегодно пособие по 30 р. для введения в училище обучения девочек рукоделию; Харьковское медицинское общество представило Тимскому уездному земскому собранию отчет о деятельности бактериологической станции с 20 апреля 1887 года по 1 августа 1888 и просило о назначении субсидии на поддержание станции. Уездное земское собрание отклонило ходатайство Харьковского медицинского общества» [10, с. 2].

В заключение отметим, что «Курские губернские ведомости» уделяли постоянное внимание различным аспектам повседневной деятельности земств: объявлениям официального и социального характера, социально-экономическим проблемам различной направленности, включая непосредственную повседневную деятельность органов земского самоуправления.

Первая курская газета публиковала на своих страницах объявления, новости, разнообразные статьи и т.д. и для современных исследователей является ценным источником по многочисленным вопросам повседневной жизни провинции, в том числе о деятельности земств.

Источники и литература

1. Курские губернские ведомости. 1867. 11 февраля. № 6.
2. Курские губернские ведомости. 1867. 18 марта. № 11.
3. Курские губернские ведомости. 1867. 25 марта. № 12.
4. Курские губернские ведомости. 1867. 1 апреля. № 13.
5. Курские губернские ведомости. 1867. 8 апреля. № 15.
6. Курские губернские ведомости. 1879. 2 ноября. № 86.
7. Курские губернские ведомости. 1879. 6 ноября. № 87.
8. Курские губернские ведомости. 1879. 13 ноября. № 89.
9. Курские губернские ведомости. 1888. 21 июня. № 46.
10. Курские губернские ведомости. 1888. 18 октября. № 80.

П.О. Горбачев

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1902 ГОДА

В 1897 г., в номере от 11 февраля, газета «Южный край», выходившая в Харькове, поместила заметку «102-летний старик». Она была посвящена городскому долгожителю Е.М. Абросимову. Большую часть своей жизни он проработал домашней прислугой [4]. Примечательно, что родился этот долгожитель в Курской губернии в 1795 году! На следующий день, 12 февраля та же газета поместила еще один небольшой материал «107-летний старик» о Е.М. Стрельникове [5], который так же являлся уроженцем Курской губернии 1790 года рождения! В то же время, в курской прессе конца XIX века эта тема не получила освещения.

Уже в наши дни о долгожителях из Курской губернии писали Анатолий Тимофеевич Стрелков [3] и Юрий Владимирович Озеров [2]. Известно, что согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года в Курской губернии 90-летний рубеж перешагнули 881 мужчина и 1054 женщины. Из них 110-летний юбилей сумели встретить трое мужчин и одна женщина. Наибольшее распространение долгожителей было отмечено в Суджанском, Щигровском и Старооскольском уездах. А что можно обнаружить по данному вопросу в Государственном архиве Курской области?

Во второй половине 1902 г. в Курской губернии прошла дополнительная и необычная перепись населения, направленная на более детальное выявление долгожителей в Курской губернии. 1 сентября 1902 года Центральный статистический комитет МВД, Отдел всеобщей переписи населения направил на имя курского губернатора Алексея Дмитриевича Милютина довольно обстоятельное обращение с необычной просьбой.

Когда в Санкт-Петербурге разбирали переписной материал 1897 года по Курской губернии, то при составлении сводных списков «оказалось некоторое число лиц, показавших себя в возрасте 100 и более лет, о каковых лицах, с научною целью, требуется *особое о каждом обследование*, в видах уяснения всех условий их жизни и достоверности показанного возраста» [1, л. 1].

Для данного обследования, согласно приказу Министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве, в Курск высылались опросные («вопросные») листы вместе с «наставлениями для собираний сведений, необходимых для заполнения этих листов ответами» [1, л. 1].

В документе подчеркивалось научное значение данного мероприятия и настоятельно рекомендовалось доверить проведение дополнительной переписи долгожителей людям образованным, «обладающим в достаточной степени умственным развитием и тактом». Кроме того, содержалась просьба отразить собранный материал наиболее полно и точно, «ради содействия науке». В качестве корреспондентов предлагалась задействовать «земских начальников, врачей, народных учителей и учительниц, священников, земских гласных и других лиц, близко стоящих к народу». Их имена также предлагалось отразить в опросных листах для истории [1, л. 1]. В листах содержалось шесть граф обязательных к заполнению: уезд, волость, деревня или село, местожительство «долголетних» (так их тогда называли – П.Г.), имя, отчество и фамилия «долголетних», возраст [1, л. 2-7].

К «долголетним» тогда отнесли жителей губернии, чей возраст был равен, или превышал 100 лет. Таковых по переписи 1902 года зарегистрировано 84 человека: 52 женщины и 32 мужчины. Из них достигли 100-летнего возраста 55 человек, а 29 перешагнули этот рубеж. Среди 100-летних можно насчитать 36 женщин и 19 мужчин. Среди перешагнувших 100-летний рубеж 16 женщин и 13 мужчин [1, л. 2-7].

В самом почтенном 120-летнем возрасте находились: Федор Трифанов Безпалов, проживавший у Дмитрия Фильенкова в селе Кромские Быки Ивановской волости Льговского уезда (*далее будет указано: у кого проживал долгожитель, название населенного пункта, волости и уезда в скобках – П.Г.*), Наталия Ивановна Соснова (Петр Соснов, хутор Волхов, Томаровская волость, Белгородского уезда), Евдокия Прокофьева Панищева (Алексей Панищев, деревня Пены, Угонской волость Льговского уезда). 110-летнего возраста достигли: Синклитская Иванова Тапалаева (так в документе – П.Г.) (Бонифаций Стаканов, деревня Будки Низовецевской волости Рыльского уезда), Егор Афанасьев Асторов (Филипп Лазарев, село Никольское Никольской волости Тимского уезда), Мария Гаврилова Никулина (Лидия Ермолова, владельческая усадьба при селе Шинок Курасовской волости Обоянского уезда), Пелагея Федорова Неплюева (Николай Ларин, Пригородная слобода Городенской волости Льговского уезда), Максим Потапов Степанов (Федор Степанов, деревня Заломная Кладовской волости Старооскольского уезда). 109-летнего возраста достигла Пелагея Борисовна Рыжих (Хеония (так в документе, но правильно Хионии – П.Г.) Рыжих, деревня Чебышевка Волобуевской волости Рыльского уезда). 108 и 107-летних в губернии не было. В 1906-летнем возрасте находились Иван Козмич Яценко (Василий Козарев, село Глушково Глушковской волости Рыльского уезда) и Матвей Тимофеевич Шеповоленков (Кирилл Шеповоленкова, село

Песчанка Слоновской волости Новооскольского уезда). По 105 лет исполнилось Николаю Савельеву Коневу (Гордей Конев, село Нижний Реутец Медвенской волости Обоянского уезда), Григорию Лаврентьеву Гребенникову (Ефим Гребенников, хутор Дубинин Томаровской волости Белгородского уезда), Марфе Матвеевой Барыбиной (Иван Барыбин, село Маслово Пристань Масловской волости Белгородского уезда), Дарье Кирилловне Нестеренко (Никифор Нестеренко, г. Грайворон Грайворонского уезда). По 104 года исполнилось Евдокии Антоновне Резнизенковой (Александр Резнизенков, хутор Костенков Булановская волости Новооскольского уезда) и Анастасии Степановне Сафоновой (Николай Лукин, г. Щигры Щигровского уезда). 103-летних в Курской губернии оказалось трое: Кирилл Петров Прохоренко (Ираклия Матвеева Никифорова, село Успенка Медвенской волости Обоянского уезда), Никифор Васильев Подчасов (Пимен Подчасов, слобода Вязовка Вязовской волости Старооскольского уезда) и Наталия Сорокина (Петр Таран, деревня Попова Грайворонской волости Грайворонского уезда). 102-летних было: Евдокия Игнатьевна Иванова (Ларион Иванов, село Песчаное Пчеловской волости Суджанского уезда), Александра Григорьевна Гладкова (Феофан Гладков, село Средние Апочки Знаменской волости Старооскольского уезда), Дарья Павловна Ефимова (Иван Силантьев, Золовчанский поселк при сельце Орлик Суджанского уезда), Петр Яковлев Романенков (Семен Андрющенко, слобода Троицкая Волуновской волости Новооскольского уезда), Семен Прокофьев Шломин (Павел Шломин, село Износково в Износковской волости Льговского уезда), Мария Васильевна Кривоносова (Максим Пашков, село Долбино Безносковской волости Белгородского уезда), Матрена Семеновна Чернова (Яков Чернов, деревня Арсеньевка Нижне-Деревенской волости Льговского уезда), Тарас Иванович Майоров (Василий Боженков, деревня Васильево Вязовкой волости Старооскольского уезда). Из 101-летних переписчики зафиксировали только одного. Это был Роман Петрович Витовилов, проживавший у Леона Витовилова в селе Денеевка Двоелученской волости Тимского уезда [1, л. 2-7]. Перечислять 55 человек 100-летних, при всем уважении к ним, в данном случае нам представляется излишним.

Теперь посмотрим, как по уездам распределялось количество долгожителей. Самые «долголетние», то есть в возрасте более 100 лет проживали следующих уездах: Льговский (5 человек), Белгородский (4 человека), Обоянский (3 человека), Старооскольский (4 человека), Рыльский (3 человека), Новооскольский (3 человека), Щигровский (2 человека),

Тимский (2 человека), Грайвороский (2 человека), Суджанский (1 человек) [1, л. 2-7].

100-летних переписчики начитали по тем же уездам: Льговский (10 человек), Тимский (9 человек), Обоянский (8 человек), Новооскольский (6 человек), Старооскольский (5 человек), Рыльский (5 человек), Суджанский (4 человека), Белгородский (3 человека), Щигровский (3 человека), Грайвороский (2 человека) [1, л. 2-7].

Итоговые результаты переписи по уездам выглядят так: Льговский (15 человек), Обоянский (11 человек), Тимский (11 человек), Старооскольский (9 человек), Новооскольский (9 человек), Рыльский (8 человека), Белгородский (7 человек), Щигровский (5 человек), Суджанский (5 человек), Грайвороский (4 человека).

Примечательно, что при сопоставлении возраста особо «долголетних» и 100-летних мы обнаруживаем одни и те же уезды, что наталкивает нас на следующие размышления: 1) В таких уездах как Курский, Фатежский, Корочанский, Дмитриевский, Путивльский долгожителей не было вовсе, что выглядит странно; 2) Переписчики обследовали не все уезды Курской губернии, а только Льговский, Белгородский, Обоянский, Старооскольский, Рыльский, Новооскольский, Щигровский, Тимский, Грайвороский, Суджанский, например, из-за недостатка средств, или иных причин; 3) С момента Всероссийской переписи прошло 5 лет и в Санкт-Петербурге располагали устаревшими данными о количестве и местах проживания курских долгожителей. Переписчиков повторно направили в те уезды, в которых по данным переписи 1897 года и проживали долгожители. Вместе со «старой гвардией» они переписали и 100-летнюю «молодежь», ставшую таковой за последнюю пятилетку. В остальные уезды переписчики не поехали, так как не было на то указаний от начальства.

Таким образом, располагая превосходным материалом для анализа социально-демографической ситуации в Курской губернии начала XX века, мы с большой долей уверенности можем утверждать, что перепись долгожителей Курской губернии 1902 года далеко не полная. Возможно, более достоверные данные будут получены в результате дальнейших архивных поисков.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области. Ф. 4. Курский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 135.

2. Озеров Ю.В. Замечательное долголетие // Городские известия. 2004. 25 марта.
3. Стрелков А.Т. Курский феномен долгожительства // Курская правда. 2013. 23 февраля.
3. Южный край. 1897. 11 февраля.
4. Южный край. 1897. 12 февраля.

В.В. РАКОВ

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИКА СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Известно, что изучение исторического прошлого основано на исторических источниках. В отечественной исторической литературе пресса была и остается не слишком почитаемым источником. Исследователи часто справедливо отмечают ее субъективность, фрагментарность, конъюнктурность и предпочитают использовать другие виды источников. Тем не менее, периодическая печать была и остаётся уникальным историческим источником, с помощью которого историк может восстановить непрерывную картину развития прошлого.

В научно-справочной библиотеке ОКУ «Госархив Курской области» имеется большая коллекция районных газет за 1934-1940 гг. Как правило, этот вид источников практически не включен в научный оборот, поскольку даже исследователи региональных аспектов общественно-политической, экономической и культурной жизни Курской области довоенных лет ограничиваются материалами областных газет – «Курская правда» и – реже – «Молодая гвардия». Объектом нашего исследования стала газета «Вперёд к социализму» – орган Хомутовского райкома ВКП(б) и райисполкома Курской области. Газета издавалась с 1932 г. и выходила 8 раз в месяц.

В связи с переходом страны на областное и районное административно-территориальное деление ВЦИК СССР Постановлением от 30 июля 1928 г. утвердил сеть районов и округов бывшей Курской губернии [1, № 99, ст. 630]. Хомутовский район был образован в составе Льговского округа ЦЧО с местонахождением районного административного центра в с. Хомутовка. В его состав вошли 36 сельсоветов, ранее входивших в состав Рыльского, Дмитриевского и Льговского уездов с территорией 1200 кв. км. и

населением 68 775 чел. [2, д. 2, л. 31-35]. После ликвидации округов Хомутовский район с 15 июля 1930 г. входил непосредственно в состав ЦЧО [3, № 37, ст. 400]. С образованием 13 июня 1934 г. Курской области Хомутовский район вошел в ее состав [4, № 26, ст. 153].

О необходимости привлечения районной прессы при исследовании начального периода истории области говорит и тот факт, что архивные фонды районных органов исполнительной власти 1930-х гг. далеко не полно укомплектованы даже официальными документами. Это относится и к документам постоянного хранения: постановлениям Хомутовского районного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (с 1939 г. – Совета депутатов трудящихся). Так, например, за 1934 г. сохранился лишь протокол 4-го районного съезда Советов и организационного пленума райисполкома от 2-4 декабря 1934 г.; за 1936 – протокол Районного съезда Советов по обсуждению Конституции СССР. За 1937 г. не сохранилось ни одного документа Хомутовского райисполкома.

Вместе с тем в районной газете «Вперёд к социализму» газете были опубликованы ряд постановление президиума Хомутовского РИКа, например: «О ходе заготовки пеньки» от 30 января 1935 г. [5, 1935, 3 февр.]; «О ходе переработки тресты и выполнении плана сдачи пеньковолокна» от 1 марта 1935 г. и др., а также отдельные постановления бюро Хомутовского райкома ВКП(б) «О проведении отчетной компании, довыборах и пополнении правлений колхозов от 18 января 1935 г. [5, 1935, 20 янв.]».

Как правило, все публикуемые материалы на полосах газеты группировались в тематические рубрики. Назовём некоторые из них: «По нашей области», «С посевного фронта», «Партийная жизнь», «Заем», «Коротко о многом», «Короткие сигналы», «Тревожный сигнал», «Колхозные частушки» и др.

Рубрика «По нашей области», появившаяся со второй половины 1934 г., содержала информацию о социально-экономическом развитии районов, работе МТС, благоустройстве сел и городов, культурном строительстве и т.д.

Местная тематика отражена разнообразными материалами о колхозном строительстве, о ходе сева, уборке, переработке и хранении урожая, о новых агротехнических приёмах. Огромное внимание пресса уделяла «сигналам» с мест, позволяющим бороться с нерадивыми руководителями хозяйств и учреждений, недобросовестными исполнителями, нарушителями колхозного устава и др. Доля критических материалов значительно выросла в 1936-1938 гг. Некоторые негативные факты, приводившиеся в прессе, стали предметом

судебных и внесудебных разбирательств, повлекшие уголовные и административные преследования, другая часть получила общественное осуждение, третья – стала предметом обсуждения правлений колхозов, но практически ни один из материалов газеты не оставался без соответствующего рассмотрения.

Газета публиковала много статистических материалов. Наибольший интерес представляют сводные обобщающие сведения за определённый продолжительный период. Скажем, полезны для размышлений данные об урожайности 1937 г. Председатель колхоза «Ясная поляна», Хомутовского сельсовета С.С. Семёнов в заметке с многоговорящим названием «Обильный урожай» с гордостью заявляет: «Средний урожай зерновых по колхозу 18 центнеров с гектара. На отдельных участках рожь дала с гектара по 23-25 центнеров. Средний урожай озимой пшеницы 9 центнеров, яровой пшеницы – 8 центнеров с гектара, овса – 30 центнеров с га., гречихи – 18 центнеров с гектара, проса – 28 центнеров с гектара, вики – 17 центнеров с гектара, чечевицы – 13 центнеров с га.». [5, 1937, 23 сент.]

Это был действительно не самый плохой год. Вот данные, приведённые на второй сессии районного Совета депутатов трудящихся, проходившей 17 февраля 1940 г.: «Если в 1938 году мы получили ржи с гектара в среднем по району 8,6 центнера, то в 1939 году – 11,9 центнера с га; яровой пшеницы в 1938 году – 1,6 цент. с га, то в 1939 году – 10,2 цент. с га; ячменя – в 1938 году 2,2 цент. с га, то в 1939 году – 11,2 цент. с га; овса – в 1938 году 4,6 цент., то в 1939 году – 10,9 цент. с га; проса – в 1938 году 4,3 цент. с га, то в 1939 году 12,2 цент. с га; гречихи – в 1938 году 3,2 цент. с га, то в 1939 году – 7,9 цент. с га.» [5, 1940, 23 февр.]

В передовых колхозах выдача натуральной и денежной оплаты выражалась следующими показателями: «Колхоз «Равное», Б.-Алешнянского сельсовета, получил в среднем зерновых 13 цент. с га и выдал на трудодень 2,6 кг хлеба и 3 руб. деньгами., «Знамя труда», Прилеповского сельсовета, получил 14,7 цент. с га и выдал на трудодень 3,3 кг хлеба, «Добрый», Сальновского сельсовета, получил 14,5 цент. с га и выдал на трудодень 2,5 кг хлеба и 1 руб. 16 коп. деньгами, имени Парижской коммуны, Дубовицкого сельсовета, получил 14,6 цент. с га и выдал на трудодень 4,3 кг хлеба, «Красный ударник», Старшенского сельсовета, получил 14,5 цент. с га и выдал на трудодень 2,2 кг хлеба и 1 рубль 30 к. деньгами, «Красный ударник», Бупельского сельсовета, получил 12,5 цент. с га и выдал на трудодень 2,6 кг хлеба и 3 рубля деньгами, «Знамя труда», Деменинского сельсовета, получил 12,8 цент. с га и выдал на трудодень 4 кг хлеба и 1 рубль деньгами». [5, 1940, 23 февр.]

Вероятно, не сохранились иные источники по истории возникновения отдельных колхозов, кроме сведений, попавших на страницы районной газеты. Вот один из примеров: «Колхоз «Красный трудовик», Романовского сельсовета, возник десять лет назад. Безлошадники Поляковы, Валюковы, Бугаевы и др. решили работать коллективно. Объединились в колхоз и назвали его «Красный трудовик». [5, 1940, 29 марта]

Особый интерес для исследователя представляют статьи об истории населённых пунктов района. Истории сел посвящены статьи о Хомутовке, Калиновке, Амони, Ольховке, Сальном, Гламоздино и других населённых пунктах района. И хотя некоторый пафосный стиль об успехах социалистического строительства снижает их научную значимость, в этих публикациях содержатся определённые фактологические материалы, важные для краеведов.

В качестве примера приведём полный текст одной из таких статей М. Аболишина о селе Переступлено: «Десять купцов-торговцев, пять кабаков, пятнадцать крупных кулаков, два помещика, одна церковь и одна жалкая ветхая школа с сотней учеников. Вот все то, что до эпохи наших дней находилось в нашем селе Переступлено. Шли дни. Менялось лицо нашей необъятной страны, а наряду с этим в корне изменилось лицо и села Переступлено. Село неузнаваемо выросло в культурном и сельскохозяйственном отношении. В этом селе мы на сегодняшний день имеем семь колхозов, снабженных крупными сельскохозяйственными машинами.

Переступлено из неблагоустроенного и культурно отсталого села превратилось в замечательное колхозное село, в котором имеется три начальных школы и одна НСШ, где учатся 500 учеников, имеется почта, библиотека, изба-читальня, радио. Из бывших бедняков и середняков имеется интеллигенция: 10 учителей, 3 агронома, 2 инженера, 5 техников, 6 командиров Красной Армии, 2 комбайнера, 5 машинистов и т.д. Помимо этого, в Переступлено каждый колхозник имеет корову, мелкий скот, свиноматок от 1 до 2 штук и много птицы.

Колхозники и колхозницы, изучая сталинскую Конституцию, принятую Чрезвычайным VIII съездом Советов и материалы съезда, выражают глубокое чувство преданности и доверия нашей коммунистической партии, обеспечившей победу социализма в нашей стране и творцу Конституции – вождю народа и гению человечества – товарищу Сталину». [5, 1937, 24 янв.]

Районные газеты 1930-х гг. содержат огромный поистине бесценный материал биографического и генеалогического свойства, практически не имеющий альтернативных аналоговых источников. Людям села Студенок

посвящена заметка М. Игнатухина и М. Аболишина «Колхозный Студенок». Журналисты пишут: «Многие из них [*выпускников неполной средней школы – В.Р.*] окончив учебу, работают агрономами, инженерами, учителями, лётчиками. Так, например, сын Одинцова И.Ф. – Александр окончил институт лётной школы, имеет звание капитана. Два сына Сорокиной К.М. находятся в рядах РККА – Николай – лейтенант, Лаврентий – политрук, третий Иван работает кладовщиком колхоза; Лебедева А.К., Машкина А.Н. и другие – учителя; Рукин А.Т. – агротехник, Игнатухин – комсомольский работник. Потомственный бедняк Вороненко П.П. выдвинут на пост председателя колхоза. Овсянников Н.П. заочно окончил курсы пчеловодов и сейчас работает заведующим пасекой. Около 80 человек молодых колхозников учатся в средних и высших учебных заведениях Советского Союза». [5. 1940. 16 июня] Информация биографического характера содержится в статьях об колхозниках – делегате на Всероссийский съезд ударников Акиме Марковиче Рачине (колхоз «Красный ударник» Старшенского сельсовета) [1. 1935. 8 февраля]; о селькоре П.П. Алюскине. [5, 1935, 5 мая]

Особый интерес вызывают официальные документы, статьи, заметки, фельетоны, характеризующие повседневную жизнь хомутовцев. К вопросам организации быта относятся материалы о ценах на продукты питания и товары повседневного спроса на рынках, состоянии торговли и общественного питания, борьбе с пьянством и другими асоциальными явлениями.

В качестве примера приведём выдержки из решения исполнительного комитета Хомутовского районного совета депутатов трудящихся от 23 марта 1940 г. «О мерах борьбы с хулиганством»:

«Исполнительный комитет райсовета решил:

1. Отнести к правонарушениям, караемым в административном порядке, согласно настоящего решения, следующие хулиганские действия, сопровождаемые с неуважением к обществу: произнесение нецензурных слов, драки, действия, оскорбляющие достоинство граждан или нарушающие правила внутреннего распорядка в общественных местах и учреждениях.

2. Виновные в проявлении хулиганских действий подвергаются административным взысканиям, штрафу до 100 руб. или исправительными трудовыми работами сроком до одного месяца ...». [5, 1940, 14 апр.]

Именно в 1930-е гг. появился новый стихотворный жанр – колхозная частушка. Простая в своей поэтической стилистике, она удивительно тонко подчеркивала эпохальные изменения советской деревни:

«Веселей играй гармошка,
Громче, черномехая!
Моя милка по дорожке
На «фордзоне» ехала.

На горе стоит ольха,
Под горой берёза.
Если жизнь у нас плоха –
Значит, нет колхоза.

Развернулись лепестки,
Яблони – как в инее.
Ты всегда держись, колхозник,
Большевистской линии». [5, 1936, 29 мая]

Любопытен ещё один популярный в то время жанр – «бытовая» поэзия Я. Другова. Вот одна из зарисовок жизни райцентра под названием «Столовая»:

«Возле стойки много спора,
Много крика и раздора:
Каждый хочет взять обед
Поскорее, чем сосед.
– Николай! А ну-ка живо,
Отпусти обед и пиво!
– Мне вот этой колбасы ...
– Не валитесь на весы!..
– Стойте, стойте! Мой черёд!
– Двиньтесь, граждане, вперёд!
– Ну, куда ты напиралась?
Опьянел? Не разбираешь?
– Обождите. Мне ведь братъ ...
– Тише, вы! Зачем орать?
.....
Хомутовка! Хомутовка!
Как мне жаль тебя, ей-ей, –
Одна имеется столовка
И та не так, как у людей.
Не культурно, не опрятно

И глядеть уж неприятно:
На стенах и на столах,
На потолке и на полах
Столько плесени и гнили,
Столько грязи, сора, пыли,
Что любой, кто посетит,
Потеряет аппетит ...». [5, 1937, 23 марта]

Но положение дел в хомутовском общепите не изменилось и три года спустя, о чем красноречиво говорилось в статье «Когда же прекратятся безобразия в столовой?», датированной 12 мая 1940 г. Правда, к тому времени в райцентре работали уже две столовых. Итак: «Зайдя в столовую №1 Хомутовского сельпо, можно увидеть на столах и окнах пыль, грязь, куски хлеба и сыра. В антисанитарном состоянии содержится столы и посуда: столы редко смываются, на них от пыли и воды образуется грязь... Нередко бывает, что буфетчики Арбузов и Ступин отказывают в выдаче клиентам хлеба к обеду, заявляя, что хлеба нет у них. Но куда же девается хлеб из столовой? Они раздают его целыми ковригами друзьям и знакомым. Приготавливается пища также невкусная, часто остывшая, плохого качества и количественно порции уменьшены против установленной нормы. Когда в столовой есть чай, то в большинстве случаев он не сладкий, подают его холодным, в грязных стаканах, кружках. Почти то же творится и в столовой № 2». [5, 1940, 12 мая]

Газета активно боролась и с другими проявлениями разгильдяйства, головотяпства, прямого нарушения советских законов и т.п.: укрывательством товаров, плохим исполнением строительно-ремонтных работ, «несунами» – мелкими расхитителями социалистической собственности и др.

Естественно, редакция не ограничивалась публикацией негативных материалов. Достаточно подробно на страницах газеты освещались и достижения в области экономики, образования и культуры. В статье, посвященной райцентру, говорится: «За годы сталинских пятилеток во много раз изменилась Хомутовка. До революции на переднем плане были дома помещика Шауфус, купца Бородина и попа. Они считались первыми людьми в селе. Сейчас Хомутовка – райцентр. На место церкви, где наживались попы, выстроены два больших здания десятилетки. Построена больница, родильный дом, аптека, баня, универмаг, книжный магазин и т.д., имеется радиоузел, электростанция, МТС. В нескольких километрах от села расположился пенькозавод». [5, 1940, 9 июня]

Районные газеты являются комплексным и уникальным источником, позволяющим не только исследовать «микроуровень» реализации партийно-государственной политики (до деревни и колхоза), но почувствовать «дух времени», эпоху, с её сложными социальными, культурными и иными традициями.

Источники и литература

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. М.,1928.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-1758. Оп. 1.
3. Свод законов СССР. М.,1930.
4. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. М.,1934.
5. Вперёд к социализму: Орган Хомутовского райкома ВКП(б) и райисполкома Курской обл. Хомутовка. 1935-1940.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Л.С. Ласочко

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В государственном архиве Курской области сохранились документы, свидетельствующие о том, что на территории Курской губернии в 1812-1814 годах находились военнопленные армии Наполеона. Сведения, содержащиеся в официальных документах, вряд ли могут дать исчерпывающую и объективную информацию об условиях проживания, содержания военнопленных, однако, позволяют нарисовать общую картину о количестве военнопленных, о том, как решались вопросы, связанные с размещением, а затем и препровождением их на родину.

29 августа 1812 г. Главнокомандующим в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитиновым в адрес губернаторов был направлен циркуляр «О пленных французах», который определял места проживания военнопленных и условия их содержания. Для жительства пленных – как офицеров, так и нижних чинов были определены Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии. Причем оговаривалось, что размещаться на жительство должны были не только в губернских, но и в уездных городах. К месту проживания пленные препровождались конвоями по разным трактам.

Гражданские губернаторы тех территорий, по которым пролегал путь военнопленных, должны были наблюдать за тем, чтобы все они были снабжены одеждой и обувью в соответствии со временем года. Военнопленных до места проживания перемещали на подводах. На 12 человек – как конвойных, так и пленных – выделялась 1 подвода, для пленных офицеров – «по 1-й пароконной подводе на каждые 2-х человек; для тяжелобольных – 1 подвода на 2-х человек» [1, л. 129].

Циркуляром определялось суточное денежное содержание пленных, которое, в первую очередь, зависело от воинского звания. Так, генералам положено было 3 рубля, полковникам и подполковникам – 1.50 рубля, майорам – по 1 рублю, обер-офицерам – по 50 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним нестроевым чинам – по 5 коп., сверх того им был положен и солдатский провиант. В отличие от военнопленных французов

испанцы, или как их называли «гишпанцы», нижних чинов получали гораздо больше – по 15 коп. в сутки и сверх того солдатский паек [2, л. 1124].

Строжайше предписывалось, чтобы «пленным нигде и ни от кого никакого притеснения не было, но чтобы и они вели себя скромно и послушно». Устанавливался принцип круговой поруки – «за дерзкое поведение одного отвечают все». Пленным – как офицерам, так и нижним чинам – не разрешалось вести переписку.

Для размещения военнопленных отводились пустующие казармы или подобные помещения, а также нередко дома обывателей. Генералы и офицеры могли снимать жилье за свой счёт или переезжать на жительство по приглашению в дворянские имения.

15 ноября 1812 года Курскому губернатору был направлен циркуляр, согласно которому все пленные испанцы и португальцы направлялись в Санкт-Петербург [3, л. 1197]. Во время перемещения до назначенного места пребывания пленные снабжались «обыкновенными крестьянскими, а для поспешности снабжения хотя бы и не новыми, но крепкими, к носке годными и просторными, шапками из простого сермяжного сукна, полушубками овчинными, кафтанами сермяжными или армяками». А вот положенные сермяжные штаны, рубашка, онучи сермяжные, рукавицы с варигами, лапти должны быть хотя и «обыкновенными, крестьянскими», но обязательно новыми. Штаб и обер-офицерам вместо полушубков полагались овчинные тулупы, а вместо кафтанов – сермяжные шинели [4, л. 1199].

В целях предотвращения распространения заболеваний, которые могли возникнуть среди пленных, больные должны были немедленно размещаться в городских больницах, местных жителей ограждали от возможного контакта с пленными [5, л. 6].

Особая роль в наблюдении за порядком, во время прохождения партии военнопленных, отводилась земской полиции. Ея вменялось в обязанность наблюдение за тем, чтобы пленные были «призрены, одеты и обуты, дабы определенная им порция доходила к ним исправно и дабы обыватели обходились с ними ласково и человеколюбиво». С другой стороны чиновники должны были «соблюдать, чтобы и пленные вели себя тихо и добропорядочно, не причиняя жителям ни малейших обид» [6, л. 60б.]. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, до губернатора доходили слухи и сведения об обидах, чинимых французскими пленными, о случаях неповиновения конвойным командам, самовольных отлучках [7, л. 1000]. Земская полиция должна была предпринимать все зависящие от неё меры к прекращению подобных беспорядков.

По циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 14 января 1813 года «с целью сокращения казенных издержек» разрешалось использовать пленных солдат на различных простых работах: ремонте улиц, мостовых, рытье канав для стока воды. Военнопленные, владеющие каким-либо мастерством, привлекались к работам на фабриках и заводах, причем, получали за работу такое же жалование, как и свободные работники.

С целью сокращения расходов из казны некоторые пленные, в частности поляки, были направлены на укомплектование полков на Кавказе и Грузии, тем самым «собственные рекруты сохранялись для усиления армии, действовавшей против французов» [8, л. 30об.]. Следует отметить, что в 1812 году значительного перемещения военнопленных не было.

В начале 1813 года правительством были предприняты активные шаги по сбору данных о количестве пленных, умерших и оставшихся на жительство в России после 1812 года. 4 января 1813 года Курским губернатором был получен циркуляр из Министерства полиции с требованием о доставлении к 20 февраля «точнейших сведений» о количестве пленных, находившихся по 15 февраля 1813 года на жительство, о количестве прошедших через губернию и умерших военнопленных. Предписывалось доставить отдельные именные списки на генералов и офицеров с указанием места их службы [9, л. 17].

16 января 1813 г. был подписан циркуляр «Об отправке пленных пруссаков». Военнопленным даровалась свобода возвращения в отечество. Малочисленными партиями, в сопровождении, их должны были отправить в Ригу. Аналогичный циркуляр «Об отправке поляков» был подписан 4 марта 1813 года, согласно которому 578 военнопленных поляков должны были проследовать до Георгиевска (Витебская губерния) через Могилевскую, Черниговскую, Курскую, Слободско-Украинскую губернии.

Несколько позднее, 25 апреля, в адрес губернаторов был направлен циркуляр «О возвращении саксонских военнопленных», который предписывал «находящихся в плену саксонских офицеров и нижних чинов освободить и отправить в Белосток» с дальнейшей переправкой их в Дрезден [10, л. 324].

Сохранился рапорт Обоянского городничего Курскому гражданскому губернатору тайному советнику и кавалеру Аркадию Ивановичу Нелидову от 7 октября 1813 года, в котором он сообщал, что находящиеся в его ведомстве военнопленные австрийцы изъявили желание навсегда остаться в России, однако «в здешней губернии положить непременно пристанища они никак не могут...» [11, л. 8-8об.]. Пленные просили дать им 9 месяцев для

подыскания места жительства в других губерниях, в чем им было отказано, после чего военнопленные дали согласие на проживание в г. Обояни и уезде. В «Именной список австрийских военнопленных нижних чинов, изъявивших остаться навсегда в России» от 28 октября 1813 года внесены 22 человека. Среди них: унтер-офицер Юзеф Добровицкий, пожелавший остаться в с. Курасовка, рядовые: Антон Лупашевич (с. Бобрава), Иоган Стецко (сл. Медвенка); в городе Обоянь остались Юрий Мариневич, Ян Горный, Митас Смудло, Михаил Срока, Войцех Барский, Иван Деменок, Иван Шеленишин и др. [12, л. 11-11об.).

13 мая 1814 года было объявлено Высочайшее распоряжение «Об отправлении в Отечество военнопленных всех наций, в России находящихся», согласно которому были определены три сборных пункта: гг. Радзивилов, Рига, Белосток, откуда должна была осуществляться отправка военнопленных на родину. В Радзивилове должны были сосредоточиться пленные итальянцы. Их путь пролегал через города Курской губернии: Курск, Льгов, Рыльск.

Сборным пунктом для военнопленных, находившихся на территории Курской губернии, был определён Белосток. Маршрут, по которому должны были следовать пленные французы из Курска в Белосток, пролегал через Курскую (Курск, Льгов, Рыльск), Черниговскую (Батурин, Нежин, Чернигов), Минскую (Мозырь, Минск) и Гродненскую (Кобрин, Брест-Литовский, Бельск, Белосток) губернии.

Отправка пленных к пункту назначения осуществлялась партиями, количество которых не должно было превышать 200 человек, с периодичностью в несколько дней.

На всех военнопленных должны были составляться списки в 3-х экземплярах на русском и французском языках: 1-й экз. передавался конвойному начальнику, 2-й экз. посылался на сборный пункт и 3-й – в Особенную канцелярию Министерства полиции. В Курской губернии на момент отправки на жительство состояло до 1500 человек военнопленных [13, л. 7-7об.]. В их числе были бригадный генерал 12-й дивизии барон Пьер Жозеф Бильяр и сопровождавшие его адъютант капитан Эдмонт Матон, поручик 6-го уланского полка Пьер Жакен, доктор 129-го линейного полка Луи Мартин и 2 служителя: Жозеф Бридель (Бриндель) и Шарль Мартен, проживавшие в Курске [14, л. 171об.]. На отправку генерала и его сопровождавших (на 15 дней) Курская казенная палата выделила 143 рубля 4 копейки из расчёта дневного рациона для генерала – 3 рубля, офицерам – по 50 копеек, а служителям – по 5 копеек каждому [15, л. 16-17].

Находившиеся на жительстве в Рыльске, Судже, Путивле военнопленные из Данцигского гарнизона направлялись четырьмя партиями до Чернигова, с последующей отправкой до Белостока. Из Рыльска были направлены 2 партии военнопленных в количестве 512 человек, в т.ч. штаб-офицеров – 2, обер-офицеров – 52, нижних чинов – 456; из Путивля направлено 328 человек: штаб-офицеров – 3, обер-офицеров – 52, нижних чинов – 268, женщин – 4; из Суджи – 270 военнопленных, в т.ч. 3 штаб-офицера, 50 обер-офицеров, 208 нижних чинов, 9 женщин. В составе партии военнопленных, направленных из Курска, было «52 обер-офицера, 1 обер-офицерская жена, 136 нижних чинов и 6 их жен».

В рапорте Суджанского городничего Курскому губернатору А.И. Нелидову 25 июня 1814 г. сообщалось, что пленным «на путевое продовольствие, порционные, кормовые, на прогон и на непредвиденные в пути случаи» выделены деньги в размере 26106 рублей 91 коп. [16, л. 263об.]. До мест назначения военнопленных сопровождали конвойные команды. В архивном фонде Канцелярии Курского губернатора имеются достаточно полные именные списки военнопленных.

Сохранившиеся документы о военнопленных Отечественной войны 1812 года позволяют хотя бы в общих чертах получить представление о количестве, условиях содержания и отправке военнопленных в их Отечество. И кто знает, может и сейчас в Обояни, Рыльске живут потомки французов, некогда пожелавших навсегда остаться на жительство в Курской губернии.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 129.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9261. Л. 1124.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9261. Л. 1197.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9261. Л. 1199.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 6.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 6об.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9261. Л. 1000.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 30 об.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 17.
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 324.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9277. Л. 8-8 об.
12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9277. Л. 11-11 об.
13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 7-7 об.

14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 171 об.
15. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 16-17.
16. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 263об.

А.А. Терещенко

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО БОРЬБЕ С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

Во второй половине XIX века законодательство России не обошло вниманием сферу действия чиновников, их деятельность регламентировалась различными законодательными актами. Так, своеобразной инструкцией «начальникам губерний» в повседневной работе для искоренения чиновничьих пороков в виде должностных преступлений и взяточничества был принятый в 1837 году «Общий наказ гражданским губернаторам»[7, №10303], который определил широту полномочий начальников губерний. Закон прямо называл губернаторов – «блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего сената и предписаний начальства»[7, § 1].

При вступлении в должность губернатор знакомился со специально подготовленным для него отчетом о сдаче и приеме губернии, который составлял его предшественник. В данный отчет входили: списки нерешенных дел по канцелярии губернатора и губернскому правлению; информация о состоянии пожарной части в губернском и уездных городах; количество недоимок по губернии; а также «виды и предположения для исправления или улучшений какой-либо части управления»[8, ст. 367]. Составление данного отчета было обязательным условием передачи дел новому начальнику. В противном случае прежний руководитель «подвергался ответственности не только за нарушение этой обязанности, но за все беспорядки, которые будут найдены в делах преемником его при вступлении в должность»[8, ст. 376] – отмечалось в законе.

Губернатор, как «блюститель неприкосновенности верховных прав самодержавия», производил общий надзор за деятельностью губернских

учреждений гражданского ведомства и должностных чинов, проводил ревизию дел и установленный контроль «за скорым исполнением всех законных постановлений и требований». На него возлагалось наблюдение за «бездоимочным» поступлением всех сборов, податей и «осуществлением надзора за исправлением повинностей» [7, № 48498]. Выполняя предписание МВД, «для водворения полного спокойствия и искоренения крамолы» губернатору предоставлялись широкие полномочия: право закрывать собрания, запрещать органы печати, арестовывать, штрафовать и высылать в административном порядке подозреваемых в революционной деятельности лиц и т.п. [7, № 48498].

Губернатору предоставлялось право ревизии всех административных учреждений и должностных лиц гражданского ведомства, за исключением контрольных и таможенных, а также путей сообщения. Вновь назначенный губернатор начинал свою служебную деятельность с осмотра всех административных органов, располагавшихся в губернском городе. Во время такой ревизии он знакомился со штатом, делопроизводством, архивами учреждений и т.п. Далее он был обязан спланировать своего рода график объезда уездов губернии, вместе с тем, исключая чрезмерно длительное отсутствие в губернском центре. По итогам таких проверок губернатор также составлял специальный отчет, который подавал императору. В нем помимо сообщения о состоянии отраслей развития хозяйства губернии указывалось, какие были приняты меры по устранению обнаруженных «беспорядков и упущений».

Периодичность таких всеохватывающих ревизий составляла около семи лет. Так, в 1864 году в Курске инспектировались губернские присутственные места [1, л. 1-18], с 10 июня 1871 года по 24 июня 1872 года была проведена ревизия присутственных мест уездных городов [3, Л. 1-12 и др.], следующая ревизия проходила в 1878 году [4, л. 1-12 и др.], а затем – в 1885–1886 гг. [2, л. 1-12]. Подобные ревизии способствовали улучшению дел в губернии.

Так, проводя ревизии присутственных мест в уездных городах, губернатор, прежде всего, получал от всех должностных лиц городских учреждений и обществ рапорты о состоянии дел в подведомственных им заведениях, которые затем подвергались проверке губернатором и назначенными им должностными лицами. К примеру, по итогам ревизии 1885 года, в результате которой была проверена работа почти всех городских учреждений и обществ, некоторым чиновникам были объявлены взыскания. Так, начальнику курского арестантского отделения, смотрителям обоянского и курского тюремных замков «поставлено на вид», «за бездеятельность»

курскому мещанскому старосте Дурневу объявлен выговор, а приставу 4-й части города Курска Алексею «за небрежность в исполнении служебных обязанностей» – строгий выговор. Подобного рода замечания были сделаны городским чиновникам Белгорода, Грайворона, Обояни, Суджи и других городских центров губернии [2, л. 60 об.-66, 85, 118-119 об., 135 и др].

Из разделов «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года» видно, что должностным преступлениям, которые делились на два вида: общие и особенные, уделялось особо пристальное внимание. Первые включали разнообразные нарушения должностными лицами служебных обязанностей, вторые включали нарушения, ранее предусмотренные законом [9, с. 307].

За противоправные деяния чиновников по российскому законодательству наступала уголовная, гражданская и дисциплинарная ответственность. Чиновникам задерживали выплату жалованья, объявляли взыскания и т.п. В случае совершения уголовных преступлений чиновники должны были привлекаться к суду. Высшие представители провинциальной бюрократии – чиновники IV–V классов могли быть привлечены к суду Сенатом. В компетенцию начальствующих лиц, назначивших обвиняемых на должности, входило отдача под суд чиновников остальных классов.

Гражданская ответственность чиновников включала возмещение убытков, причиненных по халатности или медлительности в работе. Иски против чиновников VIII–XIV классов рассматривались в окружном суде, против служащих V–VII классов – в судебной палате с участием представителей администрации учреждения, в отношении лиц выше V класса – объединенным присутствием гражданского кассационного департамента и первого департамента Сената. Уголовные дела рассматривались на основе «Уложения 1866 г.» и его дальнейших редакций.

Должностным преступлениям был посвящен пятый раздел – «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». Он предусматривал: «неисполнение указов, предписаний и законных по службе требований; превышение власти и противозаконное оной бездействие; противозаконные поступки должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества; подлоги по службе, неправосудие, мздоимство и лихоимство; нарушение установленных при вступлении в должность и оставлении оной правил. В перечень должностных преступлений также входило: нарушение порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении от оных; преступления и проступки в сношениях между начальниками и подчиненными; медленность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отправлении

должности; преступления и проступки чиновников по некоторым особенным родам службы» [9, с. 88-134]. За невыполнение указов, предписаний, как и за остальные преступления, были предусмотрены высшие и низшие пределы ответственности – от замечаний и выговоров до лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы в крепостях на срок от 10 до 12 лет [9, с. 88-89 и др.].

Превышение власти трактовалось как «выступление из пределов и круга действий, которые предписаны чиновнику по его званию и должности, месту или особенному поручению». В содержание нарушения определялась «цель учинения чего-либо в отмену или вопреки существующих законов; или вопреки установленному порядку предписание или принятие таких мер, которые могут быть приняты как на основании нового закона; или присвоение себе права, ему не принадлежащего, самовольно решить какое-либо дело; или же дозволение каких-либо действий, на которые нужно было разрешение высшего начальства» [9, с. 90].

Противозаконным бездействием власти признавалось «неупотребление чиновником в надлежащее время всех указаний или дозволенных законом средств, какими он имел возможность предупредить или остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок, и чрез то предохранить государство, общество, или вверенную ему часть от ущерба или вреда». Подобные нарушения наказывались в пределах: от «строгого замечания или выговора, исключения из службы, заключения в тюрьму на срок от 4 месяцев до года и 4 месяцев, в смиренный дом от года и 4 месяцев до двух лет, лишения некоторых или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, до ссылки на житье в Сибирь [9, с. 90-93].

К противозаконным поступкам при хранении вверенного по службе имущества относились «небрежение о сохранении средств с последующей их потерей, намеренная порча государственного имущества, использование казенных средств в своих целях, присвоение и растрата казенных средств и имущества» [9, с. 94]. Такие преступления наказывались строгим выговором, возмещением растраченного имущества, отрешением от должности, а также отдачей в исправительные арестантские роты или ссылкой в Сибирь на поселение.

Подлоги в «Уложении» определялись как, «учинение фальшивых подписей, приведение вымышленных свидетельских показаний, использование подставных свидетелей, включение вымышленных обстоятельств или заведомо ложных сведений». За подлоги по службе наказания носили особо строгий характер: от отрешения от должности до

лишения всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на заводах на срок от 6 до 8 лет [9, с. 97-99].

Что касается взяточничества, то в «Уложении» оно употребляется как «лихоимство», т.е. «принятие должностным лицом по делу или действию, касающегося его обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах и др. и невозвращение его обратно в течение трех дней» [9, с. 100-102]. Высшей степенью «лихоимства» считалось вымогательство в виде физического или нравственного насилия для принуждения данного лица к передаче имущества, а также «всякая другая прибыль или иная выгода, приобретаемая по делам службы притеснением или угрозами» [9, с. 102].

Данное деяние влекло за собой денежное взыскание не свыше двойной цены подарка, отрешение от должности. А вымогательство наказывалось 4–8 месяцами заключения в тюрьме, или каторжными работами до 6–8 лет или ссылкой в арестантские роты. За нарушение порядка вступления в должность или при увольнении должностные лица подвергались штрафу до 500 рублей, исключению навсегда из службы, заключению в тюрьму на 4–8 месяцев, или вычетом от 3 месяцев до года из времени службы, замечанием, в крайнем случае – отрешением от должности.

Особому контролю подвергались отношения в чиновничьей иерархии. Так, при нарушении «долга подчиненности» чиновники наказывались строгим выговором, арестом от 3 до 7 дней, денежному вычету от 3 месяцев до года или отрешением от должности [9, с. 106], а при особых случаях – заключением в тюрьму от 2 до 4 месяцев или в смиренный дом на 4-8 месяцев или заключением в крепости на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев [9, с. 107]. Если начальник злоупотреблял своей властью по отношению к подчиненным, то он мог быть подвергнут денежному штрафу в пользу подчиненного, выговору [9, с. 108–109]. Вышестоящие начальники могли уволить нижестоящих чиновников за несоответствие занимаемой должности, недобросовестное отношение к служебным обязанностям, нарушение нравственных норм [9, с. 111-112]. В соответствии с «Положением Комитета Министров Российской империи от 01.02.1849 г. «О порядке увольнения гражданских чиновников за неспособностью», действовавшему до революции 1917 года, начальствующие лица министерств, ведомств и учреждений имели право увольнять служащих «не за проступки или предосудительное поведение, а единственно по неспособности к занимаемому месту» [5, с. 250].

При этом, служащие, уволенные по такому основанию, имели право трудоустроиться в пределах других министерств или ведомств. В тоже время за слабый надзор за подчиненными начальники наказывались выговорами с

занесением в послужной список, вычетом времени службы, и лишь в исключительных случаях – увольнялись [9, с. 109-110]. За «медлительность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отправлении должности» минимальными наказаниями были выговоры, вычеты из стажа, в крайнем случае – увольнение. Особое наказание выносилось за разглашение государственной тайны – от 4 до 8 месяцев заключения в тюрьме, крепости или смирительном доме [9, с. 114-115].

Помимо «Уложения», определявшего наказания для провинившихся чиновников, существовал «Устав о службе гражданской», который регулировал служебную деятельность и определял должностные обязанности служащих. Так, по «Уставу о службе гражданской 1896 г.» имелись положения о том, что «чиновники не имели права: приобретать имущество, продажа которого входила в их служебные обязанности. Было запрещено заниматься подрядами и поставками по месту работы, в том числе, через родственников; входить в долговые обязательства с подрядчиками и поставщиками при заключении договоров или в ходе их осуществления; быть поверенными в делах частных лиц или заниматься ходатайствами по частным делам в учреждениях, где они служили» [8, с. 710].

Положительное влияние на провинциальную бюрократию оказывало развитие административной юстиции. До судебной реформы 1864 г. на неправомерные действия чиновников можно было жаловаться в более высокие инстанции или прокурору. Однако, согласимся с Б.Н. Мироновым, утверждающим, что «иск, поданный в независимый административный суд, всегда намного результативнее» [6, с. 139].

В заключение отметим, что в Российской империи существовали строгие должностные правила, затрагивающие все сферы служебной деятельности чиновников. Губернская администрация имела широкую законодательную базу, позволявшую определить меры наказания за должностные преступления, вести успешную борьбу с бюрократическим произволом, взяточничеством, должностными нарушениями. Осуществление этой работы носило постоянный характер и осуществлялось в ходе ревизий присутственных мест губернии.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 349.
2. ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 962.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1902.
4. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2386.

5. История государственной службы в России / Под ред. Е.И. Новикова. М., 2005.

6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2003.

7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. СПб., 1838. Т. XII. Отд. 1.

8. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. II. СПб., 1897.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по изданию 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Сост. Н.С. Таганцев. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876.

И.А. Долженков

**ДИНАМИКА СОСЛОВНОГО СОСТАВА УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ
СОБРАНИЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКОВ ЗА
1871-1876 ГОДЫ)**

Важную роль в общественной, экономической и социокультурной жизни российской провинции играли органы земского самоуправления, созданные по Положению 1864 г. Система земских учреждений включала в себя распорядительные органы – уездные и губернские собрания, и исполнительные органы – уездные и губернские управы [2, с. 231].

Проследим динамику эволюции сословного состава уездных земских собраний в 1871 – 1876 гг.

**Сословный состав гласных уездных земских собраний
Курской губернии на трехлетие 1871-1873 гг. (в чел.) [6, л. 2-445]**

№	Название уезда	Землевладельческая курия			Городская курия		Сельская курия	
		Дворяне	Крест.	Др. сосл.	Дворяне	Др. сосл.	Крест.	Др. сосл.
1	Курский	17	2	–	3	6	19	1
2	Белгородский	14	–	1	1	5	14	3
3	Обоянский	8	–	6	1	3	14	4
4	Стар. Оскол.	19	4	–	–	4	14	4
5	Нов. Оскол.	22	–	–	1	1	20	–
6	Корочанский	7	–	1	–	4	7	5
7	Щигровский	19	2	1	–	3	18	1
8	Фатежский	12	1	–	1	2	15	1
9	Суджанский	14	–	–	–	8	9	8
10	Грайворонский	21	–	–	1	2	19	–
11	Путивльский	19	–	–	1	3	13	2
12	Львовский	16	–	–	–	2	12	14
13	Рыльский	21	–	–	–	5	16	–
14	Тимский	19	–	–	–	2	17	–
15	Дмитриевский	16	–	1	1	1	11	4
Итого		244	9	10	10	50	218	47
		263			60		265	

Все население, имеющее право участвовать в выборах делилось на три разряда (курии): 1) курия землевладельцев; 2) городская курия; 3) сельская курия. [1, с. 6-10].

В числе представителей от землевладельческой курии однозначно преобладали дворяне, составлявшие 92,7 % от общего количества ее членов (см. табл. № 1). Это естественно ведь именно они и составляли в основном прослойку крупных земельных собственников.

Вместе с тем определенную долю в землевладельческой курии (пусть и небольшую) составляли крестьяне – 9 чел. или 3, 4 %. Данное обстоятельство было связано, с усилившимся расслоением крестьянства после реформы 1861 г. Появились зажиточные крестьяне имевшие возможность купить большие участки земли, построить на своих землях мельницы, мукомольни и т.п.

Схожим было и количество представителей от других сословий (*а именно купцов – И.Д.*) в составе землевладельческой курии – 10 чел. (3, 8 %). Причиной их незначительного представительства было то, что купцы как представители «городского сословия» сосредотачивались в основном в городах. Именно здесь большая часть их занималась бизнесом, поэтому в

городах концентрировалась основная масса как торговых, так и промышленных предприятий [3, с. 53].

Совсем наоборот обстояли дела с сословной структурой представителей от городской курии в уездных земских собраниях Курской губернии. Дворяне, занимавшие господствующее положение в землевладельческой курии, здесь были в явном меньшинстве. Их доля равнялась всего 16, 3 %, что было связано с вообще малой численностью дворянского сословия по отношению к общему населению городов.

В тоже время массовая доля других сословных групп в рассматриваемой курии была значительно больше и равнялась 83, 3 %. Здесь преобладали, конечно, купцы как самое богатое из городских сословий. Только они могли позволить себе владение имуществом, позволяющим достичь избирательного ценза.

Рассмотрим, наконец, сословный состав гласных от сельской курии. Здесь самая важная роль принадлежала крестьянам. Они составляли 82, 5 % от общего количества представителей упомянутой курии. Доля прочих сословий была намного меньше и равнялась 17, 7 %.

Таково общее соотношение сословного представительства в уездных земских собраниях Курской губернии на выборное трехлетие 1871-1873 гг. Посмотрим теперь на специфику преобладания в уездах гласных той или иной курии.

Землевладельческая курия обладала наибольшим представительством в Старооскольском (23 чел.), Новооскольском (22 чел.), Щигровском (22 чел.), Грайворонском (21 чел.) и Рыльском (21 чел.) уездных собраниях. В тоже время городская курия более всего была представлена в Курском (9 чел.), Суджанском (8 чел.), Белгородском (6 чел.) и Рыльском (5 чел.) уездных собраниях. Наконец наибольшее число гласных от сельской курии было зафиксировано в Львовском (26 чел.), Курском (20 чел.), Новооскольском (20 чел.), Щигровском (19 чел.), Грайворонском (19 чел.), Старооскольском (18 чел.) и Обоянском (18 чел.) уездных земских собраниях.

Можно предположить, что существовала зависимость между уровнем представительства той или иной курии и спецификой социально – экономического развития уезда. К примеру, не случайно ведь больше всего гласных от городской курии было зарегистрировано именно в Курском уездном земском собрании. Наверняка это было связано с более высоким экономическим развитием Курска по сравнению с уездными центрами, с большим числом купцов проживавших там и как следствие – с большим числом потенциальных гласных.

В тоже время высокое представительство землевладельческой курии в вышеназванных уездах, по всей видимости, являлось следствием более активного развития в последних дворянского землевладения, уездной промышленности и т.п.

При этом число представителей землевладельческой курии превышало число гласных от других курий (в отдельности) примерно в половине уездов Курской губернии: Старооскольском (51, 1 %), Новооскольском (50 %), Щигровском (50 %), Тимском (50, %), Рыльском (50 %), Путивльском (50 %) и Грайворонском (48, 8 %).

Во всех же остальных уездах (Курском (41, 6 %), Белгородском (44, 7 %), Обоянском (50 %), Корочанском (50 %), Фатежском (50 %), Суджанском (43, 5 %), Дмитриевском (62, 5 %) и Львовском (59, 09 %)), лидирующие позиции занимали гласные сельской курии.

Итак, в большинстве (8) уездных земских собраний Курской губернии преобладали представители сельской курии. Незначительно отставала землевладельческая курия. Она имела ведущие позиции в земских собраниях 7 оставшихся уездов. Тем самым очевидно, что крестьяне по сравнению с первыми земскими выборами проявили большую активность и заинтересованность к участию в делах земского самоуправления, которое и создавалось в первую очередь для управления их делами.

Неравномерным на уездном уровне было и распределение гласных различных курий по сословному признаку. Мы уже говорили выше, что в землевладельческой курии преобладали представители дворянского сословия. Однако их количество в земских собраниях разных уездов было неодинаковым. В частности, если в Новооскольском уезде было зафиксировано 22 гласных от дворян, то в Корочанском уезде – всего 7. Доля других сословий в землевладельческой курии была еще меньше. Так, из 15 уездов, в 11 – крестьян в числе гласных от землевладельческой курии вовсе отмечено не было. В остальных количество последних варьировалось от 1 до 4 чел.

В городской курии в свою очередь из 15 уездных земских собраний, в 7 полностью отсутствовали делегаты от дворянского сословия. Разница в представительстве собственно городских сословий, выражалась от 1 до 8 чел.

Наконец сельская курия в 11 уездных собраниях была исключительно представлена крестьянами, и только в остальных 4 собраниях делила свое представительство с другими сословиями. При этом крестьянский состав сельской курии распределился так: от 7 чел. в Корочанском уезде, до 20 чел. в Новооскольском уезде.

Рассмотрим теперь сословный состав уездных гласных на следующее выборное трехлетие 1874-1876 гг. По данным таблицы № 2 ясно видно, что дворяне продолжали составлять ядро землевладельческой курии. Их доля составляла 92,5 % от общей численности последней. Следовательно, изменений в составе курии по сравнению с предыдущими выборами не произошло.

Однако увеличился разрыв между представительством крестьян и других сословий. Если доля крестьян составляла 1,9 %, то представительство других сословий – 5,4 %. При этом доля крестьян по сравнению с предшествующими выборами уменьшилась (с 3,4 % до 1,9 %).

Таблица № 2

**Сословный состав гласных уездных земских собраний
Курской губернии на трехлетие 1874–1876 гг. (в чел.). [б, л. 2-445]**

№ п/п	Название уезда	Землевладельческая курия			Городская курия		Сельская курия	
		Дворяне	Крестьяне	Другие сословия	Дворяне	Другие сословия	Крестьяне	Другие сословия
1	Курский	17	1	1	5	4	18	2
2	Белгородский	15	–	1	1	5	10	–
3	Обоянский	11	2	1	–	4	13	5
4	Старооскольский	19	–	–	1	3	15	3
5	Новооскольский	21	–	1	–	2	19	1
6	Корочанский	7	–	1	1	3	9	3
7	Щигровский	20	2	–	–	3	13	6
8	Фатежский	13	–	–	1	2	13	3
9	Суджанский	10	–	4	–	8	9	8
10	Грайворонский	17	–	3	–	2	16	3
11	Путивльский	19	–	–	3	1	12	3
12	Льговский	11	–	–	–	2	10	4
13	Рыльский	21	–	–	–	5	13	3
14	Тимский	19	–	–	–	2	15	2
15	Дмитриевский	15	–	2	1	1	7	8
Итого		235	5	14	13	47	192	54
		254			60		246	

Одновременно наблюдается и незначительное увеличение между долей дворян и прочих сословий в представительстве городской курии с 21,7 % и 78,3 % в 1874 г. против 16,3 % и 83,7 % в 1871 г.

Эти изменения сословной структуры городской курии, по всей видимости, являются отображением социально-экономических процессов

проходивших в городских центрах Курской губернии в тот период времени: усиление притока дворян в города, и как следствие увеличение количества принадлежащей им городской недвижимости, дающей право на участие в земских выборах и т.п. В целом «в Курских городах с 1861 по 1897 год численность дворян и чиновников возросла в 3,1 раза, а их доля в населении городов – с 3,5 % до 5,8 %» [5, с. 136].

У сельской курии отмечается и увеличение представительства разных сословных групп, по сравнению с предыдущим составом уездных собраний – с 78,1 % крестьян и 21,9 % других сословий в 1874 г. против 82,2 % и 17,8 % в 1871 г. При этом общая численности курии несколько уменьшилась – с 265 чел. до 246 чел. Причиной сокращения крестьянского представительства стало вероятно начало оттока их в города и распродажа своих земельных участков.

Проведем поуездный анализ сословного состава уездных земских гласных в 1874–76 гг. Материалы таблицы № 2 показывают, что представительство разных сословных групп также как и на предыдущих выборах распределено было по отдельным уездам довольно неравномерно. Так, по числу гласных от дворян среди землевладельческой курии по-прежнему лидировало Новооскольское уездное земское собрание – 21 чел. в 1874 г. против 22 чел. в 1871 г., разделившее первое место по этому показателю с Рыльским уездным собранием – 21 чел. в 1874 г. против 21 чел. в 1871 г.

Посмотрим, как изменилось и уездное представительство крестьянской группы в структуре землевладельческой курии. К примеру, если на выборах 1871 г. указанная курия имела в земском собрании Старооскольского уезда 4 гласных от крестьян, то уже на выборах 1874 г. – ни одного. Исчезли крестьяне-землевладельцы и из Фатежского земского собрания. Уменьшилось и число крестьянских гласных-землевладельцев в Курском земском собрании – с 2 до 1 чел. Осталось неизменным лишь крестьянское представительство в собрании Щигровского уезда – 2 чел., как и в прошлые выборы.

Определенным метаморфозам подверглась доля представителей прочих сословий землевладельческой курии в уездных собраниях Курской губернии. Данные таблицы № 2 убедительно свидетельствуют об увеличении представительства рассматриваемой категории гласных в значительной части уездных земских собраний. В частности, в ходе выборов в Курском и Новооскольском уездах доля данной группы в уездных собраниях выросла с 0 до 1 чел., в Суджанском – с 0 до 4 чел., Грайворонском – с 0 до 3 чел., в Дмитриевском – с 1 до 2 чел. В тоже время отмечено и уменьшение числа

гласных данной категории в земских собраниях в Обоянском (с 6 до 1 чел.) и Щигровском (с 1 до 0 чел.) уездах.

На уездном уровне произошли определенные изменения и в сословной структуре городской курии. Речь идет об увеличении в 1874 г. по сравнению с 1871 г. представительства от дворян-землевладельцев в уездных земских собраниях Курского (с 3 чел. до 5 чел.) и Путивльского (с 1 до 3 чел.) уездов. В остальных же уездных земских собраниях дворянский состав городской курии был по-прежнему невелик: в лучшем случае 1 чел., а в большинстве – ни одного.

В тоже время изменилось и поуездное распределение представителей собственно городских сословий от упомянутой курии. Увеличение числа последних произошло лишь в Обоянском и Новооскольском уездных земских собраниях. Сокращение же количества рассматриваемой категории гласных носило более широкие масштабы. Оно произошло в Курском (с 6 до 4 чел.), Старооскольском (с 4 до 3 чел.), Корочанском (с 4 до 3 чел.) и Путивльском (с 3 до 1 чел.) уездных собраниях. В остальных 9 уездах количественный состав упомянутых лиц не изменился.

Несомненные структурные изменения пережила и сельская курия. В подавляющем большинстве уездных земских собраний заметно уменьшилась доля крестьянского представительства. Рост числа гласных крестьян наблюдался лишь в Старооскольском (с 14 чел. до 15 чел.) и Корочанском (с 7 чел. до 9 чел.) уездных земских собраниях.

По сравнению с выборами на трехлетие 1871–1873 гг. произошли изменения и с долей других сословий в составе уездных гласных от сельской курии. Уменьшение их числа было отмечено в следующих земских собраниях: Белгородском, Старооскольском, Корочанском и Льговском.

В тоже время увеличение произошло: в Курском, Обоянском, Новооскольском, Щигровском, Фатежском, Грайворонском, Путивльском, Рыльском, а также в Дмитриевском уездных земских собраниях. Не изменилась численность гласных рассматриваемой категории только (как и крестьян) в Суджанском уездном собрании.

Обобщив все вышесказанное, отметим, что эволюция сословного состава уездных земских собраний в период 1871–1876 гг. шла в нескольких направлениях. Во-первых, увеличивалось представительство дворян в составе городской курии. Это указывает на рост численности дворянского сословия среди городского населения, что, кстати, свидетельствовало о бюрократизации управления, повышении роли государственных учреждений в жизни городов, так как значительная часть данных сословных групп составляло чиновничество всех рангов [4, с. 221].

Во-вторых, параллельно с этим наметилась тенденция к сокращению представительства крестьянских обществ среди землевладельческой и сельской курий. Данный процесс, очевидно, связан с двумя факторами – 1) оттоком крестьянского населения в города и 2) снижением интереса крестьян к участию в деятельности земских учреждений ввиду роста установленных земствами поземельных налогов, падавших в основном на крестьянское сословие.

Таким образом, можно сделать вывод, что в течение всего первого десятилетия существования земских учреждений, лидировали на земских выборах всего две курии – землевладельческая и сельская, в тоже время как представители городов находились в явном меньшинстве. Данный факт красноречиво свидетельствует об аграрном характере экономического развития Курской губернии в тот период – значительном развитии дворянского землевладения, большом количестве крестьян-собственников.

Вместе с тем, это свидетельствует об индифферентном отношении горожан к земским выборам, в частности, и к земскому самоуправлению, в общем. Этому немало поспособствовала налоговая политика земств, направленная на значительное обложение городской недвижимости, что больно ударило по купеческому сословию – главным потенциальным выборщикам.

Источники и литература

1. Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. 264 с.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
3. Захаров В.В. Купеческая промышленность Центрального Черноземья России в конце XIX – начале XX века (на примере Курской губернии) // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России. Курск, 2007. С. 51-68.
4. Зайончковский П.А. Российское самодержавие, в конце XIX в. М., 1970. 444 с.
5. Терещенко А.А. Города центрального Черноземья и их население во второй половине XIX – начале XX века. Курск: Изд-во КурскГУ, 2009. 199 с.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2163.

У ИСТОКОВ ЖЕНСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: КУРСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Реформы 60-70-х годов XIX века открыли дорогу женщинам различных социальных слоев к образованию и общественной деятельности. Изучение истории женского духовного образования, а конкретно женских епархиальных училищ, важно для понимания сложного процесса интеграции женщин в общественную жизнь во второй половине XIX в. и, кроме того, является необходимым для создания современной системы духовно-учебных заведений, отвечающей интересам гражданского общества и светского государства.

Проблемам истории становления и развития женских епархиальных училищ посвящено достаточное количество работ [2,7,17,18,19]. При этом названные труды часто имеют характер краеведческих исследований. На наш взгляд, это оправдано важностью изучения темы именно на местном, губернском уровне. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить один из пробелов и представить широкому читателю историю развития Курского епархиального женского училища, которое в научной литературе изучено не достаточно полно [16: С. 76-88]. В работе на основе архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, представлен обзор организационной структуры и учебного процесса училища. Развитие Курского епархиального женского училища показано через призму сравнения с общероссийскими тенденциями, характерными для других подобных учебных заведений.

История Курского епархиального женского училища начинается с 1866 г., когда в городе Курске было открыто женское училище при городском приюте девиц и вдов духовного звания [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 1]. Данное учебное заведение имело своей целью готовить образованных жен священнослужителей из числа сирот и бедных представителей церковного сословия. Курское училище не пользовалось финансовой поддержкой государства: его содержание осуществлялось за счет местных средств Курской епархии. С первых дней Курское училище возглавила игуменья Курского Свято-Троицкого монастыря София (в миру – Степанида Васильевна Ступина) [20: С. 366]. С ее именем связана первоначальная история учебного заведения. Степанида Ступина получила образование в Харьковском институте, однако избрала своей деятельностью служение Богу. До должности попечительницы епархиального училища она в течение 44 лет

возглавляла Свято-Троицкий монастырь [20: С. 366]. Благодаря ее стараниям в 1872 г. женское училище было преобразовано в епархиальное училище. Сложность состояла в том, что трансформация учебных заведений происходила за счет средств, выделяемых епархией. Затраты требовались значительные. Этим объясняется то, что к 1870 г. в России только в четырех епархиях – Харьковской, Вятской, Уфимской, Саратовской – училища были преобразованы по новому уставу [16: С. 77].

Курское епархиальное женское училище получило поддержку не только Курской епархии, но и земских организаций. В 1871 г. земство выделило 2000 рублей на устройство училища, которое должно было готовить учителей для народной школы [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.4]. Важно отметить, что финансирование училища продолжалось и в последующие годы. Так, в 1872 г. было перечислено 3000 рублей, а 1873 г. еще такая же сумма [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.5]. Кроме того, заботясь об эффективном функционировании учебного заведения и построении учебного процесса, земство систематически выделяло средства на содержание библиотеки [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.5].

Архивные источники дают основание утверждать, что успешная работа и увеличение количества воспитанниц были связаны с благотворительной деятельностью не только земства, но и курских меценатов. Среди благотворителей главную роль играли купцы, промышленники, финансисты. Например, управляющий Курским отделением Московского международного торгового банка И.А. Дынин систематически на протяжении нескольких лет выделял училищу денежные средства на благоустройство, а также проводил благотворительные лотереи, все сборы с которых поступали в распоряжение попечительского совета училища [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.14]. Курский купец М.А. Наумов также ассигновал средства на содержание училища [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.14].

Среди благотворителей епархиального училища также были Курский свечной завод [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.2. Л.15] и один из крупнейших промышленников России второй половины XIX – начала XX в. Н.А. Терещенко. В 1900 г. последний пожертвовал 10 тысяч рублей на строительство нового здания для епархиального училища [6: С. 255]. Кроме того пожертвования осуществляли различные организации. Так, в 1874 г. редакция газеты «Курские епархиальные ведомости» передало на нужды училища 150 рублей [15: С. 273]. Также архивные материалы отражают систематическое ассигнование средств на содержание училища на протяжении всего рассматриваемого периода [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 131; Д. 46]. Однако важно отметить, что основу финансирования епархиальных училищ

составляли средства, полученные из епархии. В Уставе 1868 года говорилось об обязанности епархии выделять средства на оплату преподавателей, содержание воспитанниц и помещений училищ [4: § 102].

Таким образом, собственно Курское епархиальное женское училище стало действовать с 1872 г. Анализ архивных материалов дает возможность проследить динамику численности учащихся, начиная с 1877-1878 и 1879-1880 учебных годов. Так, количество воспитанниц составляло 89 и 108 человек соответственно, далее численность учениц неуклонно росла. В 1892-1893 гг. их число достигло 191, а к 1904-1905 гг. – 320 человек, 1910-1911 – 221 [5: Ф.25. Оп.1. Д. 10, Д. 5; 12: С. 185; 8: С. 533]. В 1870 г. в Курском училище насчитывалось 22 воспитанницы. Ученицы были разделены на два отделения по возрасту: на старшее – 10 учащихся и 12 в младшем. В 1877-78 учебном году здесь уже обучалось 89 воспитанниц: в старшем классе – 20, в среднем – 31, в младшем – 38 (училище еще трехклассное) [5: . Ф.25. Оп. 1. Д. 5].

В 1879-1880 учебном году контингент учащихся достигал 108 человек [1: С. 129]. В 1884 г. выпуск составил 31 девушку, из них: дочерей священников – 25, дочерей диаконов – 3, одна дочь инспектора Народных училищ. Среди воспитанниц училища 17 девушек являлись сиротами [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 10].

В феврале 1890 г. было уже 5 классов, в которых обучалось 160 воспитанниц. В августе 1890 г. в училище был создан 6 класс. Согласно архивным данным, в 1893-94 учебном году во всех шести классах всех воспитанниц в училище, вместе с принятыми вновь в разные классы было 202 человека, а именно в 1 классе – 24, 2 классе – 37, 3 классе – 36, 4 классе – 38, 5 классе – 38, 6 – классе 29. В течение года выбыло из училища 4 воспитанницы: 1 воспитанница умерла, а 3 уволены за неявку в училище без объяснения причин. Таким образом, к концу учебного года всех воспитанниц было 198. По классам они разделялись следующим образом: в 1 классе – 23, во 2 классе – 36, в 3 классе – 36, в 4 классе – 37, в 5 классе – 38, в 6 классе – 28.

Сословный состав воспитанниц епархиального училища был неоднородным. За плату в училище могли проходить обучение представители не духовных сословий. Однако анализ архивных материалов делопроизводственных документов училища дает основание полагать, что их количество было невелико. Например, все 32 девушки, принятые в училище в 1874 г., являлись дочерьми священнослужителей [21: с. 1039-1042]. Так, в выпуске 1884 г. из 31 епархиалки только двое не принадлежали к духовному сословию [подсчитано по 5: Ф. 25. Оп.1. Д. 10]. На наш взгляд, это

объясняется тем, что плата за обучение для лиц не духовного сословия была слишком высока и составляла 120 рублей в год. Для того, чтобы облегчить бремя оплаты и обеспечить приток в училище новых воспитанниц, в 1877 г. было разрешено вносить плату частями: 40 рублей оплачивалось в сентябре, 40 – в январе, и оставшаяся сумма – 40 рублей – на Фоминой неделе (т.е. на неделе, следующей после Пасхальной) [9: С. 695].

К концу века плата увеличилась до 200 рублей, что делало обучение в епархиальном училище еще более недоступным. Эта проблема была поднята на заседании учебного комитета при Святейшем Синоде в 1890 г. Было найдено решение, способствующее увеличению числа воспитанниц. Так, некоторым ученицам разрешалось вносить плату только за обучение, при условии непроживания их на территории училища. Годовая оплата в этом случае составляла 25 рублей [11: С. 112-115]. К тому же было разрешено вносить полупансионную оплату (75 рублей – для девушек духовного звания и 100 рублей для представительниц других сословий). Подобная политика послужила основанием к увеличению численности воспитанниц. На 1895 г. из 215 епархиалок было 27 не духовного сословия, 11 воспитанниц, которые платили только за обучение в училище [11: С. 119].

Кроме того, отличительной чертой Курского епархиального женского училища было существование категории так называемых призреваемых девиц, которая имела место с основания училища. В эту категорию попадали девушки-сироты, которые содержались при училище за счет внутренних средств. При этом на них налагались обязанности комнатной прислуги. Такая практика была упразднена в 1907 г. указом Синода, как несоответствующая основным целям и задачам, которые возлагались на епархиальные училища Уставом 1868 года [16: С. 80].

Таким образом, можно сказать, что Курское епархиальное женское училище было учебным заведением сословного характера. В классической гимназии представительницы духовного сословия практически не обучались. Так, на 1907 г. в гимназии из 51 ученицы только 2 были дочерьми священников [5: Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 32 об., 33]. Также епархиальное училище не могло принять девушек не православного вероисповедания ввиду своей функциональной направленности. К тому же представители «имущих» слоев дворян и купцов предпочитали обучать своих дочерей в гимназии, где предполагалась гораздо более высокая плата за обучение.

Такая тенденция носила общероссийский характер [3: С. 87], но в Курске в связи с высокой оплатой количество инсословных учениц было ниже, чем в других подобных учебных заведениях. Такой вывод был сделан в

уже упоминаемом заседании учебного комитета при Святейшем Синоде [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 12].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос качественных и количественных характеристик педагогического состава Курского епархиального женского училища. Рамочное регулирование этого вопроса дается в Уставе епархиальных училищ 1869 г. К тому же при комплектовании педагогического состава епархиального училища пользовались «Правилами о церковно-приходских школах» 1894 г. и «Правилами о школах грамоты» 1891 г., который должны были составлять приходские священники и другие члены причта, а также светские лица, допущенные к преподаванию епархиальным архиереем. Однако в данных правилах не было четко определено: какие дисциплины мог преподавать священник, а какие светское лицо. Негласно с течением времени сложилось правило, что дисциплины, имеющие ярко выраженную религиозную направленность должны преподавать лица духовного звания, а остальные предметы – светские учителя [10: С. 130].

Таким образом, к преподаванию в епархиальных училищах допускались как светские, так и духовные лица. При этом обязательным условием являлось наличие высшего или среднего духовного образования. Также к преподаванию могли быть допущены лица, не имеющие достаточного образования, но выдержавшие экзамен перед учительским советом и тем самым доказавшие свою профессиональную пригодность. Такая уступка законодателя, на наш взгляд, объясняется тем, что при первоначальном формировании преподавательского состава укомплектовать епархиальные училища только лицами, получившими образование, было невозможно ввиду отсутствия достаточного их числа на территории учебного округа. К тому же лица, обладающие средним, а тем более высшим духовным образованием, не спешили вести преподавательскую деятельность в епархиальных училищах, так как могли работать в духовных семинариях и других учебных заведениях более высокого статуса.

Подобная общероссийская тенденция сказалась и на Курском епархиальном женском училище. К тому же плата в епархиальном училище составляла 420 рублей в год, что было значительно ниже оплаты труда в других духовных учебных заведениях. Пытаясь решить эту проблему, Курская епархия увеличила положенный законом оклад в два раза. Таким образом, плата за год преподавателя епархиального училища составила 840 рублей, что было сопоставимо с зарплатой педагогов духовных семинарий. Однако работа в епархиальных училищах не давала права на пенсию, что также не способствовало притоку преподавательских кадров. Названные

причины не позволили епархиальному училищу в полной мере сформировать собственный штат преподавателей, поэтому на протяжении рассматриваемого периода в училище было определенное количество преподавателей-совместителей. Устав 1868 г. предписывал определять на педагогическую работу преимущественно лиц, получивших духовное образование, однако вследствие названных причин часто этого не удавалось сделать.

В первые годы работы училища из восьми штатных преподавателей четверо были священниками и четверо – представители светских сословий [14: С. 1201]. В последующие годы число учителей не духовного звания увеличивалось. Однако такие дисциплины как Закон Божий и Церковное пение вели исключительно священнослужители [13: С. 1147-1154]. Кроме того, священник Иоанн Никольский преподавал Чистописание [13: С. 1147-1154].

Преподавательский состав определялся архиереем по представлению совета училища, как правило, из лиц духовных, реже из светских. В среднем в Курском епархиальном училище преподавателей было 24, воспитательниц 12, помощниц воспитательниц – 3, учителей игры на рояле – 4, учителей игры на скрипке – 2; церковный староста, эконо́м, письмоводитель, врач и фельдшер.

Так, на 1890 г. среди преподавателей со светским образованием были учитель русского языка кандидат словесности Магницкий, учитель гражданской истории И. Чеканов, учитель физики и геометрии Кандауров [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 12]. К тому же, как уже упоминалось выше, начальница епархиального училища получила образование в Харьковском институте. Церковному пению воспитанниц обучал светский человек П. Иванцов [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 12].

Также важно отметить, что среди преподавателей училища было много совместителей. Разрешение на такой вид деятельности необходимо было получить от начальницы училища. Экзаменационную комиссию долгое время возглавлял протоирей Иоанн Лашенков [13: С. 1202]. Также в комиссию входили преподаватели училища, а также представители общественности – например, председатель губернской земской управы Иосиф Иванович Каличинский, член управы Отрок-Говоруха, директор гимназии Жаворонков, инспектор народных училищ Высоцкий, известный курский педагог Евтушевский – которые приняли участие в работе экзаменационной комиссии в 1873 г. [13: С. 1203].

Контроль за преподаванием осуществлял совет епархиального женского училища, а также учебный комитет. В отчетных документах

проверок преподавательской работы можно заметить следующую тенденцию. В Курском епархиальном женском училище отказались от схоластических методов обучения, широко применяемых в других духовных учебных заведениях. Предлагалось использовать методы, стимулирующие познавательную деятельность воспитанниц. Среди них: «излагательный» или нарротивный, предполагающий рассказ учителя, чтение лекций, которые обязательно должны сочетаться с часто задаваемыми вопросами, обращенными к аудитории. Также приветствовался метод бесед, применялись проповеди, наставления, поучения. Имел место в епархиальном училище и эвристический метод, который состоял в самостоятельной работе учениц. Им поручалось проанализировать литературный отрывок, написать реферат, по естественным наукам проводились лабораторные работы.

Учебный комитет строго следил за соответствием каждого преподавателя налагаемым на него обязанностям. Отчеты учебного комитета всегда содержали методические рекомендации, направленные на совершенствование процесса обучения. Например, заметя в результате проверки, что преподаватель истории И. Чеканов много времени на занятии уделяет пересказу событий, ему предложили чаще обращаться к аудитории, задавать проблемные вопросы, т.е. более интенсивно включать в работу учениц [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 12]. А преподаватель русского языка, по мнению совета, слишком много тратил времени на опрос епархиалок и совсем не уделял внимания разбору грамматических ошибок, допущенных ими в самостоятельных работах [5: Ф. 25. Оп. 1. Д.12].

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на имеющиеся трудности педагогический состав Курского епархиального женского училища успешно выполнял свою работу. Об этом свидетельствует высокий уровень оценок, рассмотренный на основе аттестатов отдельных учениц [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 10]. Преподаватели применяли новейшие на тот период развития педагогической мысли дидактические приемы, большое внимание уделяли письменным самостоятельным работам, которые способствовали закреплению знаний у воспитанниц, а также учили их ясному, точному, логичному изложению своих мыслей.

Система образования в Курском епархиальном женском училище была основана на Уставе женских епархиальных училищ, который выступал своеобразным государственным стандартом [4]. Согласно первоначальному замыслу законодателя, образование, даваемое в епархиальных училищах, было связано с сословным предназначением учениц и сводилось к получению ими необходимых знаний и умений для будущей жены священника. Однако развитие системы образования в епархиальных

училищах расширило социальную роль их воспитанниц, которые могли претендовать на должности учителей в школах низшей ступени. Этому способствовало открытие дополнительного седьмого класса. Как уже отмечалось выше, учебные программы епархиальных училищ первоначально соответствовали учебному плану женских училищ Министерства народного просвещения. В учебную программу Курского епархиального женского училища входили следующие дисциплины: арифметика, чистописание, Закон Божий, церковное пение, русский язык, рукоделие, география, история, словесность, геометрия, физика, дидактика, практика в школе, французский язык, славянский язык [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 62].

Учебный год в Курском епархиальном женском училище начинался 17 августа приемными испытаниями и переэкзаменовками, которые продолжались до 28 августа. Учебные занятия начинались с 1 сентября. В конце года проводились переводные испытания. Для письменных экзаменов заранее сообщались темы инспекторам классов. Работы проверяли наставник и члены экзаменационной комиссии. Каждый из них ставил оценку и по итогам выводился средний балл, который отмечался в ведомости. В случае получения низкого балла существовала летняя переэкзаменовка, либо ученицу оставляли на второй год. После окончания училища выпускницы получали аттестаты на звание домашних учительниц.

Количество и продолжительность уроков было достаточно оптимальным: утром с 9 до 12 часов и после обеда с 14 до 16 часов. Причем, умственный труд чередовался с физическим, так как во второй половине дня ученицы занимались рукоделиями. Между уроками обязательно был двухчасовой обеденный перерыв, позволявший ученицам отдохнуть и набраться сил для дневных занятий.

Сравнивая учебную программу Курского епархиального женского училища с учебной программой Курской женской гимназии, можно отметить преимущества последней. Женская гимназия давала более полное образование. В учебный план были включены такие предметы как: естествознание, космография, алгебра, рисование [5: Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.]. Кроме того, в гимназии в качестве обязательных дисциплин было включено изучение двух иностранных языков – французского и немецкого [5: Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.]. Такая градация предметов объясняется, на наш взгляд, светским и религиозным характером двух учебных заведений. Строго научные дисциплины космология, физика, естествознание не могли присутствовать в учебных планах духовных школ. К тому же, женские гимназии имели на один класс больше (там учеба составляла семь лет), соответственно располагали достаточным временем для дополнительных

предметов. Важно отметить, что преподавание Закона Божьего как профильного предмета для епархиального училища было выдержано в том же объеме и в женской гимназии [5: Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.]. Если же сравнивать качественные показатели образования, то выпускницы епархиального училища в значительной степени уступали гимназисткам. У последних были более глубокие и систематизированные знания по математике, русскому языку, литературе, естественным наукам.

В целом, можно отметить, что организация учебного процесса в Курском епархиальном женском училище и содержание учебных программ были тесно связаны с основной целью, лежавшей на этом образовательном учреждении, а именно – подготовке учителей и образованных жен священников. Содержание и подбор учебных дисциплин отвечали минимальным требованиям общего женского образования второй половины XIX-начала XX в. К тому же учебные программы епархиального училища как и учебные программы женских классических гимназий отражали образовательные тенденции своего времени, т.е. построение учебного курса на основе идей народности и патриотизма, что было заложено в педагогических концепциях К.Д. Ушинского и К.П. Победоносцева.

Конечно, организация учебного процесса зависела от целого ряда субъективных факторов. Трудности, с которыми пришлось столкнуться Курскому епархиальному училищу, были присущи подобным учебным заведениям по всей России. Основной среди них – это недостаточность и нерегулярность финансирования, что негативно сказывалось на преподавательском составе, на условиях содержания воспитанниц, их здоровье. Однако при всех существующих недостатках и проблемах Курское епархиальное училище выполняло возложенную на него Уставом 1868 г. задачу – подготовку дочерей священнослужителей и учителей церковно-приходских школ в Курской губернии. Кроме того оно явилось яркой страницей в истории Курской губернии. Данное учебное заведение существенным образом повлияло на процесс интеграции женщины в общество, позволило девушкам духовного сословия выйти за рамки своего происхождения и активно включиться в общественную жизнь, что в свою очередь вносило изменения в ее образ жизни, меняло отношение духовенства к женскому образованию. Архивные источники указывают, что священнослужители старались определить своих дочерей в епархиальное училище, считая такое образование одним из лучших [5: Ф. 25. Оп. 1. Д. 22, Д. 30].

Таким образом, Курское епархиальное женское училище заняло достойное место в истории образования Курского края и служило

источником знания для дочерей духовенства и давало возможности профессиональной реализации епархиалок в качестве учителей.

Источники и литература

1. Амоскин А.С. Епархиальное женское училище // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997.
2. Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX – начало XX века). Дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
3. Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1996. № 3.
4. Высочайше утвержденный устав женских епархиальных училищ от 20 сентября 1868 г. // ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46271. § 102.
5. Государственный архив Курской области.
6. Доклад совета Курского епархиального училища // Курские епархиальные ведомости. 1906. № 20.
7. Еперина Г.С. Из истории Омского епархиального женского училища // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. 1997. № 5.
8. Журнал съезда духовенства от 21 июня 1912 года // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 27.
9. Извлечения из журнала совета Курского епархиального женского училища, утвержденного его преосвященством 4 июля 1875 года // Курские епархиальные ведомости. 1874. № 14.
10. Козлов К.В. Политика Русской Православной церкви в области образования и ее реализация в деятельности епархий Центрального Черноземья 1884-1917 гг. Дисс ... канд. ист. наук. Белгород, 2004.
11. Курские епархиальные ведомости. 1895. № 9.
12. Отчет о состоянии Курского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1992-1893 уч. год // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 11.
13. Отчет о состоянии Курского епархиального женского училища по учебно-нравственной части 1873-1874 годы // Курские епархиальные ведомости. 1874. № 22.
14. Отчет по учебной и религиозно-нравственной части Курского епархиального женского училища за 1872-1873 годы // Курские епархиальные ведомости. 1873. № 21. Ноябрь.

15. Пожертвование от редакции Курских епархиальных ведомостей на епархиальное женское училище и семинарию // Курские епархиальные ведомости. 1874. № 8.

16. Попова О.Д. Из истории епархиальных училищ Курской губернии // Из истории монастырей и храмов Курского края. Курск, 1998.

17. Попова О.Д. Рязанское женское епархиальное училище и его значение в истории РГПУ // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Сборник научных трудов кафедры Древней и средневековой истории Отечества. Выпуск 1. Рязань, 2001.

18. Преображенский А. История Владимирского епархиального женского училища за первый период его существования (1865-1879). Владимир, 1902.

19. Семенов Д. Епархиальные женские училища за первые 50 лет своего существования // Русская школа. 1893. № 9.

20. София // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997.

21. Список лиц, принятых в Курское епархиальное женское училище в 1874 году // Курские епархиальные ведомости. 1874. № 20.

В.М. Горяйнов

КУРСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Прошли десятилетия, как прекратило свое существование одно из великих государств планеты – Российская Империя. Многие институты государственной власти царской России XIX-XX веков оказались практически забыты, хотя некоторые из них до настоящего времени представляют определенный интерес не только для узких специалистов. Одним из таких институтов был Корпус жандармов.

Начав свое существование по указу Александра I от 27 августа 1815 года [1, л. 110] как военно-полицейское формирование, жандармерия к концу XIX века превратилась в жестко централизованную организацию политического сыска, структурно обособленную в системе Департамента полиции министерства внутренних дел. Она словно рентгеновскими лучами пронизывала все общество огромной Российской империи, держа в поле зрения узловые детали политической, экономической и религиозной жизни,

оставаясь при этом очень компактной и легко управляемой структурой. Это можно проследить на примере Курского губернского жандармского управления. Губерния с середины XIX века и до революции 1917 года по большинству экономических и социально-политических параметров представляла усредненный провинциальный сельскохозяйственный регион, можно сказать, уменьшенную модель Империи.

Преодолевая многочисленные трудности, в том числе косность и тугодумие, как руководителей государства, так и рядовых бюрократов, Корпус жандармов с момента учреждения проделал большой путь в своем становлении и развитии. Разработанные практикой жандармских сыщиков методы оперативной работы можно считать классическими, их успешно применяют и по сей день. В свое время они были приняты на вооружение карательными органами молодой Советской власти. Так же, как и законы физики или химии, основные методы оперативно-розыскной деятельности не зависят от того, капиталистическое или социалистическое государство. Отличие лишь в обоснованности и законности их использования.

В конце XIX века для более эффективного обеспечения потребностей политического сыска были созданы районные охранные отделения. Этот процесс облегчался тем, что охранные отделения фактически не подчинялись Корпусу жандармов, хотя и состояли из жандармских офицеров и чиновников.

Указанный вопрос был для Департамента полиции настолько важен, что нашел свое отражение уже в первом параграфе «Положения о районных охранных отделениях»: «Для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в Империи, учреждаются Районные Охранные отделения, действующие под непосредственным руководством и контролем директора Департамента полиции, через Особый отдел последнего» [2, л. 2]. Всего было учреждено восемь районных охранных отделений, охватывающих территорию Империи до Урала, а в их числе: в Харькове (Юго-восточное) – для губерний: Харьковской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Донской области, Черноморской и Екатеринославской.

Следует отметить, что Корпус жандармов по численности личного состава был очень компактным, а, в сравнении с его поздними преемниками – ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ, был смехотворно маленьким. Так, например, в 1895 году Корпус имел в своем штате 721 офицера и чиновника, 8 522 нижних чина, в 1914 году – уже 946 офицеров и чиновников, 12 699 нижних чинов. И это со строевыми подразделениями. К сравнению: численность ВЧК без строевых подразделений (частей особого назначения – 40 тыс. в 1921

году) по общедоступным источникам по окончании гражданской войны была 31 тыс. Незадолго до ликвидации Корпуса, его численность выросла до наибольшей за всю историю существования и составляла в октябре 1916 года 1 051 офицер и чиновник, 14 667 вахмистров и унтер-офицеров [3, л. 1-3].

Представление о штатах, о профессиональном образовании, прохождении службы, социальном происхождении, вероисповедании, денежном содержании офицеров можно получить на примере Курского губернского жандармского управления. Этот пример характерен для большинства губернских жандармских управлений.

КГЖУ начало свою деятельность в 1827 году, как отделение в составе 5-го жандармского округа штаба Корпуса жандармов в г. Харькове [4, л. 88]. На 1 июля 1907 года в КГЖУ по штату состояло на службе четыре офицера. Это видно из полугодовой отчетности в штаб Корпуса жандармов [5, л. 1-6]. Эти люди отвечали за вопросы государственной безопасности в губернии с населением более трех миллионов человек.

Начальник управления – полковник Вельк Андрей Карлович, дворянин, вероисповедания православного, образование – Павловское военное училище по первому разряду. За время службы взысканий не имел. Жалование – 1 200 рублей в год; столовые – 2 100 рублей; на прислугу – 192 рубля; итого – 3 492 рубля.

Адъютант управления – поручик Лавренко Григорий Николаевич, из мещан, православный, закончил по второму разряду Гущевское пехотное училище, взысканий нет. Жалование – 720 рублей в год; столовые – 240 рублей; на наем прислуги – 96 рублей; итого – 1 056 рублей. К ним прибавлялось 230 рублей квартирных (в год).

Помощник начальника КГЖУ в Курском, Обоянском, Щигровском, Рыльском, Суджанском уездах подполковник Петров Евграф Васильевич, из дворян, вероисповедания православного, окончил Московское пехотное училище, взысканий нет. Жалование – 1 080 рублей в год; столовые – 720 рублей; прислуга – 192 рубля. В связи с разъездным характером службы ему выделялось на содержание экипажа и наем кучера еще 300 рублей. Итого – 2 292 рубля. На наем квартиры доплачивалось 478 рублей.

Помощник начальника КГЖУ в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Тимском, Старооскольском и Новооскольском уездах ротмистр Дацевич Владимир Иванович, дворянин, православный, образование - Елизаветградское кавалерийское училище, взысканий нет. Жалование – 900 рублей годовых; 720 рублей столовых; прислуга – 96 рублей. Итого – 1 736 рублей и 242 рубля на квартиру.

Следует добавить, что все перечисленные офицеры по национальности были русскими. Пенсионное содержание, на примере начальника КГЖУ – полковника Велька (по выходу в отставку) составляло 860 рублей в год [6, л. 1-6].

Во всех подразделениях жандармерии существовала жесткая дисциплина, основывающаяся на сознательном отношении к исполнению своего служебного долга, как офицеров, так и нижних чинов. Поступление на службу для всех категорий сотрудников на основе конкурса, вполне достаточное денежное содержание, интересная работа с осязаемым конечным результатом – и люди очень дорожили, зачастую гордились своей профессией. Это при том, что служба была тяжелая, связанная с большими физическими и психологическими нагрузками, особенно для офицеров и филеров. Действующие по Корпусу жандармов нормативные акты предусматривали жесткую регламентацию различных сторон жизни (в т.ч. и личной) для всех сотрудников, включая и руководителей. Так, выезд за пределы обслуживаемой территории мог быть осуществлен только по письменному разрешению Штаба Корпуса либо Департамента полиции, уход в очередной отпуск полностью зависел от служебной обстановки и состояния здоровья. Поскольку численность офицеров в жандармских подразделениях была минимальной, то и для государства в финансовом отношении являлась крайне необременительной. Так, в том же Курском губернском жандармском управлении за предыдущие 13 лет по сравнению с вышеуказанным штатом офицеров он увеличился лишь на одну единицу помощника начальника управления.

Денежное обеспечение строевых чинов Курской жандармерии нами выше освещалось. Вещевое снабжение было весьма умеренным и, к примеру, в 1900 году состояло из следующих видов [7, л. 5-6]: мундир – один; шаровары – двое; шинель – одна; барашковая шапка – одна; фуражка – одна; башлык, аксельбанты и полушубок – по одному, сапоги – одна пара; плечевая портупея, поясной ремень, шнур револьверный и кабур – по одному экземпляру; револьвер «Смит и Вессон» 2 образца и двадцать патронов к нему; шашка образца 1881 года.

У курских жандармов было очень много работы, в большинстве своем обычной чиновничьей переписки, носящей минимальный уровень полезности и информативности. В КГЖУ поступало колоссальное количество запросов о политической благонадежности кандидатов на государственную службу, учителей, студентов, священников, военных. Кроме этого были запросы-ответы по подозреваемым в антигосударственной деятельности. Так, в 1909 году было обработано 10 954 входящих и 11 513

исходящих документа. За год проведено 24 дознания и исполнено 46 отдельных поручений от других жандармских управлений и прокурорского надзора [8, л. 11].

Особое значение придавалось работе с агентурой. К ней имели допуск не все офицеры. Курские жандармы имели почти постоянно на связи руководителей практически всех стабильных революционных ячеек. Более активно вербовками занимались сотрудники Курского розыскного пункта Харьковского районного охранного отделения, поскольку, в отличие от офицеров ГЖУ их основной задачей был непосредственно политический сыск.

Так, средняя численность наблюдательной агентуры в рассматриваемый период времени по розыскному пункту была 12 единиц. Средняя оплата одному «среднему» агенту была 50 рублей в месяц и 15 рублей «на расходы», итого 780 рублей в год. С учетом годовой пенсии начальника КГЖУ полковника Велька в 860 рублей, можно сделать вывод, что на агентуру жандармы не скупилась [9, л. 3].

Курская губерния не отличалась особой революционной активностью. Несмотря на большую еврейскую диаспору, её представители не особенно спешили исполнять указания Центрального Комитета сионистской партии, Бунда, Паолей-циона и прочих национальных политических организаций.

Во время визита в 1902 году в Курск императора Николая II, при его встрече на железнодорожном вокзале был утвержден «Порядок посещения Государем Императором города Курска во время предстоящих маневров»: «При представлении означенных deputаций Всемилоостивейше разрешено поднести Государю Императору: от земства – хлеб – соль – и альбом; от купечества – хлеб – соль, и от местной еврейской общины – Св. Писание» [10, л. 257]. Таким образом, царем еврейская диаспора была поставлена выше в социальном плане, чем местное дворянство, духовенство или рабочие.

Иногда в Курской губернии встречались и крупные политические дела, даже терроризм. В 1909 году следствием по уголовному делу «Щигровского комитета крестьянского союза партии социалистов-революционеров» были привлечены в качестве обвиняемых 96 человек, в основном, крестьян. Они занимались, в том числе, политическим террором на «бытовом» уровне – убийством не государственных деятелей царского режима, а конкретно – помощника пристава Извекова и волостного старшину Свеженцева. Боясь суда, революционеры стали расстреливать свидетелей: крестьянина Петра Хмелевского и священника Яструбинского [11, л. 3-56].

Из анализа архивных документов можно судить, что чины Курского жандармского управления имели значительный вес в социальной среде

губернии. Следует отметить высокий культурный уровень жандармских офицеров, их коммуникабельность, вежливость в обращении с подследственными.

Насаждаемый со второй половины 30-х годов нашего века в советской общественно-популярной литературе образ жандарма-палача не выдерживает никакой серьезной критики. При наличии строгого прокурорского надзора, негативного отношения к жандармам большей части либеральной интеллигенции и прессы, любой незначительный инцидент просто неуважительного отношения к гражданам, не говоря уже о методах физического насилия, был бы широко использован против Корпуса, а после 1906 года – наверняка стал бы предметом обсуждения в Государственной Думе.

В целом, курские жандармы успешно выполняли поставленные перед ними задачи по обеспечению государственной безопасности Российской империи до конца её существования – до отречения Николая II от престола.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. Оп.260. Д.66.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.1642. Оп.2. Д.175.
3. ГАКО. Ф.1642. Оп.3. Д.258.
4. ГАРФ. Ф.110. Оп.2. Д.96.
5. ГАКО. Ф.1642. Оп.3. Д.49.
6. ГАКО. Ф.1642. Оп.3. Д.49.
7. ГАКО. Ф.1642. Оп.2. Д.31.
8. ГАКО. Ф.1642. Оп.2. Д.321
9. ГАКО. Ф.1642. Оп.2. Д.218
10. ГАКО. Ф.1642. Оп.1. Д.161
11. ГАКО. Ф.1642. Оп.2. Д.190

Ю.С. Петраков

**КРЕСТЬЯНЕ ЯМСКОЙ СЛОБОДЫ ГОРОДА СТАРОГО
ОСКОЛА ПО СВЕДЕНИЯМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ОБСЛЕДОВАНИЯ 1911 ГОДА.**

В данной статье приводится подробнейшее описание состояния пригородных крестьянских хозяйств уездного центра на примере селения Ямская слобода Казацкой волости Старооскольского уезда. Источниковой базой для написания этой работы послужили подворные бланки крестьянской переписи, проводившейся в начале XX столетия Курским губернским статистическим комитетом, которые хранятся в соответствующем фонде Государственного архива Курской области.

Изучив и обработав весь массив данных о населении и его половозрастной дифференциации мы пришли к следующему:

1) общая численность проживающих в Ямской слободе людей крестьянского сословия составляла на лето 1911 г. 2384 чел. из которых 1221 чел. (51,21%) – мужчины, а 1163 чел. (48,78%) – женщины.

2) учитывая то, что помимо разделения крестьян по половому признаку, в первичном формуляре давалась информация и о количестве селян по возрастным группам, то ниже укажем:

а) от числа всего мужского населения 44 чел. (3,63%) являлись лицами, не достигшими и 1 года жизни, 244 чел. (19,98%) – от 1 года и до 7 лет, 171 чел. (14,00%) – от 8 и до 13 лет, 98 чел. (8,02%) – от 14 лет и до 17, 576 чел. (47,17%) – от 18 лет и до 59 лет, 88 чел. (7,20%) – от 60 лет и более.

б) среди женщин 34 чел. (2,92%) – возраст которых не превышал 1 год, 205 чел. (17,63%) – от 1 года и до 7 лет, 138 чел. (11,87%) – от 8 лет и до 12, 85 чел. (7,31%) – от 13 и до 15 лет, 578 чел. (49,70%) – 16-54 года, 123 чел. (10,58%) – от 55 и старше.

Обратив внимание на некоторые различия в определении рамок возрастных категорий для мужчин и женщин, заметим, что они не являются существенными и связаны с особенностями полового развития тех и других. Так, к жителям Ямской слободы, находящихся в несовершеннолетии (до 18 лет у мужчин и до 16 лет у женщин) относилось 1019 чел. (42,74%) от всего населения причем с небольшим перевесом мальчиков над девочками: 54,66% и 45,34% соответственно.

К крестьянам, достигшим уже совершеннолетия, но не перешагнувшим еще порог пожилого возраста (18-59 лет – мужчины и 16-54 года – женщины) насчитывали 1154 чел. или 48,40% от общего количества людей, проживавших в данном населенном пункте. Соотношение в этой возрастной

группе между мужчинами и женщинами было в целом равно: 49,91% и 50,09%. К пожилым и старым людям (от 60 лет у мужчин и от 55 лет у женщин) переписчиками было определено 211 чел. (8,85%) от числа жителей Ямской слободы, среди которых преобладало женское население (58,29%) по сравнению с мужским (41,70%).

Также приводились цифры и по уровню грамотности крестьян той слободы: из 2384 жителей 564 чел. или 23,66% владели грамотой, 457 чел. (19,17%) являлись полуграмотными, 450 чел. (18,88%) были отнесены к учащимся. Отсюда получаем, что 913 чел. или 38,30% были вовсе неграмотными.

Теперь сравним показатели по образованию мужчин и женщин раздельно: грамотных мужчин было 354 чел. (28,99%), а женщин – 210 чел. или 18,06%. Полуграмотное мужское население Ямской слободы равнялось 300 чел., что в переводе на проценты дает 24,57%. Число аналогичных женщин – 157 чел. (13,50%). Категория учащихся среди лиц мужского пола насчитывала 376 чел. или (30,79%), а среди женского – 74 чел. (6,36%). Следовательно, к абсолютно не владеющим основами счета и письма относилось: 191 мужчина (15,64%) и 722 женщины (62,08%).

Таким образом, большая часть крестьян Ямской слободы оставалась безграмотной. Что касается уровня грамотности среди мужского и женского населения, то обратим внимание на превосходство первых над вторыми по грамотным и полуграмотным (примерно на 10,00%), также преобладание среди учащихся (на 15,00%) и преимущество лиц женского пола в числе безграмотных (приблизительно в 4 раза).

Дадим сводку по торгово-промышленным заведениям. В Ямской слободе ко времени переписи располагалось 56 таких объектов. При этом среди этих заведений насчитывалось 9 лавок или 16,07% от общего числа данных строений. Число водяных мельниц, маслобоен, кузниц являлось одинаковым и равнялось 3 (по 5,36% на каждое из предприятий). Кирпичных же заводов было 38 и они составляли 67,86%. Исходя из перечисленного констатируем, что типичным промыслом среди жителей этой слободы был кирпичный промысел. Второе место занимала торговля, последними шли мельничное занятие, изготовление масла и кузнечное дело. По пчеловодству слобожан приводятся сведения, согласно которым из 138 ульев большая их часть, а именно 135 или 97,83% характеризовалась как простые, оставшиеся же 3 или 2,17% - как рамочные.

Переходя к вопросу степени обеспеченности населения живым инвентарем, заметим, что общее количество голов в данной слободе равнялось 962. Взяв это число за 100%, получим следующее: 27,65% или 266

голов из них составляли рабочие лошади. К нерабочим была отнесена 41 лошадь (64,26%), а к жеребьям – 11 (1,14%). Помимо этого, в Ямской слободе находилось 295 коров (30,67%), 3 быка (0,31%), 66 подтелка и бычка (6,86%), 63 теленка (6,54%), 27 овец (2,80%) и 191 свиней (19,85%). Очевидно, что самым распространенным видом живого инвентаря в этом селении была корова, чего нельзя отнести к быкам – их согласно обобщающим бланкам по Ямской слободе было меньше всех. Преобладание числа коров над числом лошадей подтверждает преимущественно неземледельческий характер селения.

Что касается мертвого инвентаря, то отметим, что общее количество подобного имущества было 1492 единицы. Распределение по видам выглядело следующим образом: 432 телеги на деревянном ходу (36,24%), 184 телеги на железном ходу (15,44%), 246 саней (20,64%), 164 сохи (13,76%), 130 деревянных борон (10,91%), 5 катков (0,42%), 2 однолемешных одноконных плуга (0,17%), 1 однолемешный двухконный плуг (0,08%), 17 веялок (1,42%), 4 молотилки (0,33%), 1 соломорезка (0,08%) и 6 крушер (0,50%). Как видим, самым многочисленным видом мертвого инвентаря была телега на деревянном ходу, а самым минимальным – однолемешный двухконный плуг и соломорезка.

Рассмотрим информацию по землевладению в Ямской слободе. Вся земля, относившаяся к своей общине являлась душевой, суммарная площадь которой равнялась 1448,19 дес. Приняв 14,48 дес. за 1%, необходимо отметить, что усадебные участки занимали 373,60 дес. (25,80%), пашенные наделы располагались на 1067,20 дес. (73,70%). Луг находился на 0,50 дес. (0,03%), неудобные земли занимали 6,89 дес. (0,48%). Приведем более подробную характеристику по усадебным наделам: двор – 64,52 дес. (4,46%), сад – 30,61 дес. (2,11%), овощи – 66,44 дес. (4,59%), картофель – 0,34 дес. (0,02%), участки под сено – 16,73 дес. (1,16%), заросли – 5,30 дес. (0,37%). Из пашенных земель под посев использовали лишь 250,58 дес., что составляло 17,31% от общей площади участков. Помимо данного крестьяне Ямской слободы имели вненадельные земли в чужой общине: 13,75 дес. – двор, 92,00 дес. – сад. Из всего этого очевидно преобладание пашенных наделов над усадебными. Внутри последних доминировали картофельные земли.

Распределение посевов имело нижеследующий характер: озимая рожь – 245,61 дес. или 36,82% от всех высеянных агрикультур, озимая пшеница – 38,20 дес. (5,73%), ячмень – 23,45 дес. (3,52%), овес – 110,50 дес. (16,57%), греча – 50,17 дес. (7,50%), просо – 109,99 дес. (16,49%), чечевица – 9,00 дес. (1,35%), горох – 6,05 дес. (0,90%), картофель – 2,66 дес. (0,40%), конопля –

19,2 дес. (2,88%), подсолнечник и лен – 31,45 дес. (4,72%), что подтверждает важнейшую роль ржи в крестьянской экономике [1. л. 193-196 об.].

Далее приведем, как частные примеры, описание типичного и малораспространенного крестьянских хозяйств данной слободы. К первому виду относился двор душевого крестьянина Чернышева Василия Васильевича. Его семья насчитывала пять человек и имела следующую характеристику: хозяин (30 лет), его жена (25 лет), две дочери (7 и 5 лет) и сын (2 года). Причем необходимо отметить, что первые два члена семейства обучались в земской школе, где достигли, однако, разных уровней образования: если самого хозяина можно было считать грамотным, то его супругу всего лишь полуграмотной.

В собственности Чернышевых находился 1 кирпичный завод, что и определяло их уровень благосостояния. Будучи кирпичником в своем селе и работая на себя, домохозяин получал валовый заработок в объеме 200 руб. За вычетом всех расходов, которые составляли 120 руб., сумма чистого дохода равнялась 80 руб.

Касаясь наличия живого инвентаря, то констатируем, что из возможного разнообразия данного вида имущества, эта семья имела только 1 корову. К мертвому инвентарю относились лишь 2 телеги на деревянном ходу.

Говоря о землевладении Чернышевых, заметим, что из 1,00 дес. всей их территории 0,45 дес. занимала усадьба, а 0,55 дес. – пашня. Усадебная земля была распределена между двором, картофелем и пашней в следующем соотношении: 0,10 дес., 0,20 дес. и 0,15 дес. соответственно. Пашенная земля была разбита на 10 участков и сдавалась Чекунову Михаилу Кузьмичу сроком на 1 год, за что Чекунов должен был заплатить Чернышеву сумму в размере 9 руб. В заключение по этому крестьянскому хозяйству скажем, что сданная земля относилась к душевой категории [2. л. 30-30 об.].

Перейдем к рассмотрению еще одного двора того же населенного пункта. Семья душевого крестьянина Кондрашева Иосифа Федоровича, в отличие от большинства семейств в пригородных селениях начала XX века, которые испытывали на себе влияние городской демографии, была трехпоколенной и насчитывала 11 человек: самого хозяина (68 лет), его супругу (58 лет), четырех сыновей (36, 33, 26, 16 лет), дочери (22 года), двух невесток (28 и 20 лет), внука (6 лет) и внучки (1 месяц).

Что касается уровня грамотности, то в первичном бланке приводятся следующие сведения на эту семью: к безграмотным записали малолетних внука и внучку, к полуграмотным – хозяйку (посещала сельское училище), а к грамотным – всех остальных, которые за исключением хозяина (получал

образование также в сельском училище) и 20-летней невестки (закончила городское училище) прошли обучение в земской школе.

Из торговых и т.н. промышленных заведений Кондрашевы имели 2 лавки и 2 мельницы. Однако, отталкиваясь от этого, укажем, что домохозяин в формуляре был указан только как лавочник, причем его сыновья, по всей видимости, никакими промыслами не занимались. Торговля данным крестьянином была налажена в своем селе и велась круглый год на себя, что приносило 10 000 руб. валового заработка но, учитывая расходы (2 000 руб.), справедливо отметить, что реальный доход определялся в 8 000 руб.

Перечислим живой инвентарь Кондрашевых: его составляли 4 рабочие лошади, 3 коровы, 2 головы крупного рогатого скота, занесенные в графу «подтелки и бычки» и 30 свиней. Мертвый инвентарь был представлен такими предметами как 4 телеги на деревянном ходу, 6 телег на железном ходу и 4 саней.

Переходя к земельной обеспеченности этого семейства, скажем, что, как и Чернышевы, они имели земли только лишь в своей общине. Подробное ее описание выглядит следующим образом: 0,95 дес. – двор, 0,10 дес. – овощи, 0,20 дес. – картофель, что в сумме дает 1,25 дес. земли, являвшейся усадебной. Под пашенные наделы отводилось 10 участков общей территорией в 4,75 дес. Сложив все угодья Кондрашевых, получим землю площадью 6,00 дес., категория которой была определена как душевая [3. л. 239-239 об.].

Источники и литература

1. ГАКО Ф. 4. Оп. 1. Д. 736. Л. 193-196 об.
2. Там же. Д. 735.
3. Там же. Д. 736.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ПОДДАННЫХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТИПИЧНОМ ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вселение иностранцев в Курскую губернию с русским населением и аграрной экономикой в основном происходило в пореформенное десятилетие. Но даже на 1897 г. их общий контингент составлял всего 635 душ, или 0,027% к 2,4 млн жителей региона. Лидировали выходцы из «Германской Империи», включая прежние Пруссию, Баварию и т. п., – 238 лиц, в большинстве своем этнические немцы. С территории «Австро-Венгрии» происходил 201 чел., в значительной степени из ее славянских народов. Другие страны были представлены минимально, в т. ч. турецкие подданные – 34 чел., из которых треть по нации болгары. Само Болгарское королевство дало единственного иммигранта [9, с. 98-99].

К 1914 г. среди всех этих людей собственно иммигранты, особенно из Германии, составляли уже меньшинство, преобладать стало их родившееся здесь и обрусевшее потомство, но унаследовав от родителей «иностранное подданство», их мелкий бизнес в здешних городах и дефицитные профессии на сельских предприятиях. К примеру, К. Мартенс с 1865 г. открыл и держал в Курске передовое литейное заведение, второе поколение его германских хозяев, начиная с Георгия, который родился здесь в 1870 г., после местной учебы успешно вело дело отца [3, л. 16; 6, л. 187 об.-188].

В 1904 г. в крупном селе Теткино на сахарном заводе при владениях рыльского имения Терещенко и его крупчатом заведении трудились 8 австрийцев, считая и 2 женщин, все славянского происхождения: от директора сахзавода с завхозьяством и практикантом до должностей пятерых членов польской семьи Оборских: конторского служащего, заводского механика и т. д. [1, л. 10-10 об.]

Уже с 1912 г. МВД обязало полицию Курской губернии «установить строгое секретное совершенно негласное наблюдение за сношениями и областями интересов проживающих в их районах иностранцев, особенно австрийских подданных, имея в виду возможность с их стороны занятия шпионажем». Относительно транзитных иммигрантов в рамках Киевского военного округа, включая Курщину, полицейским предписали «опрашивать их с какой именно целью иностранцы прибыли в Россию, будут ли получать из-за границы и откуда именно корреспонденцию и деньги», на кого последние будут истрачены и кому будут адресованы «собранные таким

путем сведения», обращая внимание на тех лиц, «кои окажутся состоящими или состоявшими на действительной военной службе» [2, л. 374-376].

С началом мировой войны самым опасным этносом объявили немецкий, в т. ч. по экономическим соображениям из-за его якобы засилья над русским людом. Курскому губернатору даже пришлось рапортовать «Особому совещанию об иностранных подданных и выходцах» при МВД, что «немецкий элемент в Курской губернии, крайне незначительный в количественном отношении, не имеет никакого значения в смысле влияния, а тем более засилья над местным населением. В мирное время крупные помещики и заводы охотно пользовались услугами немцев – германских и австрийских подданных в качестве управляющих имениями, лесничих и техников, ценя в них деловитость и практическую подготовленность; в настоящее же время, после запрещения немцам – иностранцам занимать места управляющих и т. п. должности, и этот признак немецкого влияния сошел со сцены» [3, л. 464-465].

В военном отношении «репрессивной мерой» к неприятельским лицам выступала высылка их «на время войны из Курской губернии» [4, л. 13-13 об.]. После объявления 19 июля 1914 г. Германией войны России (1 августа по новому стилю, далее только по старому стилю) первое приказание о депортации пришло в Курск лишь 24 июля – из Штаба Киевского военного округа: «всех военнообязанных германских подданных следует считать военнопленными, поступая с ними применительно Положению о военнопленных» от 13 мая 1904 г. В течение дня из Курска поступила новая телеграмма, что это правило «распространяется также на подданных Австро-Венгрии, которая объявила нам войну» 24 июля [3, л. 5].

От министра внутренних дел на имя курского губернатора депеша пришла 26 июля: «Все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту» со сдачей таковых военной власти. «Запасные чины также признаются военнопленными и высылаются (*гражданской властью как административные ссыльные – А.К.*) из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, (*после наполнения таковых – в более отдаленные регионы – А.К.*), а из Сибири – в Якутскую область. Арестованные с уликами шпионства предаются суду (*окружные суда имели право выносить приговоры о судебной высылке под строгим конвоем – А.К.*), арестованные лишь по подозрению в шпионстве, но без определенных улик, немедленно высылаются (*административно губернатором с самостоятельным следованием – А.К.*) в упомянутые губернии. Мирно занимающиеся

австрийцы и германцы и находящиеся вне всякого подозрения могут оставаться на своих местах», а «семьи высылаемых могут следовать за ними» [3, л.12].

Однако приказ, отданный губернатором 27 июля, повторил ужесточенную кару: «всех военнообязанных, то есть состоящих на действительной военной службе, и запасных австрийцев и германцев арестуйте и передайте воинскому начальнику для отправки в штаб округа». Первыми подверглись арестам для скорейшей депортации до 60 германских подданных, причем список открывал «Георгий Мартенс, содержатель литейного завода», из остальных упомянем руководителя управлением Русско-Азиатского банка в уездном г. Белгороде, управляющего имением, служащих сахзаводов и фабричных мастеров, пивоваров и винокура, монтеров и фотографа, торговцев и лесничего, рабочих в городах и т. д., включая потомка «германского подданного», обоянца Николая Карловича Реелитца, православного вероисповедания, воспитанного матерью – «местной крестьянкой», поэтому говорит «только по-русски», в прошении о принятии им русского подданства как средства защититься властями было отказано [3, л. 15-19, 94-95].

Аналогичную численность дала депортация австрийцев, в т. ч. «австрийские военнообязанные Викентий Майер и Богуслав Сатран переданы (*полицией ближайшему – А.К.*) Старооскольскому уездному воинскому начальнику вместе с отобранными от них документами: билетами (*разрешение на проживание – А.К.*) г-на курского губернатора от 22 сентября 1913 г. и 20 мая 1914 г. с пришнурованными к ним национальными паспортами», который уже 28 июля отправил их в Киев «за караулом от воинских чинов» [3, л. 28, 53]. Из «Курской губернской тюрьмы» туда же были принудительно отконвоированы, но 30 июля германцы – «запасные» Я. Ротмозер (28 лет) и З. Гетцингер (? лет), недавно прибывшие из баварских городов для работы в Курске на должностях «пивоваров» [3, л. 33-36, 115].

Больше повезло давним жителям Курской губернии, хорошо известным власти обрусевшим чужеземцам, с высылкой которых затаили. Дело в том, что 30 июля командование Юго-Западного фронта отдало распоряжение по выведению «неприятельских подданных» из категории «вражеских военнопленных», попавших в плен «с поля сражения». «Гражданские пленные» в порядке интернирования отныне «высылаются» с территории фронта органами МВД по его циркулярной телеграмме от 3 августа 1914 г. [3, л. 74-76]

На основании последней по губернии объявили, что «австрийские и германские подданные мужчины от 18 до 45 лет», как и «невоеннообязанные

австрийцы и германцы, внушающие подозрение подлежат аресту и доставлению в Курскую тюрьму для высылки затем в заволжские губернии». Исключение составляли «женщины, дети и подростки до 18 лет и мужчины старше 45 лет», которым «при условии полной их благонадежности и лояльности, разрешается оставаться на местах их постоянного жительства». Вскоре из тюрьмы г. Курска партию в «75» оставшихся иностранцев при 5 стражниках отправили до конца войны «в гор. Уральск» [3, л. 79, 131].

Запоздалые облегчения от фронтового начальства, что «при всяких репрессиях ... оказывать снисхождение» неприятельским подданным славянского происхождения, коснулись немногих, в т. ч. оставленного на свободе «чеха» О. Шуберта [3, л. 25, 133]. Позднее пощадили от удаления турков, исповедующих христианство, т.е. фактически людей болгарской нации. Помимо Турции, против России выступила и Болгария, подданные которой не подлежали льготам, хотя они были православным славянством [3, л. 515, 530].

Ссылные в Уральске и других городах на востоке страны проживали там достаточно безбедно, располагая довоенным запасом денежных накоплений, и свободно, несмотря на контроль со стороны полиции, но не имели права выезда на родину без специального разрешения. В 1915 г. покинуть Уральск лишь на 20 дней для продажи в Курске своего завода было отказано братьям Георгию и Отто Мартенсам [5, л.1-4]. Очередной отказ вернуться домой эти ссылные получили в мае 1917 г. [8, л. 66-68]

В июле того же года было отказано приехать к семейству в Белгород из отдаленного Уральска германцу Эсслингеру, в июле 1917 г. запретили вернуться из г. Уфы Г. Геннингеру, бывшему управляющему Курским водопроводом, живущим в ссылке вместе с супругой, указавшим в прошении, что «в Уфу она не была выслана, но приехала сюда из Курска добровольно и живет здесь временно» [8, л. 85-87, 256-260].

С другой стороны, Курский регион с лета 1914 г. и до конца войны принял до тысячи перемещенных из прифронтовых губерний австрийских и германских подданных, включая смежные губернии Украины, причем и женщин с малыми детьми, в особенности при отступлении наших войск с весны по осень 1915 г., когда их семьи «подлежали обязательному принудительному выселению» [5, л. 99-99 об.].

Наиболее подозрительные через время отправлялись транзитом по «проходному свидетельству» курских властей самостоятельным следованием – как германец Л. А. Френкель в близкий г. Казань, другие – как К. Кеслер, польский австриец, тянувший с отъездом, был арестован и отправлен

«этапным порядком вместе с семьей» в далекий г. Тургай [5, л. 6-23, 86 об.-99 об.].

Большинство остались на курской территории, в т. ч. семья германских подданных Голле, покинувшая в 1915 г. Полтавщину на основании приказа «об обязательном принудительном выселении из района театра военных действий, т. е. из Полтавской и друг. губерний, подданных враждебных нам государств»: мать 61 года с двумя дочками Бертой и Эммой, у последней своя дочь Елизавета 13 лет с бумагами губернатора на свободное проследование, вначале в Воронеж, потом в Курск, где они подверглись установлению «негласного наблюдения» [8, л. 21-25].

Множество австрийцев славянского происхождения устроились «чернорабочими» во владельческих «экономиях». Некоторые иностранцы обходились без заработков, подобное известно из рапорта полиции о «негласном наблюдении» в 1915 г.: «В д. Портину Миленинской волости Фатежского уезда прибыл на жительство германский подданный Густав Лиске. 51 года, с женой Марией, 55 лет, который остановился в доме крестьянина Сергея Азарова и живет на собственные средства без всяких занятий и который до этого времени проживал в г. Киеве на службе в качестве дворника» [5, л. 48-51, 59-60].

Малоимущим и многодетным семействам с осени 1914 г. выдавались «денежные пособия» и «вещевые посылки» через «Бюро помощи неприятельским подданным при Американском посольстве в Петрограде» на основании российско-австрийско-германского соглашения. Организаторами выступали американские консульства на российской территории, включая Американское генеральное консульство в Москве с охватом 21 региона. Его глава уже 7 ноября 1914 г. официально известил курского губернатора, что «для правильной помощи подзащитным мне германским и австро-венгерским подданным, высланным в разные губернии и страдающим от голода, болезни и холода, я до сих пор пользовался... услугами местных лютеранских и римско-католических священников, которым я высылал деньги для распределения между нуждающимися... в губернских городах и через своих уполномоченных лиц в уездных городах, селах и деревнях». Для улучшения работы вскоре был назначен консульский «представитель в Воронежской, Тамбовской и Курской губерниях» Рид Люис, в июле 1916 г. посетивший Курщину с задачей знакомства с организацией деятельности «Комитета иностранных подданных» при лютеранском пасторе Башвице и руководимого католическим ксендзом Улинским «Попечительства о поляках иностранных подданных при Курском отделе Общества вспомоществования полякам, пострадавшим от войны», позднее слившиеся в «Курский патронат»

с участием самих ссыльных, в т. ч. опекавших в Курске австрийскую семью из словацких католиков Добасов из г. Винницы, в 1917 г. в ней уже умер отец, осталась мать 56 лет с тремя дочерьми: 17, 14 и 13 лет. Перед вступлением в марте 1917 г. в войну Соединенных Штатов попечение «военнозадержанных» иностранцев в России перешло к Шведской миссии [3, л. 192-193, 361, 543, 580-591; 4, л. 10, 30 об., 41-42].

Завершение Первой мировой войны в 1918 г. в условиях начала Гражданской войны разметало к 1920 г. чужеземцев из Курской губернии за единичными германцами, в т. ч. туда вернулся Отто Мартенс, из ссыльных в ней остались Эмма Голле с дочерью Лизой [7, л.7, 10].

Источники и литература

1. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.7415.
2. Там же. Д.8228.
3. Там же. Д.8521.
4. Там же. Д.8914.
5. Там же. Д.8916.
6. Там же. Ф.185. Оп.1. Д.22.
7. Там же. Ф. Р-232. Оп.1. Д.239.
8. Там же. Ф. Р-322. Оп.1. Д.37.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. XX. Курская губерния. СПб., 1904. 291 с.

А. Ю. Друговская

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В условиях переосмысления истории гражданской войны и России вопросы культурного развития в этот период также подвергаются переоценке. Сложившаяся традиционная концепция указанной проблемы связана в основном с позитивной оценкой деятельности большевистской партии в этом направлении. Однако многочисленные мемуарные,

документальные источники, появившиеся в печати в последнее время, не позволяют однозначно характеризовать эту деятельность.

Культурная политика большевистской партии была достаточно противоречивой, а культурная жизнь страны, безусловно, испытывала на себе разрушительные тенденции периода гражданской войны. Вместе с тем, правящая партия большевиков осуществляла и созидательную работу, в частности, в сфере здравоохранения.

Для управления медицинскими делами в Народных Комиссариатах внутренних дел, путей сообщения, государственного прозрения и просвещения были организованы врачебные коллегии, возглавлявшийся врачами-большевиками. 24 января 1918 г. совет Народных Комиссаров образовал Совет врачебных коллегий, который объединил их деятельность в Наркоматах и стал, таким образом, высшим медицинским органом в стране. Одной из важнейших задач совета врачебных коллегий явилась дальнейшая работа по организации на местах медико-санитарных отделов. В июне 1918 г. в Москве по инициативе В.И. Ленина был создан I-й Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, который наметил программу строительства здравоохранения.

По докладам З.П. Соловьева («Задачи и организация Народного комиссариата здравоохранения») и Н.А. Семашко («Об организации Советской медицины на местах») съезд признал необходимым создание единого центрального органа – Народного Комиссариата здравоохранения - для руководства всем медико-санитарным делом в стране, причем особо было подчеркнута, что лечебную медицину необходимо строить на принципах общедоступности и бесплатности. На этом же съезде были определены принципы управления больницами, а также организационная структура губернских и уездных отделов здравоохранения. 11 июля 1918 г. был подписан декрет об образовании Народного Комиссариата здравоохранения (Наркомздрава РСФСР) – Совет врачебных коллегий прекратил свое существование. Народным Комиссаром здравоохранения был назначен Н.А. Семашко, его заместителем – З.П. Соловьев.

В январе 1918 г. в Курске ещё продолжала работать губернская земская управа [1, л. 2,3,8]. Об этом свидетельствуют материалы совместного заседания 12 января 1918 г. Общества курских врачей и Курского отделения союза врачей армии и флота с ее участием, на котором чествовали старейшего деятеля земской медицины В.И. Долженкова (1842-1918 гг.) [2, с. 49-51] по поводу 50-летия его врачебной деятельности. В феврале 1918 г. при Курском губернском комиссариате внутренних дел было создано медико-санитарное бюро, возглавляемое одним врачом. К апрелю 1918 г. в нем уже

работало 3 врача, из которых один принял в свое ведение упраздненное к тому времени врачебное отделение бывшей губернской управы. В августе 1918 г. бюро было реорганизовано в медико-санитарный отдел губернского исполнительного комитета совета рабочих и крестьянских депутатов [3, с. 5-45]. Губернским медико-санитарным отделом руководила коллегия, состоявшая из заведующего отделом и членов - врачей, избранных на проходившем 26 июля по 1 августа 1918 г. первом общегубернском врачебном съезде. Она должна была организовать и возглавить всю лечебную помощь населению в городе Курске и уездах, а также разработать мероприятия по профилактике заболеваний.

Организация и работа уездных медико-санитарных отделов испытывала известные трудности не только потому, что не было «директив из центра», а в большей степени из-за отсутствия регулярной и постоянной связи с уездами, от которых зачастую даже нельзя было получить сведения о заразных заболеваниях. Кроме того, не было единства в организации руководства лечебным делом.

В годы гражданской войны было тяжёлым эпидемическое состояние в Курской губернии. Курскому губернскому отделу приходилось преодолевать большие трудности в работе. Во-первых, из-за того, что территория губернии в 1918 году являлась ареной гражданской войны, следовательно, связь с рядом уездов отсутствовала, а, во-вторых, из-за сильной заражённости различными эпидемиями.

В конце июля 1918 г. был созван первый Курский губернский съезд врачей совместно с представителями уездных совдепов, на котором в качестве основного был поставлен вопрос борьбы с холерой. По постановлению комиссии Народного Комиссариата внутренних дел в сентябре 1918 г. Курскому губисполкому было отпущено 100 тыс. руб. на содержание открытого в июле этого же года при Курской губернской ветеринарной лаборатории медицинского отделения. В октябре 1918 г. к моменту особенного роста эпидемии холеры в распоряжении губернского медсанотдела для борьбы с ней было уже 9 врачей, 3 студента-медика, 1 сестра милосердия, из которых формировались отряды и направлялись в районы, наиболее пораженные как холерой, так и другими инфекциями. К концу 1918 г. в Курске было создано дезинфекционное бюро с разъездными отрядами.

К 1918 г. относятся и первые мероприятия по созданию лечебной сети в Курской губернии. В бывшей губернской земской больнице количество коек было доведено до 360, была организована амбулатория, продолжала

функционировать городская больница с амбулаторией, приступили к организации бесплатной зубоврачебной помощи.

По инициативе Курского медсанотдела начали проводиться массовые осмотры школьников. Летом 1918 г. была организована общегородская больничная касса. Стала оказываться бесплатная медицинская помощь на дому (для этой цели она располагала пятнадцатью выездными врачами). В это же время начали организовывать и скорую помощь. Таков комплекс мер, проводимых по организации здравоохранения в Курской губернии в 1918 году.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской губернии. Ф. Р-202. Оп. I. Д. 1.
2. Гордость земли курской // Сборник очерков о знаменитых земляках. Курск, 1992. С. 49-51.
3. Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Воронеж, 1967. С. 5-45

П.О. Горбачев

КУРСКИЕ КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО СУДА)

Слово «контра» появилось в российском историческом и политическом лексиконе в ходе Гражданской войны. Означало оно в широком смысле контрреволюцию, а в узком – контрреволюционеров, чаще всего сторонников Белого движения. По законам военного времени с контрреволюционерами не церемонились. Совсем иное дело первые годы Советской власти, когда стали соблюдаться правовые нормы, а приговоры бывшим врагам были очень мягкими. Проиллюстрируем сказанное на материалах Курского губернского суда.

Иванов Иван Афанасьевич до революции торговал мануфактурой. Ближайшими эксплуатируемыми помощниками были пятеро приказчиков, которые крутились как белка в колесе.оборотный капитал купца даже в военное время доходил до 60 тысяч рублей. В 1918 году Советская власть национализировала его торговое имущество, и пришлось Иванову стать

совслужащим, как тогда говорили. В Кургубнародобразе, где он начал трудовую деятельность он пользовался доверием. Очень быстро он получил полномочия для закупки и поставки продуктов питания для служащих данного учреждения. Нередко закупку продуктов он производил на личные сбережения, а иногда и под честное купеческое слово, пользуясь дореволюционными связями. Весть о занятии Тима белыми застала Ивана Афанасьевича в очередной командировке по закупке продовольствия. Он молниеносно бросает свою советскую службу, возвращается в Тим с надеждой восстановить прежнее торговое заведение. В комендатуре Тима он встретил своего младшего сына Александра. Последний был в звании офицера. Пользуясь покровительством, Иванов стал собирать свое имущество, которое к тому времени было распределено между семьями тимских коммунистов. Возврат своего добра нередко сопровождался издевательствами и побоями членом семей коммунистов. Случалось, Иванов не находил имущества и тогда он отбирал то, что ему никогда не принадлежало [3, л. 121].

Когда Красная армия стала теснить белых из Курской губернии, Иван Афанасьевич перебрался в Харьков, где успешно занялся торговлей. Когда город взяли красные, он не явился на регистрационный пункт и быстро уехал в Белгород. Но и здесь жилось неуютно. Пришлось вновь вернуться в Харьков, перейти на нелегальное положение, перебиваться случайными заработками. Это длилось до тех пор, пока его не арестовали в 1921 году. Приговор Курского губернского суда был строг: высшая мера наказания. Но принимая во внимание возраст подсудимого, а Иванову был уже 61 год, суд счел возможным смягчить меру пресечения .

Постарался и адвокат Иванова. Защитник усомнился в показаниях свидетелей. Никто не смог указать, как подсудимый издевался над людьми. Известную роль сыграло и его бедняцкое происхождение. Как выяснилось, Иванов – сын прачки, в молодости даже батрачил. В итоге Ивана Афанасьевича приговорили к 5 годам лишения свободы в исправительном трудовом доме. 24 июня 2002 года Прокуратура Курской области постановила: в отношении Иванова Ивана Афанасьевича Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» не применять [3, л. 121].

В 1924 году на скамье подсудимых оказался фельдшер Гавриил Иванович Коровин, 37 лет, проживавший в деревне Красниково, Лубянской волости Курского уезда [4, л. 76]. Все началось с того, что Гавриил Иванович подал заявление в курский Уфинотдел, в котором указывал, что сельсоветы Гуторовой, Красниковой и Лубянской волости Курского уезда неправильно

начисляют на крестьян тех же деревень единый сельхозналог. Заявитель подозревал, что делается это с целью наживы.

22 мая 1924 года в селе Вышнее Гуторово Лубянской волости проходило многолюдное собрание. Коровин попросил у председательствующего слова, якобы для успокоения некоторых нетрезвых односельчан. Однако вместо призыва к порядку, он стал «призывать граждан к удушению Советской власти, называя ее властью хулиганов и грабителей». Из толпы слышались выкрики в адрес сельской администрации: «Их нужно бить»!

На место была командирована ревизионная комиссия для проверки указанного заявления. В ходе ее работы было установлено, что действий указанных в заявлении не было и заявление было «вымышлено».

Во время следствия Коровин заявлял, что он страдает психастенией (неврозом). К тому же, в момент митинга он, как и многие другие, был в состоянии сильного алкогольного опьянения и не мог контролировать свои слова и действия. Однако это обстоятельство было опровергнуто опрошенными свидетелями. Гавриил Коровин был известен на всю округу как поборник трезвого образа жизни. В итоге Курский губернский суд приговорил Гавриила Ивановича Коровина к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией. 25 июня 2002 он реабилитирован Прокуратурой Курской области [4, л. 76].

9 октября 1925 года Курский губернский суд по судебному-уголовному отделению на выездной сессии в Рыльске, во главе с председательствующим А.С. Юшковым, рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению гражданина Бондарева Герасима Алексеевича по статье 73 части 1 и статье 87 Уголовного кодекса [1, л. 73].

На суде, благодаря показаниям свидетелей, выяснилось следующее. Обвиняемый Бондарев работал заведующим Грузчанской экономии Бухаринского сахарного завода. Во второй половине 1924 года он увидел на груди гражданина Парфенова значок с изображением Владимира Ильича Ленина. Последнему он сказал, что «ты носишь на груди, указывая на значок Ленина, половой орган мужчины». Кроме того, как-то при чтении газеты «Курская правда», статьи под заглавием «Пять лет работы Профсоюза Просвещения» изрек: «Пять лет, а толка нет», явно указывая на всю деятельность Советской власти.

Однажды во время беседы рабочих экономии на тему о сравнении революционной деятельности Степана Разина и Владимира Ильича Ленина он допустил такой выпад: «Разин, а также Ленин – бандиты и также вся Коммунистическая партия тоже бандиты и говорил, что Ленин про

заведенной им Пролетарской Революцией для рабочих и крестьян ничего хорошего не сделал, а, наоборот, для крестьян сделал хуже, у них отобрали их собственную землю и задушили налогами».

Также Бондарев считал, что крестьяне не желают в Советы избирать коммунистов, их «назначают силой», не считаясь с мнением народа. При Советской власти, по мнению Бондарева, никогда не было и не будет порядка, а значит, она «должна уйти». По его сведениям, «памятник Ленину в Москве облили нечистотами из клозетов» [1, л. 73].

На основании изложенного суд приговорил: «Гр-на Бондарева Герасима Алексеева, 49 лет, грамотного, беспартийного, женатого, по профессии – бухгалтер, не судим, происходящего из крестьян с. Марковки, той же волости, Лебединского уезда, Харьковской губернии, подвергнуть лишению свободы без строгой изоляции сроком на шесть месяцев. В порядке ст. 31 УК зачесть ему предварительное заключение один месяц и три дня. Судебные издержки возложить на обвиняемого...» [1, л. 73 об.].

Адвокат Бондарева направил в Москву кассационную жалобу, из Кассационной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР пришел лаконичный ответ: «Приговор оставить в силе» [1, л. 58, 58 об.]. 14 июня 2002 года Прокуратура Курской области, в соответствии с законом «О реабилитации жертв политических репрессий», вынесла постановление о реабилитации Герасима Алексеевича Бондарева [1, л. 73 об.].

Бывший мещанин Белгорода Кошкарев Федор Федорович до революции был крепким хозяином. Проживал он на хуторе имени самого себя, то есть Кошкареве, который раскинулся на просторах Старогородской волости Белгородского уезда Курской губернии. За ним числилось 100 десятин пахотной земли. Среди крестьян он славился добропорядочностью, грамотностью и беспартийностью [5, л. 43].

Многие беды, что пережила губерния в годы Гражданской войны, обошли его стороной. И вот 6 июня 1925 года вблизи хутора появились три субъекта. Это были представители новой Советской власти Маканин Василий Васильевич и сельские исполнители Хлыстов и Мелентьев. Федор Федорович не стал с ними долго церемониться и обложил Маканина, который возглавлял группу уполномоченных товарищей, отборной бранью. Кроме того, уже вдогонку Кошкарев им прокричал: «Я читал в газетах, где сообщается о том, что ведет наступление на территорию Советской России белая банда под командованием Николая Николаевича, что они как дойдут сюда, так будут стрелять и вешать, как тебя собаку-Маканина так и других таких же, что эта банда прошла 40 верст по территории Советской России, что, мол, в Китае сейчас вешают коммунистов» [5, л. 43].

Маканин, Хлыстов и Мелентьев решили, что распространение контрреволюционных ложных слухов может вызвать панику среди местного крестьянства и создать недоверие к Советской власти. Суд над Кошкаревым был скорый. В том же, 1925 году, 15 декабря Курский губернский суд лишил его свободы на срок 6 месяцев. 25 июня 2002 Прокуратура Курской области посчитала возможным реабилитировать Федора Федоровича Кошкарева [5, л. 43].

В 1919 году, когда Добровольческая армии генерала Деникина вошла на территорию Курской губернии, Георгий Алексеевич Зубков работал землемером Курского Губземуправления, проживая в селе Двоелучное Тимского уезда. Землеустроительные работы, которые он производил, как в Двоелучном, так и в окрестных селах были очень востребованы местным населением [2, л. 17].

Когда белогвардейцы заняли Белгород, Зубков оставил работу и уехал в город, где 21 июня 1919 года, как бывший офицер царской армии, поступил в ряды Белой армии в качестве офицера 1-го Марковского полка. Служба его у белых была недолгой, и он вскоре вернулся в Двоелучное, где продолжил трудиться землемером.

В 1926 году следствие выяснило, что в том же, 1919 году, находясь на марше и проходя вблизи Двоелучного, где у него проживала родная сестра и зять священник, Зубков с подчиненными солдатами стал искать коммунистов и советских служащих. Разыскивал он коммуниста Якова Лашина, милиционера Никифора Пигорева и ряд других лиц. Но все разыскиваемые заблаговременно отступили вместе с Красной армией. В доме отца Пигорева Зубков произвел обыск, в ходе которого на сундуке был сломан замок и изъято разное имущество.

Однако на допросе Зубков рассказал, что служил в Белой армии не добровольно, а по мобилизации. У Пигорева во время обыска изъято только военное обмундирование. Также он показал, что Пигорев будучи милиционером, произвел у его родной сестры незаконный обыск, и, вообще, этот Пигорев был плохого поведения: постоянно производил обыски по селам, потом сильно пьянствовал и транжирил народные деньги налево и направо. Особые неприязненные отношения он испытывал к родне Зубкова. Отец Никифора славился как знатный самогонщик. На этом основании Зубков и решил отомстить Никифору Пигореву [2, л. 17].

Курский губернский суд в приговоре от 19 октября 1926 года приговорил Зубкова к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. Но, применяя к нему статью 28 УК РСФСР, суд приговорил его к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией [2, л. 33 – 34 об.]. Однако уже 26

октября в Курский губернский суд Курское Губземуправление ходатайствует об изменении меры пресечения в отношении Зубкова [2, л. 47].

Данное ходатайство было возбуждено «в связи с недостатком в распоряжении Губземуправления квалифицированных землеустроителей и ударных заданий по землеустройству, ограниченных Центральными Органами небольшими сроками» [2, л. 47]. Также в том ходатайстве указывалось, что до суда Зубков работал «по землеустройству Грайворонской дачи разверстания, в которую входят до 30-ти селений и в скорейшем закончании которых заинтересованы 28 000 населения» [2, л. 47].

Заведующий Губземуправлением Юрин и заведующий Губмеллиоземом Буров сетовали, что отсутствие на работе Зубкова уже привело к ненужным разговорам среди крестьян, когда его неоднократно отзывали для допросов и отбывания предварительного заключения в Курск. Дальнейшее пребывание Зубкова в заключении могло привести к задержке многих сельскохозяйственных мероприятий и открытому недовольству местного населения [2, л. 47].

Вскоре в Москву была направлена кассация по этому делу. В результате Кассационная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, под председательством Глузмана, дала определение на приговор Курского губернского суда от 19 октября 1926 года по делу Зубкова [2, л. 58]: «Принимая во внимание, что деяние осужденного относится к 1919 г., что в настоящее время содеянное Зубковым потеряло характер общественно-опасного вследствие изменения политической обстановки и что возвратившись в пределы СССР осужденный с 1922 года вел трудовую жизнь до момента предания его суду, что поэтому в силу ст. 8 УК редакции 1926 г. к нему не может быть применена мера социальной защиты. На основании 418 ст. УПК приговор отменить и дело в силу п. 5 ст. 4 УПК производством прекратить» [2, л. 58 об.]. 14 июня 2002 года Прокуратура Курской области реабилитировала Георгия Алексеевича Зубкова [2, л. 58 об.].

Таким образом, по мере укрепления Советская власть проявляла известную долю лояльности по отношению к своим бывшим противникам, которые иногда попадали в поле зрения карательных органов не по политическим убеждениям, а в силу сложившихся обстоятельств.

Источники и литература

1. Государственный архив курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-166 Курский губернский суд. Оп. 1. Д. 305.

2. ГАКО. Ф. Р – 166. Оп. 1. Д. 310.
3. ГАКО. Ф. Р – 166. Оп. 1. Д. 311.
4. ГАКО. Ф. Р – 166. Оп. 1. Д. 313.
5. ГАКО. Ф. Р – 166. Оп. 1. Д. 314.

В.Н. Замулин,

**МОГЛА ЛИ ГЕРМАНИЯ ВЫИГРАТЬ КУРСКУЮ БИТВУ,
ЕСЛИ БЫ ОНА НАЧАЛАСЬ В КОНЦЕ МАЯ НАЧАЛЕ
ИЮНЯ 1943 ГОДА?**

Вопрос отнюдь не риторический. Существует устойчивое мнение (особенно оно распространено в западной историографии), согласно которому неоднократный перенос даты начала наступления на Курск (май-июнь 1943 г.) существенно приблизил поражение германских войск летом 1943 г. Напомню, первый раз операцию «Цитадель» (*кодовое наименование наступления германских войск в районе Курского выступа в июле 1943 г. – В.3.*) отложили 20 апреля по вполне объективным причинам: 9А генерал-полковника В. Моделя не была готова к операции (она даже не успевала полностью сосредоточиться для удара). С этим, в принципе, были согласны все. А вот дальнейший перенос даты наступления на 12 июня, озвученный Гитлером сначала как предложение для обсуждения на совещании 4 мая и утвержденный им в приказе от 6 мая, вызвал среди генералитета вермахта бурные споры. Своё майское решение Гитлер обосновал тем, что ещё не готов главный козырь летней компании - танки «тигр» и «пантера». Однако отсрочка оказалась не последней. Ни в мае, ни в первой декаде июня промышленность Германии не выполнила план выпуска этой бронетехники, и Гитлер вновь перенёс наступление, сначала до 21 июня, затем до 3 июля и, наконец, 25 июня установил окончательную дату – 5 июля. Она и вошла в историю как момент начала одной из крупнейших битв Второй мировой войны.

Впервые эту точку зрения высказали германские военачальники сразу же после войны. Так, например, фельдмаршала Э. фон Клейста в 1951 г. утверждал, что *«с битвой под Курском немцы опоздали на четыре недели, таково было наше мнение перед началом боёв»*. [1, с. 94]Схожую оценку

высказывал и фельдмаршал Э. фон Манштейн, командующий группой армий (ГА) «Юг», которая в июле 1943 г. наносила удар с юга из района Белгорода по обороне Воронежского фронта. В своей книге воспоминаний, опубликованной в Германии в 1955 г., он писал, что «Цитадель» могла быть успешной, если бы она началась самое позднее в конце мая - начале июня 1943 г. Главный аргумент – до этого времени русские оперировали дивизиями и корпусами зимнего периода с низкой боеготовностью, а пауза в июне дала Москве возможность их полностью восстановить.

Среди исследователей наиболее развернуто эту позицию на примере 9-й армии генерал-полковника В. Моделя, которая наступала на Курск с севера через полосу Центрального фронта, обосновал американский исследователь С. Ньютон в книге «Курская битва. Немецкий взгляд». Однако, приводимые в ней цифры, в частности укомплектованности советских соединений и объединений, не всегда точны, поэтому его выводы вызывают большие сомнения. Попробуем разобраться в этом вопросе, используя недавно рассекреченные в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) боевые документы Красной армии того периода.

Составляющих успеха советских войск в битве на Огненной дуге было несколько, но главных факторов три. Во-первых, высокая степень готовности войск, оборонявших Курский выступ. Во-вторых, наличие многочисленных резервов у Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК). В-третьих, мощнейшая полевая оборона, выстроенная за апрель-июнь 1943 г. в этом районе. Однако, учитывая, что в западной историографии акцент, в основном, делается на первом факторе, рассмотрим процесс восстановления Центрального и Воронежского фронтов в апреле - мае, а так же их армий, которым предстояло в июле 1943 г. принять главный удар вермахта южнее Орла и севернее Белгорода.

Утверждение германских военачальников и их сторонников в среде западных историков о неготовности советских войск в районе Курска к боям в мае 1943 г., основывается на не знании деталей замысла Ставки ВГК на летнюю кампанию и размаха работа проведенной в период весенней оперативной паузы. 12 апреля 1943 г. в Кремле, в ходе совещания И.В.Сталина с заместителем Верховного главнокомандующего Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза А.М. Василевским и его заместителем генерал-полковником А.И. Антоновым был сделан вывод, что вермахт сразу же после завершения периода распутицы (примерно начало мая) предпримет наступление с целью ликвидации Курского выступа. Поэтому принимается предварительное решение о переходе к стратегической обороне. До конца

месяца планировалось войска Центрального и Воронежского фронтов, удерживающие Курскую дугу, в основном восстановить, а их Военным советам в тесном взаимодействии с Генеральным штабом должны были разработать планы оборонительной операции. 25 и 28 апреля командование обоих фронтов доложило: решение поставленных задач в основном завершается. Ставки ВГК утвердила общий замысел представленной ими Курской стратегической оборонительной операции (*под таким названием она вошла в историю – В.З.*) и отдала приказ: полностью подготовить войска к отражению удара неприятеля - к 10 мая, а также установила дату их возможного перехода в наступление – не позднее 1 июня 1943 г. [4, д. 138, л. без номера]

Именно благодаря выполнению дальновидных решений 12 апреля 1943 г., уже к концу первой декады мая советская сторона была в основном готова к ведению успешных оборонительных боёв под Курском с теми силами, которые в этот момент располагал вермахт в этом районе. А к началу июня численность Центрального и Воронежского фронтов достигнет показателей, которые они будут иметь в июле, перед Курской битвой. О том, что это было именно так, и задача Ставки действительно была решена своевременно, наглядно свидетельствуют следующие цифры.

Итак, на 30 марта 1943 г. Центральный фронт генерал-полковника К.К. Рокоссовского (*звание генерала армии ему будет присвоено 28 апреля 1943 г. – В.З.*), имел всего 304 464 человека, а к 5 мая его численность увеличилась до 365641 (на 61167), [5, д. 14, л. 23] что составило 78% от его численности к началу Курской битвы. При этом численность его 13А генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, которой предстояло принять главный удар армии Моделя, за этот же время возросла до 114 456 (на 42552), эта 86% от её состава на 5 июля. Увеличение главным образом произошло за счёт передачи ей трёх стрелковых дивизий, хотя и средняя численность её собственных дивизий тоже заметно выросла - на 18% (с 6378 до 7527). Для армии Пухова апрель стал периодом, когда она получила самое большое пополнение живой силы за всё время подготовки к летним боям. К 29 мая в её распоряжение поступило ещё 14701, тем самым её численность увеличилась до 129157 красноармейцев и командиров или 97% от наличия на 5 июля. А общий состав фронта на конец мая составлял 451179 человек [5, д. 138, л. без номера] или 97% от общей численности к началу операции «Цитадель».

Столь же высокими темпами шло восстановление боеспособности и войск Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина. На 5 апреля в нем числилось 208 391, а на 5 мая - 351459 (на 143068) [6, д. 425, л. 425] военнослужащих или 84% от плана на 5 июля. За это время было направлено:

в 6 гв. А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова (находившуюся на вероятном направлении главного удара) - 30 262 человека, и её численность достигла 72836 (росте средней численности стрелковой дивизии на 28%, с 5982 до 7666), и в 7 гв. А генерал-лейтенанта М.С. Шумилова (оборонявшую район, где враг возможно планировал нанести вспомогательный удар), 9407, в результате её численность составила 67231 человек (рост средней численности дивизии на 27%, с 5965 до 7600). К 30 мая общая численность фронта Ватутина выросла до 409 785 (98% к данным на 5 июля), а армий Чистякова и Шумилова на 5 июня до 79937 (около 100%) и 71332 (93%).

Схожее положение складывалось и по артиллерийским средствам. На 6 мая и Центральным фронтом, и 13 А было получено 80% орудий и ствольных миномётов (без реактивных систем) от того количества, которое у них будет на 5 июля 1943 г., а 29 мая весь фронт имел: 4544 полевых и противотанковых орудия (ПТО) и 7161 ствольный миномет или соответственно 85% и 89% к началу битвы, 13А располагала 1361 орудие и 1943 ствольными минометами, что соответствовало 87% и 89% к 5 июля, а 70А, которая оборонялась левее 13А и так же примет на себя мощный удар неприятеля соответственно - 796 (93%) и 1280 (98%).

Не так оперативно и равномерно шло пополнение войск Рокоссовского и Ватутина танками. На 3 мая Центральный фронт имел 674 танка (и 38 самоходных артустановок) [7, д. 16, л. 86 об.] или 40% от их наличия на 5 июля, а 13А - 137 танков [7, д. 16, л. 86] или 64% от числа к началу боёв. Положение же с бронетехникой на юге Курской дуги в это время было заметно лучше.

Дело в том, что подвижные соединения, действовавшие зимой и в начале весны 1943 г. на Воронежском и Юго-западном фронтах, понесли очень большие потери. В отдельных корпусах общее число танков не превышало численности полнокровного батальона. Из-за этого уже в конце марта, Ставка ВГК приняла решение: пополнить их в первую очередь. (*директивы Ставки: № 46090 от 30.03.1943 г. о пополнении 23, 2 тк и 1 гв. мк, № 46091 от 30.03.1943 г. о пополнении 2 гв. и 5 гв.тк, № 46093 от 31.03.1943 г. о пополние 3 гв. тк, № 46093 от 31.03.1943 г. о пополние 1 гв. Донского, 12,15 и 18 тк. – В.3.*) В течение апреля на эти цели направлялась основная часть техники, идущей с заводов. Поэтому восстановление бронетанковых войск Ватутина шло семимильными шагами. Так, только за две недели с 1 по 15 апреля они получили 219 новых боевых машин и 6432 человека для танковых корпусов и бригад. [8, с. 101-102]. В результате если 9 апреля фронт располагал 276 исправными танками, то на 21 апреля в строю находилось уже 540. Параллельно с поступлением новой техники активно

шёл ремонт аварийных боевых машин ремонтными средствами фронта. Кроме того, 28 апреля Ставка официально передала в подчинение Н.Ф. Ватутина 1-ю танковую армию (ТА) генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, прибывшую с Северо-Западного фронта в район Курска ещё в марте, а так же несколько отдельных танковых соединений и частей. К 5 мая армия Катукова уже практически полностью была укомплектована бронетехникой, она располагала 481 танком, и к 5 июля получит в качестве пополнения лишь 61 машину.[6, д. 426, л. без номера, разделы «Боевой состав 6 гв,7 гв.,40,38 А,1 ТА за 5 мая и 5 июля 1943 г.»]

Поэтому в начале мая Центральный фронт существенно уступал соседу: на 15 мая Воронежский фронт имел в строю 1380 танков или 76% от того количества, что он получит к началу Курской битвы, а Центральный, в два раза меньше. Но уже к концу этого месяца ситуация начала меняться и на 5 июня у К.К. Рокоссовского числилось всего 1216 танка (72% от числа на 5 июля), в том числе в 13 А – 171 (80%). [4, д. 16, л. 127-127 об.]

Напомню, что в теории военного искусства существует аксиома: для успеха наступательной операции на стратегическом уровне (т.е. фронт или группа армий) атакующая сторона должна располагать большими силами, чем имеют обороняющиеся, идеальное соотношение 3:2. [9, с. 80] Учитывая, что для решения задач «Цитадели» Гитлер придавал первостепенное значение именно бронетанковым войскам, приведу некоторые данные по их численности. Так, на 4 мая 1943 г. в ГА «Центр», в которую входила и 9А, по списку было всего 442 танков (Т-3, Т-4 и ни одного Т-6 «тигр»), из них в строю находились 71%, т.е. 314, а в ГА «Юг» - 1087 танков, из них исправными числилось 728 - 67%. [10, с. 6-7] Таким образом, уже в мае соотношение на севере Курской дуги по этому важному типу вооружения было 1,5:1 в пользу советской стороны, а на юге 1,3:1. Столь неблагоприятное положение для вермахта сохранится вплоть до начала Курской битвы. Поэтому нельзя не согласиться с командиром 7-й танковой дивизии ГА «Юг» генерал-майора Г. фон Функом, который изначально критиковал «Цитадель», называя её «идиотской» и утверждал, что вся *«будущая операция нарушает основные правила руководства войсками»*. [11, с. 133]

Не могу не остановиться на утверждении С.Ньютона о якобы принципиальной ошибке Моделя, которую он допустил по вине разведки при подсчёте соотношения сил бронетехники его армии и войск Рокоссовского в начале мая при докладе Гитлеру. *«В противоположность оценкам немецкой разведки, на советском Центральном фронте было развернуто только приблизительно 1000 танков и штурмовых орудий в конце апреля - начале*

мая, а не 1500, - пишет американский исследователь. – Это была принципиальная ошибка, которая во многом объясняет, почему Модель настаивал на отсрочке наступления. Когда 800 танкам противостоят 1500, командующий армией имеет законное право утверждать, что для наступления крайне необходимы дополнительные танки. Если бы Модель понял, что превосходство русских в бронетехнике было приблизительно 200 машин, у него было бы больше желание действовать. В период ожидания (май-июнь-З.В.) 9-я А увеличила численность своих танков на 25%, в то время как советские войска свои почти удвоили».[3, с. 475]

Во-первых, цифры и соотношение указанное С. Ньютоном неточны. Как свидетельствую приведенные выше данные, в начале мая В. Модель не располагал 800 танками. Их во всей ГА«Центр» было почти в половину меньше, в то время как фронт Рокоссовского превосходил немцев в танках более чем в 1,5 раза: 442 против 674.

Во-вторых, если опираться на воспоминания фельдмаршала Э. фон Манштейна и генерал-полковника Г. Гудериана, которые участвовали в известном совещании в Мюнхене 4 мая, где было зачитано письмо Моделя и решался вопрос о переносе начала операции с мая на июнь, требование о поставке танков, выдвинутые в нём командующим 9А, не являлись основными. Изначально В. Модель не располагал большими силами бронетехники, вся она находилась на юге, и поставлять её в больших объемах ему ни кто не обещал. Поэтому для прорыва советской обороны он ещё в начале апреля выбрал иной, чем Э. фон Манштейн «инструментарий» - пехоту, усиленную артиллерией, самоходками и саперами. Этот подход оставался неизменным вплоть до начала Курской битвы. Поэтому по мере усиления рубежей Центрального фронта, его, как и командующего 4 ТА генерал-полковника Г. Гота, (*эта армия действовала на направлении главного удара ГА «Юг» - В.З.*) в первую очередь беспокоил вопрос: «Будут ли способны войска первого эшелона прорвать главную и вторую полосу советских войск, чтобы танки вышли на оперативный простор?». Так как для развития успеха в глубину, после преодоления наиболее укрепленной части обороны, к маю минимумом бронетехники он уже располагал. А для надежного «проламывания» рубежей Центрального фронта он считал крайне необходимым дать передовым частям именно тяжёлые танки (хорошо бронированные, с мощным орудием), которые бы на первом этапе, прокладывая дорогу пехоте, уничтожали советские долговременные огневые точки и бронетехнику в случае контратак. 3 мая в его распоряжении ни одного такого танка не было. Хотя ещё в апреле командование сухопутных сил (ОКХ) обещало ему к концу месяца поставить «тигры». Поэтому В.

Модель требовал не просто увеличить численность бронетехники из-за того, что у русских её было в полтора раза больше, а настаивал именно на получении тяжёлых машин типа «тигр», «пантера» и противотанковых самоходных артиллерийских установок «фердинанд».

Кроме того, как свидетельствуют обнаруженные мной в Национальном архиве США трофейные источники, наряду с решением этой проблемы для командующего 9А первостепенное значение имело пополнение пехотных дивизий живой силой, т.к. они были серьёзно истощены. [12, f.7886042, 7886046] Ситуация с пополнением была настолько сложной и в то же время важной, что из-за её нерешённости 20 апреля 1943 г. ОКХ первый раз отложил дату начала наступления на Курск. [12, f.7886050] Поэтому к своему письму генерал-полковник приложил аэрофотосъёмку, что бы наглядно продемонстрировать масштаб инженерного укрепления переднего края советской стороной и, тем самым, подтолкнуть Гитлера или к отмене наступления, или к оперативному решению вопроса с тяжёлой бронетехникой и людьми.

Поэтому трудно согласится с утверждением, что зная истинное число танков в Центральном фронте, В. Модель уже в мае был бы готов участвовать в наступлении на Курск. Генерал - полковник являлся противником «Цитадели». Он один из не многих не только понимал её бесперспективность, но, и что очень важно, не боялся говорить открыто об этом Гитлеру, доходчиво аргументируя свою позицию.

Будет не верным утверждать, что ситуация с восстановлением боеспособности войск Центрального и Воронежского фронтов в первой половине мая 1943 г. шла без сучка и задоринки. Не следует воспринимать всю информацию из приведенных выше донесений их штабов буквально, т.е. если написано, что поступало во фронт, то это не значит передано непосредственно исполнителям - в части и подразделения. Определенное количество вооружения и техники, значившееся как полученное фронтами, ещё только находилась на его складах или подходила к их станциям разгрузки. Например, Н.Ф. Ватутин 11 мая докладывал в Ставку: *«Войска Воронежского фронта к выполнению задач по обороне готовы. Все стрелковые дивизии 38,40,6 гв и 7 гв. А, за очень небольшим исключением, имеют по восемь и более тысяч человек. 69А имеет дивизии численностью шесть-семь тысяч человек. Дивизии 35 гв. стрелкового корпуса (резерв командующего фронтом – В.З.) укомплектованы полностью по штату. Основные партии вооружения прибыли по железной дороге в самые последние дни. Поэтому основная часть вооружения будет выдана на руки войскам к исходу 14.5.43 г.*

В пути на железной дороге находятся ещё девять транспортов с вооружением, которые будут получены войсками в период 18-20.5.1943 г. После этого войска будут иметь: минометов, ружей ПТР, ППШ и полковую артиллерию – 100% положенного по штату, винтовок – 74%, пулеметов ручных – 57%, пулемётов «Максим» - 65%, 45-мм орудий – 71%, 76-мм пушек ДА (дивизионной артиллерии – В.З.) – 80% и 122-мм гаубиц – 70%.

... Дивизии 69А к 20.5.1943 г. будут также доведены до численности не менее 8000 каждая. Танковые части и соединения почти все пополнены до штата».[13, д. 75, л. 171]

И тем не менее, уже к середине мая все войска того же Воронежского фронта были приведены в высокую степень готовности, а его командование настолько было уверено в собственных силах (и не без основания), что даже обратилось в Ставку с предложением первыми перейти в наступление в районе Курского выступа. *«После первого предупреждения (8 мая о возможности начала вражеского наступления - З.В.), - пишет Маршал Советского Союза А.М. Василевский, - когда оно не подтвердилось, Военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного Главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанесения упреждающего удара. И.В.Сталин очень серьёзно заинтересовался этим предложением, и нам – Жукову, мне и Антонову – стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого».*[14, с. 24]

Трудно себе представить, чтобы руководство фронта, понимая, что его войска ещё не готовы к боям, проявляло такую инициативу, когда Ставка ВГК на этом не настаивала и даже наоборот, считала подобный шаг преждевременным.

Завершая рассмотрение вопроса боеготовности советских войск в начале июня 1943 г., считаю важным ещё раз подчеркнуть: приняв 12 апреля предварительное решение перейти к стратегической обороне и, определив вероятное направление главного удара противника, советское Верховное командование в течение месяца в основном восстановило войска, оборонявшие Курский выступ, и непосредственно их армии, действовавшие на главных направлениях. Как и было запланировано, к 10 мая численность группировок Рокоссовского и Ватутина по двум важнейшим показателям для ведения обороны - в живой силе и артсредствам превысила 80% от показателей на 5 июля (танков - 40% и 74 % соответственно). А к 5 июня общая численность личного состава Центрального и Воронежского фронтов преодолела планку 98%, поступление артиллерии приблизилось к 90%, а число танков колебалось от 72% до 76% от данных на 5 июля 1943 г.

Таким образом, оба стратегических объединения были практически полностью готовы к Курской битве. В то же время, например, группировка 9А в начале мая не получила того минимума, что было обещано перед «Цитаделью». Её пехотные дивизии и танковые соединения в этот момент сами ещё не были полностью восстановлены и не могли решить задачи летней компании. Советская же сторона уже в мае могла отразить удар имевшихся у неприятеля сил. Поэтому далеким от реалии того времени видятся утверждение Э. фон Манштейном о том, что к концу мая перед ГА «Центр» и «Юг» в районе Курска оборонялись советские войска якобы не полностью боеспособные. [2, с. 543]

На провал «Цитадели» заметно повлияло не только состояние наших войск под Курском, но и умело выстроенная глубокоэшелонированная оборона. И хотя на этот фактор, как решающий в неудаче вермахта, германские генералы и западные исследователи почти не указывают, тем не менее, считаю важным кратко остановиться и на её состоянии в этот период. Если подробно анализировать основные усилия и Н.Ф. Ватугин, и К.К. Рокоссовский в мае - июне, то они были направлены на совершенствование рубежей и обучение личного состава по их эффективному использованию. И на это имелись серьёзные объективные причины. Например, как свидетельствуют акты проверок, проведенные в первой половине мая комиссиями Генштаба, на главной армейской полосе войск Воронежского фронта почти все работы первой и второй очереди были выполнены. Что же касается второй и третьей полосы, то здесь были выявлены существенные, но не критичные недоработки в инженерном оборудовании позиций (слабое минирование в межполосье, не глубокие траншеи, плохая маскировка и т.д.), которые уже к началу июня в значительной мере были устранены. Так, до 5 мая 6 гв. А удалось выставить лишь 17% противотанковых мин (ПТМ) из 90 000 и 16% противопехотных мин (ППМ) из 64 000, которые были установлены к 5 июля. В 7 гв. А данные показатели даже на 16 мая то же были крайне низкими, хотя и выше чем у соседа: по ПТМ примерно 22,4% из 65000, по ППМ 16,9% из 84000. [15, д. 5, л. 21] А к 5 июня, положение резко изменилось: 6 гв. А выполнила план по ПТМ на 50%, по ППМ на 62,5%, 7 гв. А соответственно на 46,2% и на 35,7%.

Следует подчеркнуть, что незначительное количество мин выставленных в мае не свидетельствовало о том, что танкоопасные направления на рубежах Центрального и Воронежского фронтов были открыты для вражеской бронетехники. К 5 мая планы минирования местности перед главной армейской полосой и в её системе был реализован. Проблемы с минированием оставались в межполосье, а так же во второй и

третьей полосах. Причины этого крылись, во-первых, в распутице, очень осложнявшая работу и транспорта, и минеров, во-вторых, в отсутствии необходимого количества минно-взрывных средств. С конца апреля Москва с заявками опаздывала, и командование фронтом активно изыскивало внутренние резервы, главным образом, ставка делалась на трофейные средства - немецкие снаряды и мины. Однако, и здесь возникало не мало трудностей, в том числе и не редко в силу субъективных факторов. Из приказа начальника инженерных войск РККА генерал-лейтенант М. Воробьев № 49 от 18 июня 1943 г.: «23 мая в районе Воронежа взорвался временный склад противотанковых мин Воронежского фронта. На складе было сосредоточено 2 700 ПТМ, которые вывозили представители Воронежского фронта... Немецкие Т-35 транспортировались без взрывателя с не закрытыми отверстиями в крышках и помещенными внутрь капсулами - детонаторами. Взрыв произошел от неосторожного обращения с минами при разгрузке. Работавший состав не был проинструктирован, не знал минно-подрывного техники и мер предосторожности при обращении с ней. Командный состав не организовал работу и не руководил ей. Взрывом уничтожено 2700 мин, 2 автомашины, погибли 7 военнослужащих 15-20 гражданских лиц, находившихся в районе склада, так как место для склада было выбрано в непосредственной близости от шоссе с интенсивным движением». [16, д. 11, л. 37-38] И, тем не менее, к началу лета, готовность система обороны обоих фронтов находилась в пределах 70%.

Всё это в комплексе позволяет с уверенностью утверждать, что после 1 июня 1943 г. дальнейшее оттягивание начала «Цитадели» для Красной Армии не имело принципиального значения, как в прочем уже и в начале мая. Обе немецкие ударные группировки у основания Курской дуги были не в силах не только превзойти Центральный и Воронежский фронты по численности, что повторяю, согласно теории военного искусства является необходимым условием для успеха наступления, но даже приблизиться к численности их живой силы, бронетехники и артиллерии. А ведь в тылу, за войсками Рокоссовского и Ватутина уже в мае были развернуты крупные резервы Ставки ВГК, объединенные в Степной военный округ.

Поэтому ни при каких условиях Германия на победу под Курском уже не могла рассчитывать, ни в мае, ни в июне, а послевоенные утверждения немецких военачальников и их сторонников о возможности успеха «Цитадель», если бы удар был нанесен в начала лета, лишь хорошая мина при плохой игре. Доводы в пользу этой точки зрения, встречающиеся в западной исторической литературе, в том числе и те, что приводит в своих

мемуарах фельдмаршал Э. фон Манштейн, при детальном анализе на документальной основе не подтверждаются.

Источники и литература

1. Христофоров В., Макаров В., Хавкин Б. Фельдмаршал фон Клейст на Лубянке // 2010. № 6.
2. Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 2003.
3. Ньютон С. Курская битва немецкий взгляд. М., 2006.
4. ЦАМО РФ. Ф.16-А. Оп.321.
5. ЦАМО РФ. Ф.62. Оп.1720.
6. ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843.
7. ЦАМО РФ. Ф.62. Оп.321.
8. Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М., 2008.
9. Гланц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2006.
10. Доклады генерал - инспектора танковых войск Гудериана – Гитлеру с 3.5.1943 по 1.6.1944 г. (перевод с немецкого). Часть 1. М. Военно-историческое управление Генштаба ВС СССР, 1947.
11. Кросс Р. Операция «Цитадель». Смоленск, 2006.
12. NARA. T.312. R.317.
13. ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2777.
14. ЦАМО РФ. Ф.38 А. Оп.9022.
15. ЦАМО РФ. Ф.69 А. Оп.10751.

Н.Г. Кононов

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1944 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Хлебозаготовительная кампания 1944 г. в Курской области имела ряд своих особенностей. Она проводилась в условиях полного освобождения области от фашистских оккупантов, при значительном сокращении сельского трудоспособного населения, призванного в Красную Армию в ходе

мобилизаций 1943 – 1944 гг., и характеризовалась значительно возросшими по сравнению с 1943 г. масштабами уборочных работ и хлебозаготовок.

Все это требовало от местных партийных и советских органов максимальной организованности, их способности отмобилизовать наличные силы на уборку урожая и успешное проведение хлебозаготовительной кампании, основные задачи которой были определены в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР №901 от 19 июля 1944 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1944 году»[1, л. 1-10].

25 июля 1944 г. бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполком обсудили вышеуказанное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР и потребовали от райкомов партии и райисполкомов, колхозов, совхозов и МТС принять его к неуклонному исполнению[2, л. 23-29].

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1944 году» и Курского обкома партии и облисполкома по данному вопросу были опубликованы во всех районных газетах общим тиражом 80 тыс. экземпляров, широко обсуждались на сессиях райсоветов, партийных, комсомольских, общеколхозных собраниях, зачитаны во многих колхозных бригадах, в звеньях, среди трактористов и рабочих совхозов, что в определенной мере способствовало повышению их производственной активности.

А впереди всех ожидала серьезная работа. В 1944 г. уборочная площадь составляла 1475 тыс. га, почти в 2 раза больше по сравнению с 1943 г. Из - за отсутствия необходимого количества комбайнов и молотилок предстояло обмолотить цепами не менее 700 тыс. га[3, л. 7; 5]. Хлеб не только надо было обмолотить, но и своевременно вывезти его на заготовительные пункты. Передовые колхозы так и поступали. Например, в Корочанском районе на зернопункты ежедневно приходили красные обозы с хлебом. Днем и ночью шли красные обозы с хлебом из ряда колхозов Прохоровского района [32].

22 августа 1944 г. газета «Курская правда» опубликовала обращение колхозников и колхозниц Октябрьского района ко всем колхозникам и колхозницам, работникам МТС и совхозов, ко всем трудящимся Курской области с призывом вступать в предоктябрьское социалистическое соревнование за успешное завершение хозяйственного года. Инициаторы соревнования обязывались полностью закончить хлебосдачу по району к 1 октября, обмолотить весь урожай зерновых хлебов к 5 октября.

23 августа бюро Курского обкома ВКП(б) одобрило обращение колхозников и колхозниц Октябрьского района и предложило всем райкомам партии обсудить его во всех бригадах, звеньях, колхозах, МТС и совхозах и принять конкретные обязательства по участию в предоктябрьском

социалистическом соревновании. Для мобилизации крестьянских масс на успешное завершение хозяйственного года, бюро обкома рекомендовало учредить областную Книгу почета и областную Доску почета, а в газете «Курская правда» и в районных газетах завести доски почета лучших участников предоктябрьского социалистического соревнования [33].

С этого времени в районах и колхозах области начинается широкое обсуждение обращения колхозников Октябрьского района. В середине октября во всех районах области проведены массовые собрания колхозников с целью взаимопроверки взятых на себя социалистических обязательств. На собраниях присутствовали от 500 до 1000 человек. Всюду выступали с политическими докладами члены бюро обкома партии и облисполкома. На этих совещаниях участвовало около 50 тыс. колхозников [4, л. 15]. В целом же, по данным 30 районов, взяли на себя повышенные обязательства 2316 колхозов, 5505 бригад, 16532 звена, 32 совхоза, 72 МТС. Многие колхозники взяли на себя индивидуальные обязательства. В Рыльском районе индивидуальные обязательства взяли 8200 колхозников, в Ракитянском – 8181, Льговском – 4500 и т.д. [30, с. 433-434]. Начиная с 27 августа 1944 г., «Курская правда» на Доску почета заносить имена победителей предоктябрьского социалистического соревнования.

Ряд колхозов, взявших на себя обязательство выполнить хлебосдачу государству к годовщине освобождения области от фашистских оккупантов, успешно справились с поставленной задачей. Например, 15 колхозов Рыльского района уже к 1 сентября полностью выполнили план хлебозаготовок. День освобождения г. Рыльска и района – 30 августа 1943 г. – колхозы отметили массовыми крестьянскими обозами с хлебом. Колхозники дали слово полностью выполнить план хлебозаготовок к 10 сентября. [34]. Больше 10 колхозов Корочанского района ко 2 сентября, к годовщине освобождения области от фашистской оккупации, рапортовали о досрочном выполнении зернопоставок государству [31, с. 437 - 438].

Комсомольцы и молодежь также сыграли важную роль в борьбе за уборку урожая. Во время уборки урожая Курский обком ВЛКСМ поддержал инициативу комсомольцев колхоза «Красное знамя» Глушковского района об организации комсомольско-молодежных транспортных бригад по вывозке урожая с полей. Эта инициатива нашла живой отклик в колхозах других районов. В Боброводворском районе создано 83 комсомольско-молодежных транспортных бригады. До сотни таких же бригад работали в Советском, Чернянском и в др. районах области.

В середине сентября 1944 г. ОК ВЛКСМ подвел итоги соревнования транспортных бригад. Победителями соцсоревнования признаны молодежно

– транспортные бригады Черепненной из колхоза «Знамя» Рыльского района, Золотаревой из колхоза им. Ворошилова того же района, Ступенко и Батраченко из колхоза «Красное знамя» Глушковского района и др. Победители были награждены грамотами обкома ВЛКСМ. Грамотами обкома комсомола также награждены 21 возчик, наиболее отличившиеся в соревновании по вывозке хлеба на заготовительные пункты [35].

И все же, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны обкома и райкомов партии, облисполкома и райисполкомов, местных парторганизаций и колхозов, на взятые обязательства тысяч и тысяч колхозников, дела с хлебосдачей шли в области не так успешно, как бы хотелось.

Это особо беспокоило областную партийную организацию. Как отмечалось на бюро Курского обкома ВКП(б) от 15 августа 1944 г. по вопросу «О ходе уборки хлебов и выполнение плана хлебозаготовок по области», по состоянию на 10 августа по области было скошено 92% колосовых, а сдано хлеба государству всего лишь 100390 центнеров, или 3% к установленному плану хлебозаготовок. Бюро Курского обкома партии потребовало от райкомов ВКП(б) и райисполкомов, председателей колхозов и директоров совхозов план хлебосдачи выполнить к 1 октября 1944 г. [5, л. 236].

Насколько проблема сдачи хлеба государству беспокоило обком партии свидетельствуют ее обсуждения на бюро обкома ВКП(б). Так, 9, 28 августа 1944 г. бюро обкома обсудило отчеты секретарей Белгородского, Глушковского, Медвенского, Уразовского, Фатежского райкомов партии о ходе хлебозаготовок в их районах [6. л. 270-275; 146-149].

26 августа бюро обкома ВКП(б) и облисполком заслушивают телеграмму Председателя СНК СССР И. Сталина и секретаря ЦК ВКП(б) Г. Маленкова, в которой говорилось о недостатках в деле хлебозаготовок. Отмечалось, что на 25 августа план хлебозаготовок государству выполнен только на 20%. Бюро обкома партии и облисполком телеграмму Председателя СНК СССР И. Сталина и секретаря ЦК ВКП(б) Г. Маленкова приняли к неуклонному руководству и исполнению и обязали секретарей райкомов партии телеграмму обсудить на заседаниях бюро и наметить практические мероприятия по неуклонному выполнению хлебопоставок государству каждым колхозом и совхозом [7, л. 105 – 106].

30 августа 1944 г. на бюро обкома партии были заслушаны доклады секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов о ходе хлебозаготовок по Борисовскому, Верхнелюбавскому, Грайворонскому, Михайловскому, Свободинскому, Солнцевскому, Щигровскому и Черемисиновскому районам. Бюро обкома партии предупредило секретарей

райкомов и председателей райисполкомов о своей персональной ответственности за выполнение плана хлебозаготовок. Бюро обкома утвердило график ежедневной сдачи хлеба государству [8, л. 6-28].

Однако, несмотря на указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР, обкома партии и облисполкома, установленный график хлебосдачи, рассчитанный на выполнение государственных хлебопоставок к 1 сентября 1944 г., областью не был выполнен. Вследствие этого бюро Курского обкома партии вновь и вновь возвращается к рассмотрению этого вопроса. В частности, вопрос о сдаче хлеба государству обсуждался на заседаниях бюро обкома 8, 11, 15, 20, 21 сентября [9, л. 112-116, 119-122, 131-134].

В целях выполнения плана хлебозаготовок к 5 октября 1944 г. бюро обкома партии своим решением от 21 сентября объявляет с 25 сентября в области фронтовой декадник. Предлагалось в ходе декадника все наличные силы области бросить на выполнение государственного плана хлебозаготовок [10, л. 145 - 146].

Во время декадника многие колхозники трудились по – фронтовому, стремясь с честью выполнить свой долг перед родиной. Микояновский район еще 25 сентября, в числе первых в области, выполнил план хлебосдачи государству [11, л.11]. Более чем на 90% выполнили план хлебозаготовок колхозники Сажновского района [36].

Так работали многие колхозные партийные и комсомольские организации области. К 6 октября 1944 г. сотни колхозов рапортовали о выполнении плана хлебопоставок государству. На областную Доску Почета районами предоставлено 620 сельхозартелей. Число их росло с каждым днем. К этому времени завершали хлебосдачу Глушковский, Рыльский, Сажновский и др. районы. Ускорил темпы вывоза зерна и Суджанский район.

Однако многие районы не выполнили установленные для них плановые задания. Поэтому обком партии решил продлить фронтовой декадник до 10 октября [37].

Ряд же районов, таких как Корочанский, Обоянский и др., выполнив планы хлебозаготовок, начали сдавать хлеб в фонд Верховного Главнокомандования. Например, колхозы «Труд» и им. Ленина Корочанского района вывезли на пункты Заготзерно по 600 пудов. Артель «Красная нива» сдала 1050 пудов. По 450 пудов сдали колхозы им. Дзержинского и «Зеленый гай» [38].

10 октября 1944 г. бюро Курского обкома ВКП(б) одобрило предложения ряда райкомов партии и райисполкомов об организации дополнительной сдачи зерна в фонд Красной Армии колхозами, выполнившими свои обязательства перед государством, в размере 18 тыс.

тонн и утвердило представленные райкомами партии графики о ежедневной сдаче хлеба государству по 8 тыс. тонн [12, л. 32].

Но, несмотря на принимаемые меры, отдельные районы не вкладывались в график вывоза хлеба. На это еще раз обратил внимание Курского обкома партии ЦК ВКП(б). 20 октября 1944 г. бюро Курского обкома обсудило постановление ЦК ВКП(б) от 18 октября о хлебопоставках. Заслушав объяснения первых секретарей райкомов партии: Ивнянского (Севрюкова), Ленинского (Коробова), Стрелецкого (Анафьева) - о невыполнении ими пятидневных заданий по сдаче хлеба государству, бюро обкома партии указало им на проявленную безответственность, неспособность мобилизовать колхозные массы на выполнение установленных заданий по сдаче хлеба государству и потребовало от них срочно исправить сложившееся положение [13, л. 74-75].

28 октября 1944 г. бюро обкома партии заслушивает доклады секретарей Борисовского (Фоменко), Верхнелюбазжского (Шубина), Новооскольского (Шумилина) райкомов ВКП(б) о ходе хлебозаготовительной кампании и требует от них немедленной ликвидации отставания в хлебозаготовках [14, л. 88]. 30 октября 1944 г. бюро Курского обкома ВКП(б) на основе постановления СНК СССР № 1434 от 17.10.1944 г. утверждает план дополнительной сдачи колхозами зерна в фонд Красной Армии в количестве 24775 тыс. тонн [15, л. 86]. 20, 22, 24,25 ноября 1944 г. бюро обкома ВКП(б) заслушивает все райкомы ВКП(б) – Ленинский, Львовский, Медвенский, Черемисиновский и др., - не выполнивших плана хлебозаготовок, и еще раз требует от них приложить все усилия к выполнению установленных для районов плановых заданий по сдаче хлеба государству [16, л. 103-109; 1-64].

Хотелось бы отметить, что в ходе хлебозаготовок было выявлено немало случаев т.н. разбазаривания и хищения хлеба. В целом за период хлебозаготовок были привлечены к ответственности 95 председателей колхозов, а всего осуждены судами 479 человек за невыполнения плана хлебозаготовок [17, л. 216-217]. Но главную массу привлеченных к ответственности за хищения хлеба составляли рядовые колхозники. Таковых насчитывалось 1 300 человек. Колхозники всячески умудрялись уносить хлеб с полей, стригли колосья и т.п. У них было изъято 57 тонн хлеба [18. л. 88-89].

Итоги уборочной кампании подвел XV пленум Курского обкома партии (28-30.12.1944 г.). Из приведенных выше данных очевидно, что даже к концу 1944 г. область не выполнила государственный план хлебозаготовок. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 954-267с от 5

августа 1944 г. «О порядке проведения зернопоставок и плане хлебозаготовок из урожая 1944 г. по Курской области» утверждался годовой план сдачи зерна государству из урожая 1944 г. в количестве 24 144 000 пудов, или 385 824 тонны. 105 тыс. га земель, занятых под инженерно-оборонительными сооружениями и не разминированных, исключались из обязательных поставок зерна государству [19, л. 69-70].

9 августа 1944 г. бюро Курского обкома партии и облисполком обсудили постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 августа 1944 г. «О порядке проведения зернопоставок и плане хлебопоставок из урожая 1944 г. по Курской области» и утвердили годовой план сдачи зерна государству в количестве 25 579 947 пудов (409 279 тонн), т.е. выше, чем предписывалось в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б).

В соответствии с пунктом 3 Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 августа 1944 г. с колхозов области списывалась числящая за ними задолженность по сдаче зерна в хлебный фонд Красной Армии и натуроплата за работу МТС, подлежащая погашению из урожая 1944 г., и применялись льготные нормы обязательных поставок зерна государству из урожая 1944 г. колхозам 18 районов в размере 75% от нормы 1941 г. и колхозам 26 районов – в размере 90% от нормы 1941 г. [20, л. 221-224]. Как реально сложился план хлебосдачи государству и его выполнение по Курской области, мы можем судить по нижеприведенным данным.

ВЫПОЛНЕНИЕ ХЛЕБОПОСТАВОК ПО КОЛХОЗАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 25.12.1944 ГОДА. (В ТОННАХ)

[21, л. 200].

	План	Выполнение плана	В %%
Обязательные поставки	234 426	210 932	90,0
Натуроплата	66 232	63 662	96,1
Фонд РККА	59 169	37 565	63,5
Возвратная ссуда	5 503	5 244	95,3
Итого	365 330	317 403	86,9

По совхозам

Хлебосдача	16 855	18 154	107,7
Возвратная ссуда	428	458	107,0
Итого	17 283	18 12	107,7

По колхозникам и единоличникам

Колхозники	6 284	5 603	89,2
Единоличники	151,4	63	41,6
Всего	389 048,4	340 717	87,6

Таким образом, по состоянию на 25 декабря 1944 г. область сдала государству 21 294 187,5 пудов и тем самым не додала около 3 млн. пудов хлеба. Но хлеб в полях еще оставался и колхозники, хотя и медленными темпами, продолжали сдавать его государству.

Какова же нагрузка сдачи зерна государству приходилась на га посевной площади? Фактическая хлебосдача государству по колхозам области за 1944 г. составили с га 19 пудов (3 ц), в т.ч. обязательных поставок 12,2 пуда (ок. 2 ц) с га уборочной площади. Районы, в которых был получен неплохой урожай, сдали его значительно больше, при средней урожайности по области, по данным годовых отчетов, 5,2 центнера (32,5 пуда) с га [22, л. 126]. Из этого видно, что процент фактического изъятия зерна от валового сбора составлял около 58,5%, а от обязательных поставок государству – 37,5%.

На 15 февраля 1945 г. при наличии 4698 колхозов, 18 из которых были освобождены от сдачи зерна, сдали государству с га посева зерновых: от 1 до 2 центнеров – 1283 колхоза, от 2 до 4 – 2741, от 4 до 6 – 614, от 6 до 8 – 40, от 8 до 10 – 2 колхоза [23, л. 12-13].

Но и такая нагрузка по сдаче зерна государству была тяжела для многих колхозов, которые выполнив первую заповедь, не могли рассчитаться с колхозниками за их заработанные трудовые дни. Из 4883 колхозов в 1944 г. вовсе не распределили зерна 216 колхозов, картофеля – 3864, денег – 1751 колхоз.

Выдали на трудодень до 100 граммов зерна 676 колхозов, от 100 до 300 граммов – 1 980, от 301 до 500 граммов – 839, от 500 до 700 граммов – 376, от 700 до 1 000 граммов – 440, от 1 001 до 1 500 граммов – 237 и свыше 1 500 граммов - только 119 колхозов. Таким образом, 54% колхозов выдали до 300 граммов зерна на трудодень [24, л. 127; 16].

В декабрьские дни темпы сдачи колхозами хлеба резко замедлились, несмотря на указания ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1944 г. «немедленно покончить с вредным настроением свертывания хлебозаготовок и мобилизовать все силы и средства партийных, советских организаций,

колхозов и совхозов области на безусловное выполнение плана хлебозаготовок» [25, л. 204].

Однако все попытки бюро обкома партии изменить обстановку к лучшему не увенчались успехом, установленные графики вывоза хлеба не выполнялись. По состоянию на 15 декабря 1944 г. из 4 882 колхозов области выполнили свои обязательства на 100% 1 416 (29%), от 80 до 100% – 1 669 (34,3%), от 50 до 80% – 1 282 (26,2%) и до 50% – 515 колхозов (10,5%) [26, л. 211]. К тому же к 1945 г. в области оставалось не обмолочено 43 871 га, или 5% к посеву зерновых [27, л. 212].

Не выполнила область плановые задания и по урожайности зерновых. В 1944 г. их урожайность оказалась весьма низкой – от 4-6 центнеров с га [28, л. 129]. Такая низкая урожайность зерновых объяснялась тем, что просо, под посевами которой было занято 183 682 га, или 31% к общей посевной площади яровых зерновых, дало всего 2 центнера с га.

Итак, несмотря на трудности, с которыми столкнулась Курская область в 1944 г., колхозное крестьянство в основном справилось с поставленными перед ним задачами. Из 1 182 958 га озимых и яровых зерновых посевов, убранных на 1 октября 1944 г., вручную убрано 1 004 607 га, или 84,9% к убранной площади. На коровах вывезено зерна 167 109 тонн, или 57% к сдаче зерна колхозами [29, л. 16 - 17]. Сдано государству 21 294 187, 5 пудов хлеба, что почти в 3 раза больше по сравнению с 1943 г. Сахарной же свеклы было сдано в 10 раз больше.

Немало колхозов и звеньев добились высоких урожаев зерновых и сахарной свеклы. ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем решении об итогах 1944 сельскохозяйственного года дали высокую оценку работы колхозников Курской области [39].

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее - ГАОПИКО). Ф.1 Оп.1. Д. 3230; Курская правда, 1944. 22 июля.
2. ГАОПИ КО. Ф.1 Оп.1. Д. 3206.
3. ГАОПИ КО. Д. 3203; Д. 3409.
4. ГАОПИ КО. Д. 3222.
5. ГАОПИ КО. Д. 3204.
6. ГАОПИ КО. 3204; Д. 3205.
7. ГАОПИ КО. Д. 3208.
8. ГАОПИ КО. Д. 3209.

9. ГАОПИ КО. Д. 3209.
10. ГАОПИ КО. Д. 3209.
11. Там же. Д. 3322.
12. ГАОПИ КО. Д. 3213.
13. ГАОПИ КО. Д. 3213.
14. ГАОПИ КО. Д. 3213.
15. ГАОПИ КО. Д. 3213.
16. ГАОПИ КО. Д. 3213; Д. 3219.
17. ГАОПИ КО. Д. 3174.
18. ГАОПИ КО. Д. 3213.
19. ГАОПИ КО. Д. 3231.
20. ГАОПИ КО. Д. 3203.
21. ГАОПИ КО. Д. 3174. Примечание: итоговые цифры и %% пересчитаны.
22. ГАОПИ КО. Д. 3555.
23. ГАОПИ КО. Д. 3717.
24. ГАОПИ КО. Д. 3555; Д. 3717.
25. ГАОПИ КО. Д. 3174.
26. ГАОПИ КО. Д. 3174.
27. ГАОПИ КО. Д. 3174.
28. ГАОПИ КО. Д. 2897.
29. ГАОПИ КО. 3228. Т. 2.
30. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Сб. док. и материалов. Т. 2. Курск, 1962. 643 с.
31. Там же.
32. Курская правда. 1944. 9, 16 августа.
33. Курская правда. 1944. 22, 23 августа.
34. Курская правда. 1944. 1 сентября.
35. Курская правда. 1944. 30 августа, 1 сентября.
36. Курская правда. 1944. 28 сентября.
37. Курская правда. 1944. 6 октября.
38. Курская правда. 1944. 17 октября.
39. Курская правда. 1944. 1945. 6 апреля.

О.Н. Аргунов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1946–1950 ГОДЫ)

Восстановление разрушенного войной народного хозяйства пострадавших регионов было приоритетной задачей внутренней политики СССР во второй половине 1940-х гг. На осуществление данной цели направлялась большая часть всех имевших ресурсов страны. К наиболее пострадавшим территориям относилась и Курская область. Стоит отметить, что при разработке первого послевоенного пятилетнего плана восстановления народного хозяйства значительная роль уделялась интенсификации колхозно-совхозного сельскохозяйственного производства: «Восстановление и рост машинного парка, увеличение поставки минеральных удобрений, а также широкое развитие травосеяния, предусмотренные пятилетним планом, обеспечивают *значительное* повышение урожайности и увеличение *валового сбора* сельскохозяйственных продуктов, что является важнейшей задачей сельского хозяйства в предстоящем пятилетии.

Восстановление и дальнейшее быстрое развитие сельского хозяйства возможно только на основе *социалистического производства...*» [33, с. 462]. Именно на усилении механизации, химизации и улучшении агротехники было сконцентрировано основное внимание в Госплане.

Однако, получив директивы первой послевоенной пятилетки, а именно: «довести к концу пятилетки посевные площади до 2 874,0 тыс. га, с ростом против 1940 г. на 6,4 % и в сравнении с ожидаемой в 1945 г. на 60,9 %; увеличить наполовину тракторный парк в сравнении с 1940 г.; поголовье лошадей довести до 1/3 от довоенного числа; увеличить поголовье крупного рогатого скота на 1/3 в сравнении с 1940 г.» [2, л. 10], руководство Курской области, исходя из имевшихся возможностей, сделало ставку не на интенсивные методы развития сельского хозяйства, а на экстенсивные, что было обусловлено рядом объективных факторов: во-первых, значительное сокращение населения области за годы войны (на 1 января 1948 г. сельского населения по области было 2 126 023 человека или 79,2 % от сельского населения 1939 г. [3, л. 33-34]), следствием чего, был недостаток рабочих рук, прежде всего мужских; во-вторых, слабый уровень механизации основных сельскохозяйственных работ ввиду недостатка тракторов и уборочной техники (в конце 1945 г. в области имелось 5 100 тракторов [7, л. 48] и 727 комбайнов [11, л. 38]): к примеру, в 1945 г. из убранных 1 262,4

тыс. га зерновых культур, комбайнами удалось убрать 59,9 тыс. га или 4,7 %, уборочными машинами – 80,0 тыс. га или 6,4 %, а вручную и конными машинами – 1 122,5 тыс. га, или 88,9 % [1, л. 123]. Общий уровень механизации составлял 48 % [11, л. 63]; в-третьих, слабая заинтересованность колхозников результатах своего труда, так как трудодень был мало обеспечен продуктами питания: так, в 1945 г. на трудодни в среднем по области было выдано около 500-600 гр., а в ряде районов в разы меньше: в Свободинском 87 гр., Золотухинском – 106 гр. на трудодень [15, л. 85]. Поэтому многие колхозники не хотели выходить на работу в колхозы, а предпочитали трудиться на своих приусадебных участках; так, в 1945 г. на 15 октября 1946 г. по неуважительным причинам не выработали минимума трудодней 107 376 колхозников [10, л. 10].

Следствием этого было дальнейшее укрепление в колхозах звеньевой системы, которая «бесспорно явилась серьезным шагом повышения производительности труда в колхозах, но и она не изгнала обезлички, так как работа в звене проводилась скопом, где за хорошо работающим, скрывается нерадивый колхозник» [11, л. 48].

Стоит отметить тот факт, что в условиях недостатка техники, именно трудовые звенья помогают интенсифицировать производство, ускоряя процесс возделывания земли, ухода за посевами и уборки урожая. Также это дало возможность в широкой мере использовать основную тягловую силу того периода – коров колхозников: «Так на весеннем севе в 1945 г. из 876 тыс. га, было посеяно живым тяглом 464 тыс. га, из них 294 тыс. га на коровах; из 600 тыс. га озимых посеяно живым тяглом 442 тыс. га; из 1 262 тыс. га убрано хлеба вручную и конными машинами 1 120 тыс. га, из них обмолочено вручную цепями 527 тыс. га» [11, л. 63].

Однако бесснежная зима 1945-1946 гг. и сильнейшая за всю первую половину XX в. засуха 1946 г. показали, что, развиваясь в подобном русле, сельское хозяйство было неспособно обеспечить население необходимым минимумом продовольствия в условиях стихийных бедствий. При нормальных погодных условиях подобная система могла работать и давать определенные результаты, то в экстремальных ситуациях начинались серьезные сбои.

И хотя, одной из основных причин голода 1946-1947 гг. автор видит именно засуху [32, с. 67-68], не стоит забывать, что и человеческий фактор имел весомое значение. В первую очередь он сказывался в бесхозяйственном отношении к колхозному производству: многие колхозники не желали выходить на работу: в апреле 1946 г. в весенне-полевых работах не принимало участие 39 304 человека, или 8,3 % от числа трудоспособных [9,

л. 89]. Из-за этого весенний сев, начатый повсеместно 15 апреля, был закончен только 10 июля [13, л. 25], когда многие колхозы уже преступили к уборке урожая, ввиду раннего созревания ржи на 10–15 дней раньше положенного срока. Естественно, что эти поздние посевы практически не дали урожая. Кроме того не досеивались достаточно большие площади: план по яровым культурам не выполнен на 11,2 %, по картофелю на 46 %, в общей сложности не менее 121,5 тыс. га [4, л. 6, 99]. К тому же погибло 123 469 га посевов зерновых [4, л. 102]. Много времени техника, которая могла бы улучшить качество производительных работ, простаивала, большинство работ выполнялись исключительно либо вручную, либо на коровах колхозников [4, л. 96 об]. Лишь когда началась уборка, которая показала, что большинство полей давали урожай не более 2,7 ц с га [20, л. 14], люди поняли, что близится голод и стали выходить на работы, особенно это стало заметным, когда советским правительством было принято решение о выделении помощи в 4,04 млн. пудов зерна [12, л. 24]: если до 16 июля 1947 г., когда в Больше Троицкий район поступила Сталинская помощь, на работы выходило не более 6-7 тыс. человек в день, то после – не менее 10-11 тыс. [14, л. 28–29]. Это позволило быстро провести уборку и сев озимых, которых удалось посеять 728,7 тыс. га, или 104,1 % к плану [4, л. 6 об].

Общие итоги засухи были плачевны: валовая продукция зерновых культур по колхозам сократилась с 9 257 180 ц до 1 199 000 ц; по сахарной свекле с 488 400 ц до 147 400 ц; картофеля с 1 952 000 ц до 421 200 ц. Урожайность при этом была не велика: как указывалось выше, по зерновым культурам она составила 2,7 ц с га, по сахарной свекле – 20 ц с га, по картофелю – 26 ц с га [4, л. 6]. Было засыпано 563 991 ц семян зерновых, что составляло 55,2 % от потребностей на весенний сев [4, л. 97]. Это позволяет сделать вывод о том, что сельское хозяйство Курской области было объективно не способно справиться со стихией используя старые экстенсивные методы ведения работ.

Голод ударил по жителям деревни. Из-за острого недостатка продуктов (хлебная помощь смогла лишь частично покрыть потребности селян в продуктах питания, а в неурожайный год лишь 967 колхозов выдали зерно и картофель на трудодни [18, л. 28]), зимой 1946-1947 гг. наблюдалось резкое увеличение болезней среди населения и смертности [17, л. 101, 106]. Были зафиксированы случаи воровства продуктов. А в особенно пострадавших районах области, таких как Грайворонский, Краснояружский, Медвенский, Суджанский и др. даже были засвидетельствованы случаи каннибализма [18, л. 1, 2]. В общей сложности особо пострадали от голода свыше 550 тыс. человек [17, л. 106].

Это заставило руководство области идти на жесткие меры для обеспечения продовольственной безопасности населения. Во-первых, были серьезно ужесточены сроки весеннего и осеннего сева 1947 г. [19, л. 27] (из-за ранней весны – снег сошел уже к 31 марта [5, л. 110] – сев провели в максимально сжатые сроки, закончив его по зерновым до 1 июня, а сахарной свекле – 15 мая, а осенний сев провели с 1 августа по 10 октября [5, л. 111, 114]). Во-вторых, увеличился до 68 % [19, л. 3] уровень механизации основных сельскохозяйственных работ, за счет покупки новых тракторов и комбайнов, а также за счет ликвидации большей части простоев, однако по-прежнему 1 млн. га было убрано вручную [19, л. 10]. В-третьих, улучшалась агротехника производимых работ: большинство посевов проводились по зяблевой пахоте, значительно увеличивались посевы сортовыми семенами. Однако все еще практически не применялись минеральные удобрения.

Продолжали укрепляться сельскохозяйственные звенья; были ликвидированы многие их недостатки, закрепившиеся еще в годы их формирования; из стенограммы совещания секретарей райкомов ВКП(б) 2 июля 1947 г.: «В большинстве колхозов звенья организованы правильно – по 8-12 человек. Но при организации звеньев некоторые товарищи не учли изменившегося положения, что в колхозы прибыло много мужчин, которые сейчас находятся на задворках, в звенья их не включили, и та сила, которая должна организовывать полевые работы, находится на второстепенных работах» [21, л. 1].

Также для защиты от засух (за 50 лет в области засушливых лет было 38) решено было усилить посадку полезащитных насаждений, полезащитных лесных полос, что позволило оградить поля от суховеев, сохранить влажность в почве и предохранить ее от явлений эрозии [22, л. 32]. Это был серьезный шаг на пути ликвидации последствий стихийного бедствия, которое, по словам первого секретаря Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронина «отбросила наше сельское хозяйство на десятки лет назад, угрожая населению области голодом» [22, л. 21].

Все вышеуказанные мероприятия позволили достаточно быстро оправиться от последствий засухи и голода и заложить основу для дальнейшего развития сельского хозяйства в данном русле вплоть до конца пятилетки, постепенно наращивая производительный потенциал. Однако все ещё сельскохозяйственная отрасль довольно сильно зависела от погодных условий, ввиду превалирования экстенсивных методов ведения хозяйства.

В 1947 г. были хорошие климатические условия, поэтому и сельскохозяйственный год был в целом удачным: план освоения посевных площадей выполнен в объеме 1688,9 тыс. га, что составляет 69,9 % к 1940 г.

Посевная площадь зерновых культур составила 1 415,1 тыс. га, сахарной свеклы – 100 тыс. га, а картофеля только 12,6 тыс. га [6, л. 1, 1 об]. Средняя урожайность несколько увеличилась: до 8,9 ц с га по зерновым культурам, 115,0 ц с га по сахарной свекле и до 85 ц с га по картофелю [19, л. 7-7 об]. Под урожай 1948 г. было посеяно 811,2 тыс. га озимых культур [5, л. 114]. Удалось обеспечить не только собственные нужды (на трудодни в 1947 г. было выдано 14 412 тыс. пудов зерна, что в среднем на трудодень составляет 1 382 гр., а в среднем на 1 колхозный двор около 430 пудов [22, л. 50]), но и сдать государству 9 700 тыс. пудов хлеба [16, л. 25], тем самым практически полностью были возвращены многие долги прошлых лет.

Стоит отметить, что в трехлетие 1948-1949 гг. сельское хозяйство продолжило развиваться в том русле, которое было заложено некоторыми изменениями, произошедшими в отрасли. Однако по-прежнему сельскохозяйственная отрасль носила экстенсивный характер, хотя и добилась определенных успехов к концу пятилетки.

Несмотря на то, что 1949 и 1950 гг. были засушливыми [23, л. 31] четвертый пятилетний план был практически выполнен по основным показателям, а именно:

1. за период с 1946 по 1950 гг. посевная площадь по всем категориям хозяйств были увеличены на 830 тыс. га и составила 2619 тыс. га или 97,0 % к 1940 г. и 146,4 % к 1945 г.; из них под зерновыми культурами – 1 868 тыс. га (92,7 % к 1940 г. и несколько перевыполнив план [2, л. 322]), под сахарной свеклой – 132 тыс. га [3, л. 43], под картофелем (посевы колхозов и совхозов) – 32,8 тыс. га [8, л. 32]. Однако автором во время исследования не были найдены данные по урожайности культур за 1948 и 1950 гг., точно можно говорить лишь о том, что урожайность основных культур в 1949 г. составила по зерновым 10 ц с га, по сахарной свекле 92 ц с га [24, л. 17];

2. было существенно увеличено поголовье общественного скота, за исключением лошадей: так с 1 января 1947 по 1 января 1951 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 198,8 тыс. голов до 400,3 тыс. голов, почти в 2 раза увеличив показатели 1940 г.; по коровам увеличение за тот же период с 22,8 тыс. голов до 70,6 тыс. голов; по свиньям – с 37,8 до 265,9 тыс. голов; овцам и козам – с 109,2 до 372,0 тыс. голов; по лошадям – с 44,7 до 83,7 тыс. голов (в 1940 г. в области было 308,8 тыс. голов) [3, л. 22];

3. практически на половину увеличилось количество тракторов за исследуемый период: с 5 100 до 9 547. Уровень механизации вырос с 68,2 % до 89,2 % к концу пятилетки. До 39,1 % уборочных площадей к 1950 г. убиралось уже комбайнами, которых в МТС области было 1 620 [3, л. 24, 48];

4. план посадки полезащитных лесных полос в колхозах и лесонасаждений в лесхозах был выполнен на 103,4 %. Было посажено свыше 57 тыс. га, построено 500 прудов и 303 оросительных системы с площадью орошения 15 тыс. га [30, л. 83];

5. в 1950 г. была произведена реорганизация колхозов: 4 585 мелких объединили в 1 439 крупных для удобства использования поступающей в область техники [26, л. 2] и сокращению издержек производства в соответствии с принципом К. Маркса, что «благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки и т.п.» [34, с. 90].

Но не был решен ряд важнейших проблем, которые мешали дальнейшему успешному развитию сельского хозяйства. Во-первых, незаинтересованность колхозников в результатах своего труда, из-за малого продуктового содержания трудодня, отсюда и примерно одинаково высокий уровень невыполнения минимума трудодней колхозниками: в 1949 г. таковых было 5,7 % от общего количества [28, л. 2], в 1950 г. – 13,2 % [30, л. 90]. Во-вторых, постоянная нехватка семян для посевов (например, для сева 1950 г. было засыпано только 67 870 т семян, не хватает 39 600 т, которые государство выделило в виде ссуды), от чего постоянно росли долги области: так к началу 1950 г. задолженность по ссудам у колхозов области была 132,4 млн. рублей [27, л. 26], а по хлебопоставкам – 750 508 т [31, л. 128]. В-третьих, по-прежнему некоторые колхозники, даже спустя 7 лет после освобождения области от немцев, жили в землянках и на подселении, всего 10 969 семей [29, л. 1, 4], что свидетельствует о недостаточном внимании со стороны руководства области к проблемам колхозников. В-четвертых, некачественное и несвоевременное выполнение работ большинством МТС; большие простои техники, заставили обратить внимание на то, что МТС в новых условиях становятся нерентабельными и рассматриваются как тормоз в развитие хозяйства [25, л. 71].

Таким образом, несмотря на целый ряд нерешенных важных проблем в развитие сельского хозяйства Курской области, за время четвертого пятилетия наметились положительные сдвиги в отрасли, а именно, постепенное начавшаяся интенсификация сельскохозяйственного производства за счет увеличения процента механизации, посадок полезащитных полос, укрупнения колхозов, использования сортовых семян и применении более совершенных агротехнических приемов. В целом, несмотря на то, что ряд показателей пятилетнего плана были ниже намеченного уровня, главным достижением сельского хозяйства за период с

1946 по 1950 г. можно считать создание основы для дальнейшего развития данной отрасли региона.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 50.
2. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 72.
3. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 100.
4. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 112.
5. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 122.
6. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 132.
7. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 136.
8. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 348.
9. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1.
10. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 10.
11. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 64.
12. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 72.
13. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 266.
14. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 270.
15. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 273.
16. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 418.
17. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 422.
18. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 423.
19. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 581.
20. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 579.
21. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 589.
22. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 650.
23. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1137.
24. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1171.
25. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1189.
26. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1194.
27. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1262.
28. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1263.
29. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1383.
30. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1427.
31. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1430.

32. Аргунов О.Н. Проблема голода 1946-1947 гг. в Курской области // Белгородский диалог – 2014: материалы Международного молодежного научного форума молодых историков. Белгород, 27-29 марта 2014 г. Белгород, 2014. С. 67–68.
33. Вознесенский Н.А. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Вознесенский Н.А. Избранные произведения, 1931-1947. М., 1979. 606 с.
34. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. М., 1970. 1084 с.

А.Р. Мирзаханян

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1946-1950)

Послевоенные годы – очень тяжелый период для страны. Ведь необходимо было в короткие сроки восстановить промышленность, разрушенную за годы войны. «Вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу социалистическую родину в 1941 году нарушило мирную созидательную работу Советского Союза, прервало всеобщий подъем народного хозяйства и рост материального благосостояния народов СССР в числе других районов страны Курская область подверглась временной оккупации со стороны фашистской Германии» [1, л.1об].

За все время оккупации народному хозяйству Курской области был нанесен огромный ущерб, превышающий 26 млрд. рублей: «В промышленности были разрушены и выведены из строя около 400 государственных промышленных предприятий, в том числе сахарные, спиртоводочные, маслосыроваренные, плодоовощные и другие заводы и фабрики» [2, л.1об].

Вся валовая продукция пищевой промышленности составила в 1945 г. лишь 50% от уровня 1940 года. Эти цифры показывают, какие громадные и сложные задачи встали перед пищевой промышленностью по окончании Великой Отечественной войны в деле восстановления довоенных масштабов производства и развития многочисленных ее отраслей для все более полного удовлетворения потребностей советских людей.

Возвратившись к мирному созидательному труду, советская страна возобновила тот путь развития, который был намечен XVIII съездом ВКП (б)

– путь завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Основная хозяйственно-политическая задача, сформулированная в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг., заключалась в том, чтобы поднять хозяйство пострадавших районов страны, восстановить и превзойти довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства. В области производства пищевых продуктов Законом предписывалось: «обеспечить быстрое восстановление и развитие всех отраслей пищевой промышленности, восстановить довоенный ассортимент и улучшить качество продукции» [3, с. 33].

Следующие задачи было решено выполнить в области промышленности в четвертой сталинской пятилетке:

- полное восстановление производственных мощностей промышленных предприятий до довоенного уровня, вооружения их новейшей современной техникой и дальнейшее развитие всех отраслей промышленности;

- создание в районах области мощной промышленной базы строительных материалов, местного топлива и массового выпуска товаров широкого потребления для удовлетворения потребностей населения;

- всемерное расширение ассортимента вырабатываемых изделий и значительное улучшение качества продукции;

- снижение себестоимости вырабатываемых изделий на базе социалистических методов труда, внедрения новейшей техники и механизации производства, а также достижение систематического роста накоплений на каждом промышленном предприятии области [4, л.3].

Об огромном размахе развития пищевой промышленности, намеченном на пятилетие (1946-1950 гг.), свидетельствует то, что по всем важнейшим видам продукции были установлены объемы производства, значительно превышающие уровень довоенного 1940 года. Из доклада председателя Облплана тов. Галкина А.Т.: «Основная хозяйственно-политическая задача пятилетнего плана состоит в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах» [5, л.40].

За годы пятилетки полностью восстанавливается имеющая большой удельный вес сахарная и спиртовая отрасли промышленности: «По сахарной промышленности полностью восстанавливается 18 сахарных заводов и достраивается Советский сахзавод, начатый строительством в довоенный период. 10 сахарных заводов уже частично восстановлены и в прошлом году дали стране свыше 1 миллиона 600 тысяч пудов сахарного песка» [6, л.5].

По местной и республиканской промышленности значительно возрос выпуск хлебобулочных и кондитерских изделий, животного и растительного масла, макаронных изделий, пива, безалкогольных напитков. Началась выработка джема, повидла, сухих овощей и фруктов, кулинарных изделий, солено-квашеных продуктов.

Выпуск валовой продукции в ценах 1926/27 гг. составит в 1950 году 85 млн. рублей с ростом против 1940 г. на 12% и в сравнении с 1945 годом в 5,1 раза. В 1950 году будет вырабатываться: хлебобулочных изделий 80 тыс. тонн, пиво-браги 50 тыс. гил., масла растительного 27,2 тыс. тонн [7, л.49]. Такой рост производства требует больших капиталовложений, и по пищевой промышленности они составят 22,1 млн. рублей.

Были восстановлены Старооскольский маслозавод мощностью 30 тыс. тонн в год с объемом капиталовложений 2,7 млн. рублей, кондитерская фабрика в г. Курске мощностью 22 тонны кондитерских изделий в сутки с объемом капиталовложений 4 млн. рублей, плодовый комбинат в г. Белгороде производительностью 50 тонн продукции в сутки с объемом капиталовложений 6 млн. рублей и многие другие.

Основные задачи, которые ставились перед Курской областью, были выполнены: «За годы послевоенной Сталинской пятилетки хозяйство области значительно возросло и укрепилось. Созданы руками тружеников Курской области новые отрасли промышленности, сельского хозяйства, развилась культура. В народное хозяйство области за пятилетку вложено капиталовложений в сметных ценах 1945 года в сумме 1 миллиарда 657 миллионов 663 тыс. рублей, в том числе лимитных 1 миллиард 273 миллиона 238 тыс. рублей» [8, л.7].

За период с 1946 по 1950 гг. восстановлены сотни промышленных предприятий государственной и кооперативной промышленности, в том числе 14 сахарных заводов, 12 спиртозаводов, 7 пенькозаводов, 51 предприятие областного подчинения, 75 райпищекомбинатов, 67 маслозаводов, 174 артели и другие, причем это было не только восстановление предприятий в прежних их объемах, но и расширение и полная реконструкция предприятий на новой технической основе. Население Курской области совершило настоящий подвиг, выполнив, казалось, невозможные задачи по восстановлению пищевой промышленности.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 101.

2. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 101.
3. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. М., 1946.
4. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 101.
5. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 99.
6. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 101.
7. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 99.
8. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 100.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Е.В. Холодова

МОКВА ДО НЕЛИДОВЫХ

Данная публикация впервые даёт редкий материал истории и графической авторской реконструкции места в с. Моква-Сныхино последней четверти XVIII в. ещё до создания дворцово-паркового комплекса Нелидовых.

Моква – в прошлом село Моква, Сныхино тож, Курского уезда (ныне деревня 1-я Моква Курского района Курской области) расположено в долине реки Моквы, в пяти километрах от юго-западной окраины города Курска. Данное место является пригородной зоной отдыха, включающей в себя ряд санаториев, домов отдыха, детских оздоровительных лагерей. Это великолепный природный ландшафт: парк-дубрава, хвойный и лиственный лес, река Сейм с песчаными пляжами, пруды и дворцово-парковый комплекс XIX века - усадьба Нелидовых (ныне санаторий «Моква»).

У Моквы Нелидовых была своя предыстория, уходящая в древность, о которой рассказывают документальные источники. Название поселения происходит от одноименной речки – правого притока реки Сейм, которая со временем обмелела и стала именоваться ручьём. В документальных источниках и литературе прошлого встречается различное написание: через "а" - Маква и через "о" - Моква. В течение XX в. всё же укоренилось последнее название. Слово это угро-финского происхождения, и его первоначальное значение объяснить теперь сложно. Известно, что окончание "ва" по угро-фински означает "вода", "река", а "мак" или "мок", возможно, является характеристикой реки или местности, где она протекает. [1, с. 74-75]

В описании курских окрестностей 1785 г. о речке Мокве есть короткое упоминание: «... вершина ее... в селе Касинове, которая выходит из Колодезя, впадает в той же округе в реку Сем (Сейм – современное название – Е.Х.), в течении простирается на 16 верст...» [2, с.42].

К первым поселениям на реке Мокве относятся памятники археологии эпохи поздней бронзы (кон. 2 тыс. до н.э.), которые были обнаружены и обследованы в 1982 г. Центрально-чернозёмным отрядом Института археологии АН СССР под руководством А.В. Кашкина. Археологической

экспедицией обнаружены три поселения в полукилометре к югу от деревни 2-я Моква (см. далее – быв. д. Кукуевка), на песчаной террасе правого берега реки Моквы. Поселения располагаются в непосредственной близости друг от друга и имеют неправильную овальную форму с средними размерами: 10 x 37 м – Поселение-1; 38-40 x 78 м – Поселение-2, 15 x 35 м – Поселение-3. Подъёмный материал представлен лепной керамикой эпохи поздней бронзы, а так же гончарной керамики XVIII-XIX вв. [3, с.113], [4,5,6].

Плодородная долина реки Сейм (Сем) у места впадения в неё реки Моквы, образующая множество живописных стариц и озёр издревле была привлекательна для жизни человека. В версте к западу от древних поселений на Мокве, вблизи д. Духовец обнаружены поселения V-II тыс. до н.э. и X в., [7, с.12], которые на планах сер. XIX в. обозначены топонимами «Урочище Селище», «Колодезь на Селище»[8,9].

Первые упоминания о Мокве встречаются в документах XVII в. В 1617 году.: «...дворяне и дети боярские Курчане с ратными людьми, составили отряд и пошли на промысел над Литовскими людьми, появившимися в Курском уезде и даже в окрестностях города Курска, где настигли их на речке Мокве, впадающей в Сем с правой стороны. Здесь в бою Курчане разбили и прогнали Литовцев, захватили полон и с добычей вернулись в Курск...» [10, с.212]. В 1623 г. курский воевода в своём донесении сообщал о «сторожке» - отряде, стоявшем на «...Семи усть реки Моквы на Жернавском перевозе...» [10, с.181], то есть на реке Сейм при впадении в него реки Моквы.

Уже в первой половине XVII в. на реке Мокве существовало поселение. Так, в 1648 г. на следствии о восстании городской бедноты в Курске свидетели показали, что один из обвиняемых «Стенька по прозвищу Козя жил в деревне на Макве» [11, с.120].

В документах второй половины XVIII в. Моква встречается уже с названием «деревня Сныхина» или «деревня Маква-Сныхино тож». Тогда в Мокве росли великолепные дубравы, кленовые леса, по берегам рек - заросли ив, водилось «зверья всякого», дичи и, конечно, среди птиц - соколы, потому как в конце XVIII в. Моква получает красивое название – «Соколя Дубрава» [12, с.2]. Это название, сегодня забыто и встречается лишь на редких топографических картах, как «Маква Соколя».

В документах последней четверти XVIII в. сказано, что в деревне Сныхино кроме участков крепостных были участки государственных крестьян (одnodворцев) - потомков служилых людей XVII в., которые имели многие помещичьи привилегии. [13]

О нравах и обычаях крестьян Курского уезда конца XVIII в. находим сведения в «Описание Курского наместничества...» И. Башилова (1785 г.): «...Платье ж носят не переменяя никогда, древнего и крестьянского покрою, обувь имеют кожаные сапоги и коты, а по большей части носят лапти. Бород не бреют, кроме отставных из однодворцев служивших людей. Однодворцы и крестьянские избы в построении имеют черные, а белые светлицы у самых богатых ...» [14, с. 49].

Одним из крупных землевладельцев на Мокве был Иван Петрович Анненков (ок. 1711-1784). Его поместья располагались во многих уездах Курского и Орловского наместничеств. В своём дневнике в 1756 г. он отмечает: «Декабря 21 дня учинена сделка в Курске с Макаром Иевлевым сыном Твороговым да с Зотом Ермоловым сыном Переверзевым о недвижимом имении в Курском уезде в Подгородном стану в деревне Сныхиной на речке Мокве 4 чети с третником...» [15, с.724].

В дальнейшем он расширяет своё владение на Мокве. В том же документе находим запись от 29 января 1759 г. о сделке с Афанасьевым «о земле на Мокве» [15, с.748]. За 1763 г. другая запись: «Октября 4 дня учинена сделка с курским купцом Гаврилой Григорьевым сыном Котельниковым по поверенному письму Алексея Васильева сына Хитрова на Моковскую и Цветовскую землю 14 чети...» [15, с.798].

Таким образом, к 1780-м гг. И.П. Анненков владел значительной территорией на правом берегу реки Моквы, отмеченной и на картографических документах этого времени. Позднее земля в Мокве перешла его сыну Николаю Ивановичу Анненкову. На 1784 г. в Мокве числилось три владельца из семьи Анненковых [15].

В «Полевой записке села Моквы...» в 1780-х гг. в д. Сныхиной Мокве указаны участки нескольких владельцев, имевших крестьян: Протопопов, Богданов, Ефросинья Михайловна Спешнева, статский советник Семён Михайлович Анненков, капитан артиллерии Пётр Дмитриевич Амосов. Владели землями без поселения крестьян: вдова, капитанша Ал. Ф. Белевцова, Иван Иванович Виденьев, А.А. Уколова, М.А. Селиков [13].

Существовали в Мокве тогда и усадьбы владельцев, архитектура которых не дошла до нашего времени, и тем ценнее даже краткое их описание: «...У майорши Ефросинии Михайловны Спешневой – дом деревянный на каменных погребках, при нем небольшой регулярный сад и ее же против селения пруд и мельница о трех поставах... У помещика Петра Дмитриевича Амосова также дом деревянный и на реке Макве мучная мельница о трех поставах. При доме регулярный сад с плодовыми деревьями...» [13].

В «Описании Курского наместничества...» на 1784 г. следующее данные: «Сныхина деревня. Селением лежит на речке Мокве по течению одной по правую сторону, которая начинается верховьем от села Касинова и протяжение имеет на восемнадцать вёрст, а впадает в реку Сем. Ниже одной деревни в трёх верстах и между двух больших дорог из Курска в Севск и Белгород, от первой в правой стороне в трёх, а от последней в левой стороне в двух верстах. В одной деревне майора Анненкова и подпоручика Богданова два деревянных дома из коих в последнем жительства никто не имеет, да оных же помещиков две мельницы. Правая о двух мучных поставках и сукновальная толчея о четырех ступах. Вторая ниже первой в полуверсте о двух мучных поставках. Лес состоит от селения в полуверсте на ровном, а от части на буеракистом местах и принадлежит той деревни помещикам и однодворцам. Поручика Николая Иванова сына Анненкова 1 дом 1 душа, вдовы дворянки Натальи Ивановой дочери Рындиной 1 дом 9 душ, подпоручика Андрея Зиновьева сына Богданова 3 дома 7 душ, коллежского асессора Алексея Сидорова сына Денисьева 6 домов 21 души, регистратора Петра Агеева сына Волобуева жены его Феодосии Алексеевой дочери 1 дом 11 душ. Однодворческих 14 домов 38 душ. Итого 22 дома 91 душ. Дровяного лесу 100 дес., ржи 50 дес. 100 четв., пшеницы, 20 дес. 40 четв., овса 50 дес. 100 четв., гречи 20 дес. 40 четв., гороху 20 дес. 20 четв., семя конопляного 5 дес. 20 четв., семя альеного 1 дес. 2 четв.» [16, с.140-141].

Информацию о землевладельцах на реке Мокве так же дополняют межевые планы последней четверти XVIII в. «...писцовой церковной земли Димитрия Солунского». Церковная земля на левом берегу реки Моквы в 63 дес. 1942 кв. саж. включала значительную акваторию речной запруды, леса и пашни. Здесь же на плане отмечены и соответствующие топонимы – «Попов верх», «Лог Поповский» [17,18,19].

В северной части плана бывшей церковной земли 1782 г. показана усадьба Кондратьевых – «...часть д. Сныхиной в которой хутор города Курска главного народного училища учителя Кондратьева за женою его Феодосьею Александровой дочерью мужеска пола четыре женска три» [18].

К вопросу о церковной территории. Своего храма на этот период в д. Сныхиной не было. Всего же в это время в Курском уезде было четыре Димитриевских храма: в сёлах Жердево, Зорино-Муравьёво, Старосельцево, Рышково. Ближайшая церковь Димитрия Солунского располагалась в с. Рышково в 7 верстах к югу от г. Курска и ориентировочно в 10 верстах к юго-востоку от д. Сныхиной. [16, с.48, 57, 82об., 89]. Вполне вероятно, что на Мокве указана земля причта ближайшего храма с. Рышково [16, с.82 об.].

Соседями церковного владения в пойме реки Моквы были: значительная территория правого берега на протяжении двух прудов с севера на юг принадлежала надворному советнику Ивану Петровичу Анненкову (после 1784 г. - его сыну Николаю); с востока примыкала земля однодворцев сл. Казацкой г. Курска; с юга земля сельца Моквы была во владении секретаря Степана Андреевича Протопопова и подпоручика Андрея Зиновьевича Богданова.

Из описаний к планам прослеживается дальнейшая судьба бывшей земли церкви Димитрия Солунского, которая в 1782 г. перешла в казённую палату Курского наместничества. На май 1788 - декабрь 1798 г. её северная часть (площадью 32 дес. 700 кв. саж.) была в ведении курского генерал-губернатора Александра Андреевича Беклешова (1743-1808) (отсюда топоним - «Беклешовка», а в дальнейшем у селян разговорное - «Баклышовка»), остальная – южная часть 31 дес. 1242 кв. саж. оставалась в казне; 29 декабря 1798 г. бывшая церковная земля по купчей перешла коллежской асессорше Ефросинье Михайловне Спешневой от которой 4 февраля 1813 г. по купчей перешла к тайной советнице Софье Фёдоровне Нелидовой (1778-1828) и от неё по наследству земля отошла её сыну Аркадию Аркадьевичу Нелидову. В 1851 г. рассматриваемая бывшая церковная земля Димитрия Солунского была северо-восточной частью имения А.А. Нелидова (36 дес. 1998 кв. саж.) совместно с Курским женским Троицким монастырём (отсюда и топоним этой местности - «Урочище Монастырское») (26 дес. 1064 кв.саж.) [17].

Вышеизложенные документы позволяют реконструировать землевладения на Мокве последней четверти XVIII в. и сделать следующие выводы.

Итак, на запрудах реки Моквы хорошо читаются следующие территории: на правом берегу деревня Сныхино – поселение однодворцев (на 1784 г. – 14 дворов 38 душ) [16,с.140-141] и крепостных крестьян нескольких владельцев (на 1874 г. – 12 дворов, 49 душ) и Соколя Дубрава – землевладение Ивана Петровича Анненкова; на левом берегу – часть д. Сныхиной бывшая земля церкви Димитрия Солунского (позднее к нач. XIX в. землевладение Кондратьевых, А.А. Беклешова, Е.М. Спешневой, Нелидовых и Курского Свято-Троицкого женского монастыря) и сельцо Моква – землевладение С.А. Протопопова и А.З. Богданова (размежеванное между ними в 1782 г.) [13].

На исследуемой территории располагались пять усадебных комплексов местных землевладельцев. Анализ документов позволяет предположить их территориальное размещение следующим образом. Усадьба Анненковых

предположительно располагалась на правом берегу Моквы – в Сокольей Дубраве. Остальные усадьбы были размещены на левом берегу Моквы. Хутор Кондратьевых, хорошо виден на плане бывшей земли церкви Димитрия Солунского, в северной её части и, вероятно, вблизи его была усадьба Е.М. Спешневой. Усадьбы П.Д. Амосова и А.З. Богданова размещались южнее – в сельце Мокве.

Источники и литература

1. Яценко А. И. Топонимика Курской области. Курск, 1958. С.74-75.
2. Курский областной краеведческий музей. Башилов И. Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочиненное в 1785 году курским губернским землемером поручиком Иваном Башиловым. (рукопись).
3. Археологическая карта России: Курская область / Под ред. Ю.А. Краснова. М., 1998.
4. Паспорт на памятник археологии: Поселение-1 кон. 2 тыс. до н.э. (д. Моква 2-я, Курский р-н, Курская обл.) / Сост. младший научный сотрудник ИА АН СССР А.В. Кашкин. М., 1983.
5. Паспорт на памятник археологии: Поселение-2 кон. 2 тыс. до н.э. (д. Моква 2-я, Курский р-н, Курская обл.) / Сост. младший научный сотрудник ИА АН СССР А.В. Кашкин. М., 1983.
6. Паспорт на памятник археологии: Поселение-3 кон. 2 тыс. до н.э., XVIII-XIX вв. (д. Моква 2-я, Курский р-н, Курская обл.) / Сост. младший научный сотрудник ИА АН СССР А.В. Кашкин. М., 1983.
7. Паспорт на памятник истории и архитектуры: Усадьба Нелидовых: Парк (д. Моква 1-я, Курский р-н, Курская обл.) / Сост. инженер О.А. Дробнич. М., 1991 г.
8. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф.621.Оп.2. Д.3345. План д. Сныхиной. 1860 г.
9. ГАКО. Ф.621.Оп.2.Д.3346. Выкопировка с плана д. Сныхиной. б/д.
10. Танков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. М., 1913.
11. Базилевич К.В. Городские восстания в Московском государстве в XVIII веке. М.-Л., 1936.
12. ГАКО.Ф.Р-330.Оп.1.Д.9. Самсонов В.И. Материалы к истории села Моквы и одноименного санатория.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф.1317.Оп.1.Д.83. Курской губернии полевая записка села Моквы.
14. КОКМ. Башилов И. Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам,

сочиненное в 1785 году курским губернским землемером поручиком Иваном Башиловым (рукопись).

15. Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории XVIII века. М., 1957. Т. 5.

16. КОКМ. н/а.№ 264. (рукопись). РГВИА. Ф.ВУА.Д.18800.Т.1.Ч.1. Зубов А.Н. «Топографическое описание Курского наместничества по минувшей 3-й и нынешней 4-й ревизии, сочинено тщанием сея правителем господином Зубовым в 1784 г.».

17. Российский государственный исторический архив. Ф.835.Оп.2.Д.275. План части д. Сныхиной-Моквы. 1851 г.

18. ГАКО. Ф.621.Оп.2.Д.3343. План части д. Сныхиной-Моквы. 1782 г.

19. ГАКО. Ф.621.Оп.2.Д.3344. План части д. Сныхиной-Моквы. 1821 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО САДОВО-ПАРКОВОГО ХОЗЯЙСТВА В УЕЗДНЫХ ЦЕНТРАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

При изучении различных аспектов истории Курского края XIX века, как правило, акцент делается на губернском центре, где в силу вполне объективных причин общие направления развития обозначались более рельефно, а все выявленные процессы и явления протекали более интенсивно. Безусловно, характерен и во многом оправдан такой подход и в отношении исследования городского садово-паркового хозяйства обозначенного периода.

В то же время история уездных городских садов и скверов, как неотъемлемая часть садово-парковой культуры губернии является не менее перспективным направлением дальнейших изысканий. Конечно же, здесь мы не имеем дело с экстраординарными явлениями. Во многом, в деятельности уездных общественных садов при некоторой специфике в целом все же сохранялись ориентиры, задававшиеся губернским центром.

Приступая к анализу пока немногочисленных и далеко еще не полных сведений по истории садово-парковой культуры уездных городов Курской губернии, подчеркнем, что прежде всего, необходимо выяснить по возможности точные даты возникновения городских общественных садов и их архитектурно-композиционную составляющую.

Появление общественных садов и скверов в уездных городах приходится на начало 70-х годов XIX столетия. Констатируя практически нулевой уровень изученности материала, отметим, что более-менее точная датировка возникновения садов и скверов в уездных центрах Курской губернии затруднена не только невысоким уровнем сохранности источников, но и сужением их круга. Дело в том, что здесь выпадает его значительный сегмент – периодические издания, в частности газеты, на страницах же губернских изданий информация об уездных садах и скверах появлялась эпизодически и по большей части в виде официальной информации о результатах деятельности уездных городских дум, сметах приходов и расходов городов.

Таким образом, установить точный год возникновения того или иного сада на данный момент достаточно проблематично. Даже выше обозначенные документы: приговоры уездных дум 70-х – начала 80-х годов, санкционировавших создание садов и скверов, сохранились далеко не в

полном объеме, сметы же не всегда отражают истинную картину, так как в них вносились только расходы на объекты, принадлежащие городу. А ведь не будем забывать, что в то время увеселительные публичные сады изначально могли принадлежать и земству.

Кроме того, роль общественного со всеми присущими ему атрибутами мог выполнять и сад, принадлежащий частному лицу. Информацию по этим зеленым объектам редко, но все же можно встретить в официальной документации. Так, например, в Дмитриеве строка расходов на городской сад отсутствует не только в 80-е годы, но и много позднее [1]. Между тем в приговорах городской думы можно обнаружить постановления за 1878 – 1879 годы, свидетельствующие, что в это время общественный сад в Дмитриеве был, но частный. 27 апреля 1878 года рассматривалось письмо некоего господина Политковского, в котором сообщалось, что с 1 мая два раза в неделю в саду госпожи Артюховой будет играть музыка и устраиваться гулянья [2, л.49]. К городским властям заведующий садом обращался с просьбой об освобождении от налогообложения, так как предприятие организовывалось не с коммерческими целями, а «единственно для доставления развлечения Городскому Обществу» [Там же]. В результате решения гласных просьба была удовлетворена. Надо сказать, что городское управление с пониманием отнеслось и к последовавшему в следующем 1879 году ходатайству Шумакова – содержателя находившегося в саду буфета об уменьшении акцизной платы [3, л. 79].

Создание в Дмитриеве такого режима благоприятствования для дальнейшего развития вполне понятно. Не имея возможности создать сад на собственные средства, город поддержал начинание заинтересованных частных лиц. Как результат – еще одно место развлечения и отдыха для горожан. Возможно, что именно этим фактом объясняется и отсутствие статьи расходов на сад в сметах Дмитриева [4] при одновременном упоминании о нем в приговоре городской думы от 3 мая 1883 года о праздновании коронации Александра III и императрицы Марии Федоровны. 16 мая в течение всего дня планировалось провести большие торжества в разных частях города в том числе «...вечером <...>, устроить в городском саду гулянье, нанять музыку и поручить Городской Управе на вышеизложенный предмет израсходовать 100 р.» [5, л. 39]. Однако нельзя исключить и еще двух вариантов развития событий: сад Артюховой либо перешел в городскую собственность, либо в течение 1881 – 1882 годов все-таки были изысканы средства для разведения другого сада. Хотя последнее предположение не подтверждается сметами последующих нескольких лет [6]. Но, так или иначе, бесспорно, что в конце 70 – начале 80-х годов

городской общественный сад, возможно довольно продолжительное время оставшийся в частной собственности в Дмитриеве уже существовал, причем, скорее всего здесь он оставался единственным.

По всей видимости, подобный же механизм существовал и в Короче. Можно сказать, на сегодняшний день этот город является первым среди уездных центров Курской губернии, где появился общественный сад. В августе 1861 года Курские губернские ведомости среди других корочанских новостей сообщили и такую: «...Г-м Щепотьевым, жителем Корочи, расчищен и открыт бесплатно для публики его сад, в котором по распоряжению Полковника, квартирующего в городе кавалерийского полка, каждый раз играет оркестр духовой музыки» [7]. Был ли открыт сад Щепотьева на один сезон или существовал несколько лет без дополнительных исследований сказать сложно. Так же невозможно при сегодняшнем низком уровне разработки материала идентифицировать его с городским садом, упоминающимся в материалах губернаторской ревизии 1885 – 1886 годов [8, л. 31.]. Возможно, что как и в Дмитриеве он оставался в частных руках, так как поразивший Губернатора своей ухоженностью сад, тем не менее, не значится в сметах Корочи ни до, ни после ревизии[9]. Не мог он находиться и в аренде, так как этот факт так же должен был отразиться в смете доходов. Как и в Дмитриеве в этот период в Короче сад был один.

Приведенные примеры не являются единичными. По всей видимости, практика выполнения частными садами роли общественных была обычной. Причем это явление вполне объяснимо. Видя перед собой пример губернского Курска, жители уездных городов естественно хотели пользоваться подобными развлекательными и культурными предприятиями и у себя дома. Городские же власти в силу стесненности в материальных средствах редко могли удовлетворить возникающую потребность. Поэтому, как свидетельствуют уже приведенные сведения, хотя пока и немногочисленные, но без сомнения не единичные, городское общество, конкретнее наиболее активные его члены, старались самостоятельно организовывать гулянья, тем самым, создавая побудительные факторы для развития садово-парковой культуры в уездных городах.

Добавим, что, как правило, городские власти препятствий такого рода деятельности либо не чинили, либо соблюдали нейтралитет. Так, например, первое упоминание о городском сквере в городе Путивле относится к 1875 году. На заседании городской думы 4 мая было прочитано заявление гласного П.З. Тюрякова о необходимости и пользе для граждан иметь городской сад [10, л. 70]. Вынося вопрос на обсуждение, городской голова,

заявил, что вследствие желания горожан была сделана подписка на устройство гуляний в частном саду, но поскольку предприятие это новое, выразил сомнение в его успешности. О разведении же городского сада ввиду стесненности в средствах пока не могло быть и речи [Там же].

Возможно, что такая ситуация сохранялась в Путивле достаточно продолжительное время. Из имеющихся сегодня сведений в рассматриваемом контексте городской сад упоминается лишь с 1888 года [11]. Однако при дальнейшем изучении, возможно, эту дату можно будет отодвинуть к началу 80-х годов. Дело в том, что в документации городского управления за это десятилетие несколько раз фигурируют разные городские сады. Например, в отчете городской управы за 1880 год появляется строка об уплате 5 рублей 60 копеек за покос сена и уборку в саду около Михайловской казармы [12, л. 29]. В сметах 1882, 1883 и 1888 годов упоминается городской сад на Староникитовской улице [13]. Причем в более ранних из них содержится и дополнительная информация, а именно: в 1882 году сад был сдан за 25 рублей [14, л. 201], возможно даже и без проведения торгов, а уже в следующем году был арендован в результате торгов, проведенных 25 мая 1883 года, поэтому с него был получен более значительный доход – 73 рубля [15, л. 110.]. Далее уже по смете 1888 года ясно, что от того же сада не только получен доход в 35 рублей, но и в числе других расходов из выделенных 100 рублей на благоустройство, их некоторая часть предназначалась на установку ограды [16]. Упоминается сад на Староникитовской улице и в смете за 1889 год [Там же]. Однако идентифицировать именно этот сад как общественный не позволяет целый ряд фактов известных из документов и за 1888 год и последующее время. Во-первых, в том же 1888 году в заседании думы 26 июня обсуждался вопрос о незамедлительном разведении городского сквера [17, л. 83]. Поскольку сам приговор по этому вопросу не обнаружен, сложно сказать, почему Курское губернское по городским делам присутствие не утвердило его [Там же]. Во-вторых, в приговорах городской думы за сентябрь этого же года упоминается еще один городской сад, который возможно до 1887 года находился в собственности некоего Пономарева [Там же, Лл. 98, 106, 120 – 123].

И, наконец, в-третьих, с 1892 года на страницах архивных материалов появляется сад Клишевского, который предположительно, весь период своего функционирования оставался в собственности частного лица. Так или иначе, сведения о садах, имеющиеся на сегодняшний день в финансовой документации и других источниках не позволяют окончательно утверждать, какой из вышеперечисленных садов был общественным. Поэтому на сегодняшний день факт существования общественного сада в Путивле в

начале 80-х годов вызывает сомнения и требует более углубленного изучения.

В случае же с датировкой возникновения садов и скверов в других уездных городах, где даже при опоре на официальные документы, назвать конкретный год пока так же не представляется возможным, приходится довольствоваться первым упоминанием в приговорах городских дум или строкой доходов и расходов в городских сметах, принимавшихся ежегодно. Так из отчета старооскольской городской управы о приходе и расходе сумм за 1881 год становится ясно, что сад в городе существовал уже не первый год, а минимум года два, а значит, дату его возникновения также следует отнести приблизительно к 1879-1880 году. В пользу этого предположения говорит и небольшая сумма, выделенная на содержание сада – 94 рубля 33 копейки. Если бы сад разводился именно в 1881 году затраты бы были значительно выше [18, л. 34].

В уездном городе Тим городской сад впервые упоминается в смете доходов и расходов на 1881 год, причем приход в размере 125 рублей значится как внесенный сверх основной статьи. Этот факт дает основания предположить, что именно в этом-то году его впервые сдали в аренду. Подтверждается это предположение и тем, что в строке расходов средств на сад не заложено.

По всей видимости теперь основные затраты по благоустройству ложились на плечи предпринимателя [19, л. 19]. Что же касается собственно даты возникновения тимского общественного сада, исходя из вышеприведенных фактов и соображений, это событие могло произойти минимум одним-двумя годами раньше, то есть приблизительно в 1879 – 1880 году.

Достоверно известно, что с 1880 года на благоустройство общественного сквера регулярно выделялись суммы из городской казны Грайворона [20]. Однако и здесь нельзя пока отметить версию о появлении общественного сада в более ранний период, так как, например, в смете городских доходов и расходов на 1876 год можно встретить такие пункты как: «под сад», «под гулянье» [21, л. 104-105, 115]. Причем если в первом пункте можно предположить, что речь могла идти и об участке с плодовым садом, то второй, на наш взгляд, явно подразумевает какое-то место для общественных развлечений [Там же]. Добавим так же, что согласно примечаниям сметы с 1873 года арендатором и по пункту «сад» и по пункту «гулянье» значится один и тот же человек – некий Расторгуев [Там же].

Пока нет каких-либо вразумительных данных о городских садах этого периода в Льгове, Новом Осколе, Фатеже и Обояни. Первые упоминания о

них встречаются в официальных документах лишь в 90-е годы, а то и в начале уже следующего века. В то же время, например в Льгове необходимость открытия общественного сада, была не столь острой, так как практически в черте города находилась усадьба князей Барятинских – Нижние Деревеньки. В архивных фондах, датируемых 90-ми годами XIX века, сохранились ходатайства председательницы Правления благотворительного общества льговского земства княгини Марии Владимировны Барятинской, которые подтверждают, что в летнее время здесь регулярно проводились лотереи-аллегри, сопровождавшиеся традиционным гуляньем в обширном усадебном парке [22].

Относительно же Фатежа, Нового Оскола и Обояни, отметим, что отсутствие упоминаний в архивных документах, еще не значит, что садов не существовало. Возможно, что они принадлежали не городу, а частным лицам или общественным организациям, как это, например, было в Судже, где сад в изучаемом нами контексте предположительно появился в 1873 году. Принадлежал он земству, возможно, существовал и ранее, но именно в это время по предложению земского гласного Федора Матвеевича Тахтамирова было принято к исполнению решение использовать сад после соответствующего благоустройства не просто как зеленое обрамление земских зданий, но и как общественно-культурный объект [23, л. 22].

Любопытно, что как и в Курске при открытии и в дальнейшем при преобразованиях здесь всегда существовала оговорка о том, что сад является общественным только «впредь до встретившейся надобности для построек» [Там же]. Спустя три года, в 1876 году «садовая тема» вновь возникает на страницах журналов земских заседаний. 17 октября в числе других рассматривался также и вопрос о необходимости устроить сад на земских усадьбах [24, л. 83]. В первый момент может сложиться мнение, что речь идет о создании нового сада, но при внимательном изучении данного приговора и предыдущего выясняется, что в 1873 году упоминается сад при управе [Там же], а в 1876 году это же место значится в перечне участков, на которых должен быть устроен сад «необходимость которого вызывается большею частью для прогулки больных» [Там же].

Таким образом, в обозначенное время с 1873 по 1874 год можно приблизительно реконструировать, по меньшей мере, два варианта развития событий. Во-первых, в 1873 году при здании суджанской земской управы существует небольшой сад, который по решению гласных приводится в порядок и уступается горожанам для устройства гуляний. В 1876 году для расширения уже существующего сада, опять же по решению земского собрания, к нему добавляются участки при земской больнице и вновь

купленные смежные с ними. Во-вторых, в 1873 году сад при помещении управы так и не был приведен в порядок, и все необходимые мероприятия, включая объединение выше обозначенных участков, были проведены только в 1876 году. В любом случае, можно смело утверждать, что земский сад для общественно-культурной жизни Суджи играл большую роль, так как, судя по документации, связанной с деятельностью местного самоуправления он еще долгие годы оставался единственным в городе [25].

Земский сад в этот период существовал и в Белгороде, но достоверных сведений о дате его возникновения пока обнаружить не удалось. По имеющимся у нас данным это могло произойти в 70-е годы, но информацией о земских расходах за это время мы не располагаем. Более вероятно, что сад возник после 1882 года, так как в отчетах Белгородской земской управы за 1881 и за 1882 годы нет ни расходов на предположительно устроенный ранее сад, ни доходов, безусловно, появлявшихся при сдаче в арендное содержание [26, лл. 20-26; 32-40].

Редким везением является возможность установить точные даты возникновения общественных садов по сохранившейся документации, отражающей деятельность органов местного самоуправления. Так в городе Рыльске, судя по приговору городской думы от 25 мая 1882 года, работы по разведению сквера начались именно в этом году [27, л. 63]. Потребность в месте общественного отдыха была настолько «настоятельной и неотложной», что по решению гласных была не только избрана комиссия для руководства работами, но и сразу же нашлись значительные средства для немедленного их начала [Там же]. Также, интересно, что в последующие годы, а это почти десятилетие, в финансовой документации города общественный сад не значится [28]. Лишь рапорт рыльского уездного исправника за 1892 год о наличии увеселительных заведений и клубов несколько проясняет ситуацию. Судя по сведениям из этого документа, по меньшей мере, с 1890-1891 года городской сад арендовался рыльским Общественным собранием [29, л. 19].

Более-менее подробно известна история создания городского сада в Щиграх. Здесь вопрос, поднятый несколькими гласными городской думы на заседании 24 июня 1880 года, не был решен положительно, так как участок, который предлагался под разведение сада показался слишком хорошим и с точки зрения городского управления мог принести большую пользу в качестве места для конной торговли. Гласным же предлагалось расположить сад там, где торговля не ведется [30, л. 53-54]. Так как в сметах ближайших трех лет расходы на сад не закладывались [31], вопрос так и остался нерешенным. Лишь из приговора городской думы от 14 сентября 1884 года становится ясно, что городской сад в это время все-таки в Щиграх появился,

но устраивался он не на городские средства. Все начальные работы и постройки производились купцом Лукой Никитичем Поповым на собственные деньги, который к слову и стал первым арендатором сада [32].

Говоря о затруднениях, существующих при точной датировке возникновения общественных садов в уездных городах нельзя не отметить, что подобные же, а в чем-то даже и большие трудности возникают при исследовании и остальных аспектов проблемы. Круг документов, освещающих вопросы их благоустройства и непосредственного функционирования чрезвычайно узок, но все же позволяет составить некоторое представление о том, какие постройки находились на территории некоторых уездных садов. Добавим, что в этот период набор строений редко отличался особым разнообразием и многочисленностью. В основном это были летние помещения арендовавших сады организаций, эстрады для музыкантов, разные бытовые строения, реже летние театры или ротонды. Последние могли выполнять самые разнообразные функции от банкетных и бальных залов до театральных или музыкальных подмостков. Ну и, конечно же, не могло не быть скамеек и открытых беседок, наличие которых на наш взгляд не требует особых подтверждений, так как они существовали во все времена и во всех садах. Тем не менее, несмотря на отрывочность имеющейся информации, необходимо все же обозначить те факты о благоустройстве уездных садов, которые удалось обнаружить в архивных материалах.

Так, например, судя по сохранившимся сведениям, земский сад в Судже, по всей видимости, долгое время располагал всего лишь одним деревянным павильоном, возведенным в 1879 году коллежским секретарем П.И. Подольским для устройства буфета [33, л. 121]. Из того же источника известно, что строительство было незаконным. Оно осуществлялось не с санкции земского собрания, а по личному разрешению председателя суджанской земской управы Ф.Ф. Варопанова [Там же]. Поэтому в перспективе любой владелец павильона был не застрахован от требования земства – снести постройку. Кстати, тот факт, что в документах здание обозначено как «павильон» не должно вводить нас в заблуждение о степени его капитальности. Так же как и с «временным вокзалом» в Курске здесь мы, по всей видимости, имеем дело со случаем, когда формулировка не всегда соответствовала реальному положению вещей. Строение стоимостью около 1000 рублей [Там же], вероятно было довольно обширным и настолько основательным, что впоследствии успешно выполняло функции летнего помещения суджанского Общественного собрания. Ввиду уже известного нам обстоятельства о незаконном строительстве, переходивший из рук в руки

до 1884 года, и выставленный, в конце концов, в результате судебного иска на торги павильон стоил всего 100 рублей и был охотно приобретен в собственность земством [33, лл. 90-91, 121].

Более детальная информация существует о благоустройстве общественного сада в Щиграх. В 1884 году решением городской думы купцу Попову, занимавшемуся строительством на собственные средства, было предписано осуществить следующие мероприятия: к уже возведенной ротонде пристроить две галереи, построить теплые помещения кухни и ледника, будку у ворот, несколько беседок. Кроме того, необходимо было позаботиться о засадке всего участка деревьями и проложить прогулочные дорожки [34, л. 53-54]. Нужно отметить, что, вероятно, все постройки были достаточно добротными, так как необходимость их капитального обновления возникла лишь через семь лет – в 1891 году. На средства арендовавшего сад Семейно-драматического кружка был проведен ремонт существующих построек и вновь устроены музыкальная беседка, скамейки, фонари и фонарные столбы, цветник и дорожки [35, л. 35].

В подавляющем большинстве уездных общественных садов некоторое представление о постройках можно составить лишь по косвенным фактам. Причем основная масса этих свидетельств относится уже к началу 90-х годов XIX века. В Рыльске, судя по рапортам уездного исправника, городской сад располагал ротондой, в которой устраивались театральные представления [36, л. 25]. Здесь же помещалось и Общественное собрание, переходившее летом в городской сад [37, л. 19]. В аналогичном рапорте о театрах за 1893 год рыльский уездный исправник сообщает о том, что спектакли устраивались в летнем театре [38, л. 13]. Отсутствие более подробной информации дает нам возможность наряду с предположением о том, что театр мог быть выстроен в течение 1892-1893 года, в то же время рассматривать и версию о том, что роль театра по-прежнему могла выполнять ротонда. О том, что высказанное выше предположение, верно, свидетельствует и более поздний документ. Имеется в виду «Опись зданий и движимого имущества находящегося в Общественном саду, принадлежащему Рыльскому городскому Обществу», составленная в 1902 году [39, л. 1]. Под первым номером в ней значится деревянная ротонда крытая железной крышей, внутри которой расположены «посредине зрительный зал и эстрада для театра, по сторонам комнаты: биллиардная для Совета Старшин; мужская уборная, кладовая, комната для бесплатного входа посетителей, буфетная, столовая и библиотека Клуба, при ротонде есть открытая галерея с дамской уборной» [Там же].

Информацию о постройках в садах других уездных центров в принципе можно выстроить по убывающей. Так, например, при наличии относительно подробной информации о финансовых затратах в 1880 – 1890-х годах на благоустройство садов Путивля[40], Старого Оскола[41], Грайворона[42], Тима [43] в то же время сведения о самих постройках практически ничтожны. В Путивле речь идет лишь о проведении и благоустройстве дороги по территории городского сада к колодезю «Путимка» [44] в 1888 году и о летнем театре в саду Клишевского начиная с 1895 года [45, л. 17]. Сад (сквер) в Старом Осколе судя по документам с 1882 года достоверно располагал зданием буфета [46, л. 123], в 1884 году был расширен за счет пустопорожного места напротив тюремного замка [47, л. 151], а подобная же попытка еще раз его расширить в 1891 году не удалась[48, л. 90]. В Грайвороне если не с финансированием на благоустройство городского сквера, то хотя бы с оформлением его в общей ежегодной смете доходов и расходов, пожалуй, дело обстояло лучше всего, так как отдельными строками были выделены все необходимые расходы и на жалованье персоналу, и на посадку деревьев, и на уборку [49]. Такое скрупулезное распределение денег на сады в этот период редко можно встретить не только в сметах уездных городов, но и в аналогичной документации губернского центра. К сожалению, это обстоятельство ни на шаг не приближает нас к осведомленности, если не полной, то хотя бы частичной, о том, какие постройки располагались на территории городского сквера в Грайвороне.

По документам, относящимся к 90-м годам XIX века, достоверно известно не только о наличии общественного сада в Белгороде, как уже отмечалось, принадлежавшего земству. По крайней мере, с 1892 года на его территории существовало деревянное летнее помещение белгородского Общественного клуба, которое, вероятно, как и ротонда в Рыльске выполняло и функции здания для театральных и концертных мероприятий [50]²⁸⁶.

Полное отсутствие информации по этому вопросу мы имеем по городам Дмитриев, Льгов, Обоянь, Новый Оскол, Короча, Фатеж. Однако на наш взгляд это не является удручающим фактом, а лишь обозначает перспективу для дальнейших поисков и исследований.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что практически сформировавшееся к середине 90-х годов XIX века садовое хозяйство заняло прочное место в инфраструктуре большинства уездных городов губернии. Сады стали сферой активных правовых и экономических взаимоотношений, возникавших между земством или городскими властями с одной стороны и частными лицами или общественными организациями с другой.

Существовавшее на тот момент законодательство давало городским властям и органам земского самоуправления широкие возможности и полномочия для создания и дальнейшего распоряжения уже имевшимися в их собственности объектами садово-паркового хозяйства.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3285; Д. 2731; Д. 2940; Д. 3153 и многие другие.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2397.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2434.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2731.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2760.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп.1. Д. 2940; Д. 3285; Д. 3153; Д. 3734.
7. Курские губернские ведомости. 1861. 16 августа.
8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5686.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2744; Д. 2603; Д. 2935.
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2252.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3151.
12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2601.
13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2536. Л. 201; Д.2741. Л. 110; Д. 3151. Л. 21.
14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2536.
15. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2741.
16. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3151. Л. 21, 23, 155 – 156, 173, 176.
17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3151.
18. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2602.
19. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2662.
20. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2464. Л. 102 – 103,106; Д. 2599. Лл. 42, 48, 55, 58, 60 – 61, 64, 158, 171 – 172, 185 – 186, 193; Д. 2753. Л. 51 – 52, 60 – 61, 76 – 77; Д. 3157. Л. 51, 54, 57, 65 и т.д.
21. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2251.
22. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4655; Д. 5158; Д. 5725.
23. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2102.
24. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2278.
25. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2255; Д. 2605; Д. 2734; Д. 2931.
26. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2730.
27. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2604.
28. ГАКО. Ф. 1. Оп.1. Д. 2759; Д. 2731; Д. 2933; Д. 3286; Д. 3732.
29. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3976.

30. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2465.
31. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2465; Д. 2735.
32. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3058. Л. 56; Д. 2938 Л. 53 – 54.
33. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3000.
34. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2938.
35. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3730.
36. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4498.
37. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3976
38. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4972.
39. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 430.
40. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3151. Л. 21, 23, 155 – 156, 173, 176; Д. 2536.
Л. 201.
41. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2602. Л. 108, 171, 123, 217; Д. 2850. Л. 22; Д. 2939. Л. 10 – 11.
42. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2251. Л. 104 – 105, 115; Д. 2536. Л. 47 – 48, 55 – 56, 62 – 63, 67 – 68; Д. 2464. Л. 45, 89 – 90, 102 – 103, 106; Д. 2599. Л. 42, 48, 55, 58, 60 – 61, 64, 158, 171 – 172, 185 – 186, 193; Д. 2753. Л. 51 – 52, 60 – 61, 76 – 77, 85 – 87; Д. 2753, Д. 3157. Л. 51, 54, 57, 65, 152 – 153; Д. 3303. Л. 98, 115 – 116.
43. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2662. Л. 19; Д. 2736. Л. 7, 31, 33; Д. 2662. Л. 93; Д. 2934. Л. 2, 23 – 24, 83; Д. 3152. Л. 32, 34; Д. 3725. Л. 16, 18, 80 – 81, 83, 90.
44. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3151. Л. 98, 106, 120 – 123.
45. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5679.
46. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2602.
47. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2939.
48. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3330.
49. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2251. Л. 104 – 105, 115; Д. 2536 Л. 47 – 48, 55 – 56, 62 – 63, 67 – 68; Д. 2464. Л. 45, 89 – 90, 102 – 103, 106; Д. 2599. Л. 42, 48, 55, 58, 60 – 61, 64, 158, 171 – 172, 185 – 186, 193; Д. 2753. Л. 51 – 52, 60 – 61, 76 – 77, 85 – 87; Д. 2753., Д. 3157. Л. 51, 54, 57, 65, 152 – 153; Д. 3303. Л. 98, 115 – 116.
50. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3976. Л. 18; Ф. 1. Оп. 1. Д. 4498. Л. 16.

В.Г. Каменева

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ В ИСТОРИИ ФАТЕЖСКОГО КРАЯ

*Шелест книжных страниц
Нам сопутствует в жизни повсюду...
В. Инбер*

В России издавна сложилось возвышенное отношение к чтению, искреннее доверие к слову, к его силе, эстетической и нравственной ценности. Конец XIX века — время, которое принято считать началом приобщения к чтению широких кругов русского населения.

Мысль об устройстве народных чтений в селах и деревнях Фатежского уезда возникла еще в 1884 году. На съездах по народному образованию в Курской губернии, на заседаниях Фатежского земства, на страницах газет и журналов все чаще ставился вопрос о внешкольном образовании народа, причем народным чтениям отводилось первое место.

11 мая 1884 года на заседании Фатежского уездного земского собрания, по предложению гласных, городской управе было поручено разработать вопрос об учреждении сельских библиотек, повторительных курсов и народных чтений.

Печатное слово в конце XIX века было доступно только грамотной части населения. Грамотных в уезде было очень мало. Между тем, живая речь, с которой обращался священник или учитель к собравшемуся в школе народу, была понятна и доступна грамотному и неграмотному, взрослым и детям, особенно, когда это живое слово сопровождали картины.[1, с.21]

В 1896 году в немногих школах Фатежского уезда для сельского населения проводили «правильно организованные народные чтения и беседы». В земской школе села Хотемль было проведено 20 чтений, в Фатежской трехклассной городской школе – 6 чтений.

В конце XIX века народные чтения, хотя медленно, но распространялись, «...население относится к ним сочувственно». На чтения приходили крестьяне из других сел за 2-3 версты, несмотря на вечер или распутицу, в плохой обуви и одежде, «...ходили на чтения и старый, и малый, и женщины, и мужчины; и они все слушают или «Житие святых», или евангельскую историю, и с нетерпением ждали появления на полотне воздушных ярких образов. Содержание чтений прекрасно запоминается крестьянами. Чтения с туманными картинами производили на крестьян

глубокое впечатление. Принимая во внимание низкий культурный уровень нашего населения, наилучшим способом продвижения книги, являются народные чтения. В глубинке, к сожалению, народные чтения очень редки, а главное - поставлены весьма неудовлетворительно». [2, с.23]

В свободное от работы время и в праздничные вечера крестьяне сходились в хаты своих соседей, чтобы провести время в разговорах между собой, но если кто-нибудь приносил книгу, то ее читали вслух, а присутствующие охотно слушали. Чтения носили случайный характер. Грамотные крестьяне по возможности часто приобретали книги, но без правильного выбора, и в основном, книги сказочного содержания. Газеты и журналы выписывались в ограниченном количестве, но их читали и передавали друг другу.

Потребность в чтении с каждым годом увеличивалась. Об этом говорят воспоминания жителей о состоянии народных чтений в Фатежском уезде: «...хотя редко и не во многих местах деревни, но чтения устраиваются, причем собирается не больше 10 человек»; «...чтения происходят по большей части случайно, порядка в них нет»; «...я знала многих крестьян любителей читать и слушать из народного быта – издания «Посредника», сочинения народного графа Льва Толстого»; «...вместо образцов лучших произведений читаются жалкие их переделки и ничтожные отрывки и сочинения весьма сомнительного качества и плохо изложено. Нередко на народных чтениях читаются детские книги, а знания сообщаются в самой примитивной и непонятной форме, причем беседуют с народом, словно с детьми»; «...если бы уничтожить отрицательные стороны, то народные чтения могли бы сыграть большую роль в просвещении народа». [3, с. 29]

Население с интересом посещало народные чтения. Из книг жители черпали сведения, касающиеся общественной жизни народа и полезные знания по географии, истории.

Сохранились воспоминания 1896 года учителя Анненковского народного училища Фатежского уезда: «Народные чтения в училище не были в силе уже одного того, что на это трудно получить разрешение со стороны учителей и других сопутствующих этому делу лиц недостатка и не было. Кроме того, наш кратковременный местный опыт в этом деле, и главным образом, знакомство с воззрениями и желаниями народа убеждает нас, что чтения для народа будут удачны и привьются тогда, когда они будут введены при посредстве «волшебного фонаря» и хороших картин. Чтения доставляют для крестьян не только умственную пищу, но должны удовлетворять и эстетическому чувству сельского населения, заменить ему которым образом театр и отучать его от бедственного времяпрепровождения в кабаке. По

крайней мере, в начале устройства народных чтений - «волшебный фонарь» и картины являются положительно необходимыми пособиями». [4, с. 289]

В 1896 и 1897 годах устраивались народные чтения и беседы при школах в с. Хотемль, Подьяруга, в слободе Орлик, в Фатежской трехклассной городской школе. Попечителем народных чтений являлся Фатежский уездный комитет попечительства о народной трезвости.

В 90-х годах XIX века читали книги, которые были понятны и любимы: «поучения святых отцов», «сказки», «статьи географического содержания», «рассказы из сельской жизни». Чтения проводились на духовно-нравственные темы, по сельскому хозяйству, истории, садоводству, «...крестьяне смотрят на чтения не на как развлечение, а как на дело серьезное, хотят учиться, иначе бы и не затрачивали своей трудовой копейки на столь новое, непривычное дело». [5, с. 23]

На народных чтениях для взрослых читали брошюры разного содержания, например: «Индия», «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, «Братья-разбойники» и «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Биография Чехова», «О воде», «О воздухе», «Ужасная смерть невинного человека», рассказ «Святой ночью» и «Ванька» А.П. Чехова.

Дети с интересом слушали рассказы и сказки: «Новый свет», «Льгов» Тургенева, сказки «Марья-кружевница», «Голландия» и «Соловей» Г. Х. Андерсена, «Иван-царевич и серый волк», «Нахлебники», рассказы А.П. Чехова «Каштанка» и «Ванька», «О перелетных птицах» Д.Н. Кайгородова, рассказы и сказки Д.Н.Мамин-Сибиряка: «В ученье», «Серая Шейка», «Уж и Жаба». [6, с. 11]

В конце XIX века в Фатежском уезде было трудно получить разрешение на проведение народных чтений. Но в печати появлялись сообщения: «В октябре 1895 года народные чтения открыты в Игинской школе»; «Читаются книги религиозного, бытового и исторического содержания»; «Есть мысль организовать народные чтения при Глебовском училище». В 1900 году в Фатежском уезде на устройство народных чтений было выделено 200 рублей (в сравнении: Суджанский – 150 руб). [7, с.39]

В 1900 году Фатежскому уездному комитету попечительства о народной трезвости пришло уведомление Курского справочно-педагогического бюро о получении справки на разрешение проводить народные чтения. [8, с. 27]

Крестьяне Фатежского уезда были общительными и любознательными, и для них, безграмотных или малограмотных, чтения с «волшебным фонарем» приобретали большое значение. [8, с.25] В 5 школах Фатежского уезда чтения проводили священники, в 7 - преподаватели, , в 2-х школах

уезда – попечительницы, в 3-х - врачи, а в слободе Орлик - крестьяне. Устраивались чтения зимой, по праздничным или воскресным дням, иногда с «волшебным фонарем». [9, с.21]

Что же собой представлял «волшебный фонарь»? Изобретение средства для демонстрации одного изображения множеству людей стало важным этапом в развитии фотографии. «Волшебный фонарь» был изобретен в середине XVII века. Изображения делались в виде отпечатков на стекле, называемых «позитивами», через которые пропускается луч света. Свет дает газовая или масляная лампа с несколькими фитилями. Луч света собирается и усиливается системой зеркал в специальной камере, а затем направляется на слайд. Фокусирующий объектив передает изображение на белую стену или экран. «Волшебный фонарь» был главным источником визуальной информации о далеких странах, об исторических событиях и т. д. «Волшебный фонарь» заложил основу для создания слайд - проекторов и диапроекторов.

В 32 школах Фатежского уезда «волшебный фонарь» использовали постоянно, но в основном беседы и народные чтения проводились без него. Фонари и теневые картины на время давали различные общества, в т. ч. и благотворительные, частные лица, склад учебных пособий и музей наглядных пособий, которым заведовал им мещанин Э.А.Пунко. В музее в обращении было 20 «волшебных фонарей». В 1903 году был куплен еще один фонарь и на остальную сумму были выписаны теневые картины. Музей уже в первый год своего существования дал вполне удовлетворительный результат, по числу выданных пособий и школ, пользовавшихся им, он занимал одно из первых мест в губернии. Но иногда отсутствовали связи со школами, т. к. земская почта не могла хотя бы раз в неделю заходить во все земские школы. [10, с.131] Число посылаемых картин в сельские аудитории далеко не всегда зависело от требований слушателей. Очень часто посылалось картин меньше, чем их требовалось, потому что был недостаточный запас картин на складе наглядных пособий в г. Фатеже и часто их не было несколько недель. В дальнейшем, даже увеличение запаса картин не успевало за ростом числа слушателей и их требованиями.

В 1904 году в Фатежском уезде было 4 аудитории, число чтений составляло 64. Было использовано для чтений 535 картин, из них: религиозно-нравственных- 29, беллетристики- 225, географических- 140, по естествознанию- 33, медицине-19, биографических- 11. [11, с.10]

Имеющийся запас картин на складе оказался не согласованным со спросом на них: географических картин было больше (1210), чем по беллетристике (1164). Это произошло от сокращения выписки в 1904 году

чтений по беллетристике (в Министерском каталоге состояло мало книг для беллетристических чтений): «В самом недалеком будущем, надо надеяться, русская литература станет, наконец, доступной русскому народу и в библиотеках, и в аудиториях, и тогда можно будет подобрать ряд прекрасных беллетристических чтений для народных аудиторий». [12, с. 15]

Училищная комиссия ходатайствовала перед Фатежским земским собранием о внесении в смету расходов на 1905 год необходимых средств для двух музеев наглядных пособий - 50 рублей, на устройство нового музея - 125 рублей, на приобретение «волшебных фонарей» и теневых картин - 300 рублей.

Народные чтения, просветительные беседы оправдали ту цель, которую ставило Фатежское земство в конце XIX века и начале XX века - просвещать и учить народ.

Источники и литература

1. Текущая школьная статистика. Год первый 1896/97. Ч.1. Курск, 1898.
2. Текущая школьная статистика. Год первый 1896/97. Ч.1. Курск, 1898.
3. Народное образование в Курской губернии с диаграммами и картограммами. 1895-1896 гг.. Курск, 1897.
4. Народное образование в Курской губернии с диаграммами и картограммами. 1895-1896 гг.. Курск, 1897.
5. Текущая школьная статистика. Год первый 1896/97. Ч.1. Курск, 1898.
6. Отчет Общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1904 г. Курск, 1905.
7. Комиссия по народному образованию при Курском губернском земстве за 1900 г. Курск, 1901.
8. Текущая школьная статистика. Год первый 1896/97. Ч.1. Курск, 1898.
9. Текущая школьная статистика. Год первый 1896/97. Ч.1. Курск, 1898.
10. Журнал заседаний XL очередного Фатежского уездного земского собрания 1904 г. Курск, 1905.
11. Журнал заседаний XL очередного Фатежского уездного земского собрания 1904 г. Курск, 1905.
12. Отчет Общества содействия народному образованию в Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РАЗВИТИЮ СЕТИ БИБЛИОТЕК (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Реформы второй половины XIX в., открывшие возможность для сравнительно быстрой социально-экономической модернизации России, вызвали сдвиги во всех сферах общественной жизни. В Курской губернии, как и в провинции в целом, происходило интенсивное формирование культурной среды, ощущалась потребность в общественных библиотеках. Однако только с приходом земства в библиотечную сферу строительство библиотек в Курской губернии приобрело системный характер.

Земская деятельность в деле библиотечного строительства началась с устройства школьных и учительских библиотек. При земских школах библиотеки открывались следующими темпами: с 1865 по 1874 была открыта 21 библиотека; с 1875 по 1884 – 39 библиотек; с 1885 по 1894 – 87 библиотек [1, с. 294]. В 1895 г. Курское губернское земство в ознаменование бракосочетания их императорских величеств ассигновало 15 000 рублей на устройство ученических библиотек для земских школ из расчета 25 руб. на каждую библиотеку [16, с. 137]. На пополнение ученических библиотек выделялось ежегодно 10 руб. (20 руб., если школа двухкомплектная) из средств губернского и уездных земств. В состав первых 25-рублевых библиотек для школ входило только 113 наименований изданий. В 1910 г. каталог для ученических библиотек, составленный справочно-педагогическим бюро Курского губернского земства, содержал 1626 наименований книг, и в нем появились такие новые разделы, как общественно-экономический, этнография, медицина, ветеринария, сельскохозяйственный [14].

Судя по отзывам учителей, книгами из школьных библиотек часто пользовалось все грамотное население. Всего из 626 ученических библиотек, подавших сведения за 1901 г., в 496-ти библиотеках книги выдавались не только учащимся, но и всему населению. Причем, несмотря на небогатый состав ученических библиотек, число взрослых читателей в них в полтора раза превышало число подписчиков в бесплатных народных библиотеках [15, с. 130-131].

Начиная с 1870-х гг. вопросы об организации центральных учительских библиотек периодически поднимались на заседаниях Курского губернского земского собрания. В 1881 г. на учреждение центральных учительских библиотек губернское земство выделило 7500 руб., по 500 руб.

на каждый уезд [13, с. 347-348]. Однако и к 1886 г. эти деньги не были израсходованы. Положение центральных учительских библиотек было неопределенно: по действующему законодательству они не предусматривались. Грайворонское уездное земство начиная с 1880-х гг. ежегодно выделяло 50-70 руб. на приобретение книг для учителей. С 1895 г. оно ежегодно ассигновало 75 руб. на учительскую библиотеку [3, л. 13]. В 1897 г. была открыта учительская библиотека при губернской управе и библиотеки для учителей начали учреждаться также и в других уездах Курской губернии – Белгородском, Корочанском, Тимском на совместные средства губернского и уездных земств. К 1900 г. в губернии насчитывалось 13 центральных учительских библиотек. Губернское и уездные земства ежегодно выделяли средства на их пополнение; размер субсидий колебался от 50 до 275 руб. [16, с. 59]

Первый опыт по организации бесплатных народных библиотек был осуществлен в селе Мелехино Щигровского уезда по инициативе местного землевладельца Андрея Ефимовича Халютина в 1892 г. Но это был единичный случай. Земская деятельность по организации бесплатных народных библиотек в Курской губернии стала развиваться два года спустя, когда шесть уездных земств Курской губернии (Грайворонское, Дмитриевское, Старооскольское, Тимское, Фатежское и Щигровское) откликнулись на предложение Петербургского комитета грамотности и получили 7 библиотек стоимостью 250 руб. каждая. В феврале 1895 г. Грайворонское уездное собрание единогласно постановило открыть 14 бесплатных народных библиотек в уезде в память бракосочетания их Императорских Величеств и ассигновать на это 1400 руб. В уставе грайворонских библиотек отмечалось, что книги будут выдаваться всем жителям деревень и сел, а также ближайшим соседям [4, л. 1, 3 об.]. В течение нескольких лет, вплоть до 1903 г., Грайворонский уезд оставался на первом месте по числу народных библиотек. Одно за другим уездные земские собрания (Тимское, Фатежское, Рыльское, Дмитриевское) принимали решения об открытии бесплатных народных библиотек. В докладе Тимской уездной земской управы отмечалось, что «открывая хотя бы по одной читальне ежегодно, земство будет закладывать фундамент для капитального здания, которое со временем должно стать маяком для умственного движения темных народных масс» [5, л. 7-8 об.]. Библиотеки учреждались на совместные средства Московского и Петербургского комитетов грамотности, уездных земств и крестьянских обществ.

В 1896 г. Курское губернское земское собрание постановило ежегодно выделять 200 руб. каждому уезду на открытие двух народных библиотек и 25

руб. на приобретение новых книг каждой библиотеке при условии софинансирования из местных источников [15, с. 127]. Большая часть земских проектов по упорядочению имеющихся народных библиотек и планомерному открытию новых относится к 1900-м гг. Судя по материалам, публиковавшимся в «Текущей школьной статистике», количественный рост земских народных библиотек в селах Курской губернии выразался в следующих цифрах: в 1901 г. их было 95, в 1902 – 97, в 1903 – 134, в 1904 – 163, 1905 – 213, в 1906 – 241, в 1908 – 271, в 1913 – 299. По сведениям российского историка Б. Веселовского, Курская губерния входила в четверку губерний (вместе с Саратовской, Вятской и Тверской), отличавшихся крупными расходами на внешкольное образование [2, с. 554].

Вопросами библиотечного строительства в Курском губернском земстве занималась комиссия по народному образованию и его справочно-педагогическое бюро, в задачи которого входило составление каталогов не только для народных, но и для школьных и учительских библиотек, разработка формы отчетности. Деятельность земских народных библиотек определялась их уставом, в котором указывалось, что библиотека учреждается земством и содержится в основном на земские средства. Денежные пожертвования могли также поступать от сельских обществ и частных лиц. Платы за чтение не существовало. У библиотек было право иметь попечительства. В уставе, разработанном для народных библиотек Суджанского уезда, говорилось, что «народная библиотека-читальня имеет целью доставить нравственный и хорошо подобранный материал для чтения грамотному населению, чтобы, во-первых, отвлекать его от единственного в настоящее время развлечения – питейных заведений; и во-вторых, чтобы упрочить грамотность окончивших народные училища» [6, л. 2].

В заслугу бюро можно поставить разработку первой методики работы среди сельских жителей и форм статистической отчетности, методику анализа фондов и чтения, изучения читателей. Курское земство регулярно издавало «Текущую школьную статистику», где печатались материалы исследований. Исследования курского земства по библиотечному делу освещались и на страницах общероссийских периодических изданий «Русская школа», «Известия по народному образованию», «Вестник воспитания», «Русский начальный учитель».

По мнению курских земцев препятствием при открытии библиотек служили некоторые формальности правил 15 мая 1890 г. Пытаясь добиться пересмотра этих правил, члены Курского губернского земства поддержали ходатайство Суджанской уездной земской управы об изменении § 3, по которому надзор за библиотеками мог поручаться только лицам духовного

звания или инспекторам народных училищ. В феврале 1898 г. курские земцы обратились к губернатору с просьбой поддержать их ходатайство в министерство внутренних дел, в котором предлагалось включить в перечень лиц, осуществляющих надзор за библиотеками, «земских начальников, попечителей школ, землевладельцев и других лиц, нравственная и политическая благонадежность которых будет надлежащим образом удостоверена» [16, с. 168].

В постановлении XXXIII-го очередного губернского земского собрания отмечалось, что «ограничение круга лиц, каким может быть поручен надзор, придает самому существованию библиотек случайный характер, так как в случае перехода священника в другой приход и назначения лица, несогласного принять на себя надзор, библиотека должна закрыться... Прилагая значительные усилия по развитию грамотности в народе курское земство придает огромное значение возможно широкому распространению народных библиотек-читален, как единственного средства сделать грамотность прочной» [7, л. 1, 1 об.]. Курская губернская управа подала также жалобу и в Правительствующий сенат. Однако, ходатайства земства не были удовлетворены.

Земские народные бесплатные библиотеки размещались в основном при школах, иногда при волостных правлениях, в амбулаториях, народных чайных, в крестьянских домах, наемных помещениях и редко имели отдельные помещения. В среднем каждая библиотека имела 140 подписчиков. В возрастном отношении среди читателей библиотек преобладали дети и подростки (42%) и молодые люди от 15 до 20 лет (25%). Пользовались народными библиотеками в основном учащиеся, крестьяне, ремесленники. Их читателями были в основном мужчины (89%), процент женщин не превышал 10-11%. По образованию читатели народных библиотек были преимущественно или учащимися или выпускниками земских школ.

Особое направление в развитии библиотечного дела связано с возникновением библиотек для земских и городских служащих. К началу XX в. такие библиотеки имелись во всех уездных городах. Существовали библиотеки при Курском губернном земстве и при справочно-педагогическом бюро земства, библиотека земских служащих в губернской управе. В 1909 г. в библиотеке при справочно-педагогическом бюро насчитывалось 2 тыс. книг и 133 наименования периодических изданий [18, с. 15-18]. Почти все общественные библиотеки в уездных городах учреждались и содержались уездными земствами. Пользование ими могло быть бесплатным для служащих и платным для остальных читателей.

Например, библиотека при Корочанской уездной земской управе предназначалась только для земских служащих [8, л. 39]. Учрежденная в 1900 г. библиотека при Путивльской уездной земской управе содержалась на ежегодные средства от уездного земского собрания (не менее 100 руб.), членские взносы, добровольные пожертвования, сборы со спектаклей, концертов. Служащие земства, учителя земских школ, гласные земства и члены библиотеки пользовались ею бесплатно [9, л. 1].

Часто библиотеки учреждались городскими органами управления. Белгородская городская библиотека была открыта по решению Белгородской городской думы. На ее устройство городская дума выделила 1000 руб. и ежегодно ассигновывала 300 руб. В уставе отмечалось, что учредителем ее являлось общество Белгорода. Плата за выдачу книг на дом составляла 3 руб. для годовых подписчиков и 30 коп. для месячных подписчиков, в читальном зале обслуживание было бесплатным [10, л. 3-17]. Публичные библиотеки создавались и управлялись коллегиально. Например, делами Путивльской библиотеки для земских служащих занимался совет, который состоял из одного члена земской управы, представителей от земских врачей и агрономов, и двух человек по выбору земского собрания. Совет занимался увеличением средств библиотеки, снабжением книгами и периодическими изданиями, определял денежные суммы за испорченное или утраченное имущество, устанавливал правила пользования книгами, составлял отчеты для уездного земского собрания [11, л. 4-5].

В отличие от сельских, городские библиотеки располагались в отдельных помещениях, или при уездных управах, в них имелась штатная должность библиотекаря, их фонды были больше по объему и богаче по составу, разнообразнее был контингент читателей. Здесь была представлена литература по богословию, педагогике, географии, истории, законоведению, культуре, философии, экономике и статистике, медицине и ветеринарии, сельскому хозяйству, художественная и детская литература, периодические издания. Заметный след в развитии библиотечного дела Льгова оставила Льговская публичная библиотека им. Е.М. Жданова. Помещик Льговского и Суджанского уездов, гласный Курского губернского земства Елисей Михайлович Жданов завещал передать свою личную библиотеку и денежные средства на устройство общественной библиотеки. Библиотека Жданова представляла собой уникальное собрание книг не только на русском, но и на французском, итальянском, немецком и польском языках: классические произведения, научные издания, книги по истории, педагогике, философии, медицине. Среди них имелись произведения А. Ламартина, Цицерона, П. Корнея, М. Монтеня, Дж. Мильтона, Ж. Санд, Ч. Диккенса, А. Дюма, В.

Гюго, Ж. Расина. В 1893 г. губернское земство постановило передать библиотеку Жданова Льговскому уездному земству. Открытие библиотеки затянулось почти на три года из-за необходимости внести изменения в проект устава, а также проверить, не имелось ли в библиотеке Жданова запрещенных книг [12, л. 1, 4, 5]. Ответственным лицом был утвержден князь В.И. Барятинский.

Фатежская народная библиотека содержалась на средства уездного земства, города Фатежа, уездного попечительства о народной трезвости, членские взносы, пожертвования, сборы от спектаклей и даже проценты от сберегательной книжки. Как указывалось в отчете библиотеки за 1904 г., «вследствие громадного наплыва посетителей читальни, не было возможности вести точной регистрации, почему количество посещений можно определить только приблизительно в 15 000» [17, с. 59-62, паг. 1-я]. Среднее число посещений в день составляло 50 человек. В библиотеке было 1546 подписчиков – в основном крестьяне и мещане. Взрослые составляли больше половины читателей библиотеки. Интересно, что среди них было много женщин – почти 42%.

В целом, можно отметить, что большую роль в развитии библиотечного дела в указанный период, в распространении грамотности и книг, играли местные органы самоуправления. Активное строительство библиотек в губернии начинается с 1896 г. и с каждым годом набирает все больший размах, о чем свидетельствует динамика роста народных библиотек. Курское земство (губернское и уездные) ежегодно не только выделяет средства на создание библиотек, но и занимается их материальным обеспечением. Народные библиотеки, открытые земствами, способствовали просвещению и образованию народа, подъему культурного уровня в губернии. Важнейшими центрами по распространению культуры и образованности среди населения стали публичные библиотеки уездных городов, открытые для всего населения. Основной тенденцией развития библиотечного дела в указанный период явилась его демократизация, проявившаяся в распространении сети библиотек и постепенном росте степени доступности библиотечного обслуживания широким слоям населения.

Источники и литература

1. Белоконский И.П. Начальное народное образование в Курской губернии / И.П. Белоконский. Курск: Тип. губерн. земства, 1897. 500 с.

2. Веселовский Б. История земства за сорок лет / Б. Веселовский. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с., 2 карт.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.1. Оп.1. Д.6207. Л.13.
4. ГАКО. Ф.1. Оп.1. д. 5492, л. 1, 3 об.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп.1. Д. 5727. Л.7об.– 8об.
6. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д. 5756. Л.2.
7. ГАКО. Ф.1. Оп.1. д. 6197, л. 1, 1 об.
8. ГАКО. Ф.1. Оп.1. д. 6965, л. 39.
9. ГАКО. Ф.1. Оп.1. д. 6665, л. 1
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5709 Л. 3–17.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6656. Л. 4-5.
12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. д. 5177, л. 1, 4, 5.
13. Земский ежегодник Курской губернии за 1881 год. Курск: Тип. губерн. земства, 1882. 677 с.
14. Каталог книг для ученических библиотек земских школ и для библиотек-читален Курской губернии, открываемых по правилам 15 мая 1890 г. Министерства Внутренних дел / справочно-педагогич. бюро Курск. губерн. земства. 6-е изд., испр. и доп. Курск: Тип. Курск. губерн. земства, 1910. 62 с.
15. Обзор состояния начального народного образования в Курской губернии за 5 лет: 1895/96 – 1900/01 учебн. год. Курск: Тип. губерн. земства, 1902. 183, 10 с.
16. Свод постановлений Курского губернского земства за 10 лет (с 1892 по 1901) / сост. под ред. И.П. Белоконского. Курск: Тип. губерн. земства, 1903. 1172, 70 с.
17. Текущая школьная статистика Курского губернского земства: 1904-1905 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губерн. земства. Курск: Тип. Курск. губерн. земства, 1906. 113, 113 с.
18. Текущая школьная статистика курского губернского земства за 1908-1909 учебн. г. Курск: Тип. Курск. губерн. земства, 1910. 55 с.

СЕЛЬСКИЕ КЛУБНЫЕ КАДРЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1966-1975 ГОДОВ.): СПЕЦИФИКА ТЕКУЧЕСТИ

В 1966-1975 гг. одной из наиболее острых проблем сельских клубов Курской области оставалась стабилизация кадров. В 1963-1965 гг. в области сменялось от 27 до 35 % заведующих клубами, а в отдельных районах – 75-90 %. [1, л. 208] Поэтому сокращение текучести работников сельских клубных учреждений рассматривалось местными общественно-политическими структурами как один из основных факторов обеспечения качества культурно-досуговой деятельности. В постановлениях органов власти и управления тех лет вместо понятия «стабилизация» употреблялся более узкий по смыслу термин «закрепление» Под ним тогда понималось решение только вопросов оплаты труда, жилья, быта. Отсутствовали программы стабилизации кадров клубов на селе. Только в отдельных районах области были наборы мероприятий по сокращению текучести клубных работников. [2, л. 60] Причем они составлялись без учета особенностей сложившейся ситуации и в основном предусматривали решение вопросов заработной платы и жилищно-бытового устройства. Безусловно, последние являлись важными причинами текучести кадров. Но она объясняется не только исключительно ими, но и рядом других.

Одной из основных причин частой сменяемости сельских клубных работников являлся низкий уровень их подготовки. Так, в сельских клубах Курской области, находящихся в ведении Министерства культуры РСФСР, на начало 1966 г. работало 636 чел. Из них только двое имели высшее образование, 84 – среднее специальное, а 37,5 % работников не имели даже среднего образования. [3, л. 197] Самый низкий образовательный уровень был характерен для работников колхозных клубов: из 323 заведующих 249 имели образование 7-8 классов⁴. [4, л. 43] Специалистов для клубных учреждений готовили Обоянский библиотечный техникум (до 1971 года.) и культпросветучилище в г. Курске. Однако выпуск кадров совершенно не покрывал потребности в них на селе. Попытки решить проблему с помощью системы повышения квалификации, организации заочного обучения в учебных заведениях и краткосрочных курсов подготовки клубных работников за счет средств колхозов и совхозов также не дали ожидаемых результатов. Поэтому многие заведующие клубами, директора и художественные руководители домов культуры по причине слабой

подготовки часто не справлялись со своими обязанностями и были вынуждены менять профессию.

Другой причиной текучести сельских клубных работников была проблема материального стимулирования их труда. Установленный должностной оклад имели только работники государственных клубных учреждений. Однако его размер составлял 67-80 руб. в месяц при минимальном уровне зарплаты в стране 60 руб. При этом совершенно не учитывались образование и стаж работы. [5, с. 24] Зарплата заведующих колхозными клубами зависела от финансовых возможностей хозяйств, а также от отношения их руководителей к организации культурно-досуговой деятельности. В этих клубах зарплата составляла 25-30 руб. в месяц, что совершенно не способствовало привлечению талантливых работников. [6, л. 63] С начала 1960-х гг. колхозам и совхозам рекомендовалось из собственных средств производить доплату к должностным окладам работников государственных клубных учреждений, изыскать дополнительные возможности для увеличения зарплаты заведующим колхозными и совхозными клубами. Однако на практике такой подход применяло очень незначительное количество хозяйств. Так, в Курской области в 1975 г. колхозы увеличили зарплату только 52 директорам домов культуры и заведующим клубами. [7, л. 68] В итоге на протяжении рассматриваемого периода клубные кадры являлись самыми низкооплачиваемыми специалистами на селе. Нерешенность вопросов материального стимулирования труда отрицательно сказалась на стабильности состава работников клубов.

Следующей причиной текучести клубных кадров являлось отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий. Многие работники снимали комнаты, были вынуждены длительное время проживать в клубных помещениях. Им не выделялись квартиры наравне со специалистами других отраслей. Например, 37 выпускников Курского культпросветучилища (1975 г.), направленных в клубные учреждения Золотухинского, Курского, Октябрьского районов, вынуждены были сразу же оставить работу из-за отсутствия жилья⁸. [8, л. 157] Подобное отношение к клубным кадрам со стороны местных органов власти носило почти повсеместный характер. Несмотря на то, что постановлений по этим вопросам принималось немало, реализовать их в подавляющем числе случаев так и не удалось. Это объясняется, на наш взгляд, как общей ситуацией с жильем в стране, так и просчетами местных органов власти и управления.

Ненормированный рабочий день, постоянная занятость в вечернее время, выходные и праздничные дни также вынуждали клубных работников, среди которых большинство составляли женщины, сменить профессию.

На текучесть кадров также повлияло отсутствие льгот и преимуществ, которыми пользовались врачи, учителя, отдельные специалисты. В рассматриваемый период эта проблема неоднократно поднималась и местными органами власти, и самими работниками клубов. Только в 1977 г. последние были приравнены к сельским врачам и учителям в отношении предоставления льгот, выплат пособий и пенсий. [9, с. 233]

Нестабильность состава сельских клубных работников объяснялась также тем, что они выполняли массу несвойственных им обязанностей: переписи, участие в строительстве различных сооружений, в посевной и уборочной кампаниях, выполнение заданий сельских и районных советов, общественных организаций и т.д. Социологическое исследование, проведенное в 1972 г. НИИ культуры (г. Москва), выявило свыше 20 видов хозяйственных и других непрофессиональных занятий, которыми перегружались работники сельских клубов. [10, с. 16] Попытки Курского обкома партии изменить ситуацию на примере Глушковского района в середине 1960-х гг. положительного результата не принесли. Клубных работников по-прежнему перегружали различными поручениями, не имевших отношения к основной деятельности. [11, л. 226, 228] Подобный подход дискредитировал клубные кадры перед сельской общественностью, снижал престиж их профессии, отрицательно влиял на уровень профессионального мастерства и организацию культурно-досуговой деятельности. Этим во многом и объяснялась текучесть кадров.

Нередко причиной, побуждающей сменить место работы или профессию, являлось состояние материальной базы клубных учреждений. Многие клубы не имели помещений для кружковой работы, оставалась острой проблема комплектации их оборудованием, инвентарем, музыкальными инструментами. [12, с. 98-108] Подавляющему большинству клубных работников приходилось самостоятельно решать многие вопросы материально-технической оснащенности клубов, не рассчитывая на поддержку исполкомов советов, руководителей хозяйств. Кроме того, не единичны были факты откровенного произвола в использовании клубных зданий. С ведома председателей колхозов и директоров совхозов они переоборудовались, а их работники переводились на другие работы, увольнялись под различными предлогами. [13, л. 77]

В результате к концу рассматриваемого периода среднюю текучесть сельских клубных работников Курской области удалось сократить по

районам незначительно – до 40-50 %. [14, л. 37] По-прежнему из клубных учреждений выбывали преимущественно дипломированные специалисты, не желающие мириться с пренебрежительным отношением к ним, выполнять несвойственные функции, подчиняться произволу со стороны части руководителей различного ранга. На начало 1976 г. в сельских клубах системы Министерства культуры РСФСР работало 1515 человек. Из них высшее образование имели 11, среднее образование – 1229, а специальное соответственно 5 и 321. При этом 18,2 % не имели даже среднего образования. Последний показатель был худшим среди областей Центрального Черноземья¹⁵. [15, с. 36, 38] Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода сельскими клубными учреждениями руководили в основном лица без соответствующего образования и профессиональной подготовки, что отрицательно влияло на организацию и содержание культурно-досуговой деятельности.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 201. Л. 77. Оп. 54. Д. 47.
2. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 62. Д. 54.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 596.
4. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 58. Д. 125.
5. Положение о государственных клубных учреждениях РСФСР и другие материалы для клубных работников. М., 1966.
6. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 424.
7. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 801.
8. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 801.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1987. Т. 13.
10. Актуальные вопросы клубной работы: клубные кадры на селе и работа с ними: по матер. науч.-практ. конф. М., 1975.
11. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 176; Оп. 54. Д. 109.
12. Кабанов П.И. Культурные преобразования в Курской области. Воронеж, 1968.
13. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 489.
14. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 708.

15. Показатели деятельности культурно-просветительных учреждений за 1975–1976 годы. М., 1977.

И.П. Цуканов

ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ

Осмысление своей роли и назначения в жизни невозможно без прикосновения к истории. Любой человек – это наследие прошедших веков. Попытка заново родиться без осмысления всей истории развития Отечества приводит только к разрушению личности.

«Умирал солдат – известным. Умер – Неизвестным», – написал с горечью в 1970-е годы поэт Роберт Рождественский. Много лет прошло с тех пор, но, к сожалению, мало что изменилось. Мы по-прежнему привычно произносим страшные по своей сути слова «пропавший без вести» и «неизвестный солдат», и все еще лежат в обильно политой кровью российской земле захороненными с Великой Отечественной войны ее солдаты. «Он бился до последнего, и ему выпала горькая доля погибнуть так, что некому было рассказать об этом». Так писал о пропавших без вести Юлий Михайлович Иконников, председатель Ассоциации поисковых отрядов России, участник Великой Отечественной войны. [1, с. 16]

С 1988 года в Курской области проводятся широкомасштабные работы по розыску погибших. Вот уже несколько десятилетий сюда съезжаются со всех концов страны поисковые отряды. Они принимают участие в экспедициях Всероссийской Вахты памяти.

Конечно, поисковая работа на местах боев – это мощный фактор воздействия на умы и сердца подростков. В ней важно все: и поиск останков воинов, и участие в ритуалах захоронений, и встречи с участниками и очевидцами боев, родственниками погибших, контакты с местной администрацией и населением, священнослужителями и работниками музеев, и, конечно, с поисковиками других отрядов. Из общения с таким широким кругом людей ребята глубже осознают важность и необходимость своего труда, получают неоценимый опыт духовности.

Поисковикам не раз приходилось слышать в свой адрес горькие упреки. Кому все это нужно через семьдесят лет? Зачем вы ворошите кости?

У нас на это своя точка зрения. Вся наша история, история Российского государства замешана на моральных долгах. Солдаты, отдавшие жизнь за Родину, не должны быть непогребенными. Увековечить их память – это один из основных моральных долгов государства перед павшими. Мы согласны с теми, кто считает, что все беды России идут от духовного падения ее народа.

Великая Отечественная война перед поисковиками встает не со страниц учебников, а из рассказов очевидцев, которые жили на этом месте и сами все видели.

По случайности отряд «Поиск» п. Коренево заехал на хутор, где в трех дворах доживают свой век старики. Одна из бабушек встретила его приезд словами: «Деточки, слава Богу, что вы приехали. Куда я уже только ни обращалась: и в газету и на радио с просьбой, чтобы останки солдатиков перенесли из сада в братскую могилу. 15 лет прошу, но все безрезультатно. А тут вы!.. Господи, благодарю тебя!»

И рассказала им 83-летняя старушка историю про двух солдат: «...Наши части отступали под натиском превосходивших сил фашистов. Но один из воинов, выполняя боевое задание, не смог вовремя уйти, а когда увидел немцев, стал убегать от них по полю. Но те расстреляли его в спину. Это был Кириченко. Второй солдат погиб, обучая молодое пополнение обращаться с «лимонкой». Выдержав чеку, он замешкался и подорвался. В 1960-х годах местные жители видели, как один из командированных к ним на уборку хлебов приходил на могилку, говорил, что там захоронен его отец, обещал приехать поставить памятник, но...

Когда в деревне была школа, за могилкой ухаживали ученики, да и жители не оставляли ее без внимания. А теперь у стариков уже сил нет. Прощаясь с поисковиками, бабушка сказала: «Теперь душа моя спокойна. Они одни не остались...». [2, 12 сент.]

Более пяти лет на каждую Вахту памяти в Курскую область приезжал, будучи школьником, а затем студентом Александр из Москвы. Он знал, что во время Курской битвы на нашей земле без вести пропал его дед, родные были уверены, что он погиб. Александр мечтал найти останки деда. Вот такая чистая юношеская мечта, имеющая небольшие шансы на осуществление. Но, видимо, есть Божий дар человеку за его терпение и веру. После пяти лет непрерывных поисков мальчик в одной из братских могил нашел медальон с данными его дедушки. Мечта Александра сбылась.[3, 12 авг.]

В воспитании патриотизма молодежи нас поддерживают представители Русской православной церкви, освещающие для молодежи такие темы, как духовность, православные традиции русского народа, воинские ритуалы и обычаи. Во всех скорбях и бедах церковь была со своим народом, окружая его любовью и воодушевляя на подвиги во имя Родины, священники своей мудростью и пастырским словом поддерживали людей в горестях и лишениях. Во всех войнах рядом с русским солдатом шел священник, рядом с воином мирским – воин духовный.

С самого начала деятельности поисковиков Курской области нас благословил и принимал участие во многих наших мероприятиях Митрополит Курский и Рыльский Ювеналий (1929–2013). [4, 12 мая; 21 дек.] Он был не только пастырем, он был старшим другом поисковиков. Эта дружба началась в 1990 году, когда Владыка впервые участвовал в перезахоронении солдат Великой Отечественной. Братья Митрополита Андрей и Михаил сложили головы на поле брани великой войны. Первый похоронен в Германии. Второй – в Тимском районе Курской области.

Владыка встречался с поисковиками не только на перезахоронениях, но и на мероприятиях, вечерах вопросов и ответов, субботниках в Коренной пустыни. Ни время, ни болезни, ни какие-то другие обстоятельства не смогли разрушить нашу связь. В 1997 году, когда Владыка после операции ехал на перезахоронение в Мантуровском районе, его автомобиль сломался. И он пять километров шел пешком.

«Какими вы видите поисковиков: и детей, и взрослых?» – однажды спросила Владыку журналистка. Он ответил кратко: «Я вижу их хорошими людьми. Я вижу их патриотами». [6, 1994]

В 1994 году по поручению Священного Синода Русской Православной Церкви всех поисковиков России на святое дело благословил Архиепископ Солнечногорский Сергей.

Стали священнослужителями и до сих пор помогают нам бывшие поисковики благочинный Суджанского округа протоиерей Евгений Шестопалов и иерей Владислав Реутов. Основатель поискового движения в Курской области Олег Иванович Неверов (1957–2009) за поисковую работу в 2004 г. был награжден медалью Русской православной церкви «Преподобного Сергия Радонежского» I ст. В 2009 г. руководители поисковых отрядов были награждены Курской епархией Русской православной церкви: И.П. Цуканов – «Знаменской медалью» I ст., Т.А. Стародубцева – «Знаменской медалью» II ст., Т.Н. Соколова, А.П. Бунин, О.А. Петров, Ю.Н. Сухов – грамотами. [6, 2004; 209]

Всего же с 1988 по 2013 г. поисковиками области было обнаружено 11774 останки советских воинов и мирных жителей, установлено более 2000 имен, уничтожено около 3000 взрывоопасных предметов (*подсчитано автором – И. Цуканов*). наших солдат хоронят в торжественной обстановке в центре того населенного пункта, вблизи которого проходил поиск, обычно рядом с памятником воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. На церемонию приезжают представители от администрации области, местные власти, священнослужители. Собираются жители старые и молодые, приносят венки, много цветов. Можно вспомнить, как в 2000 г. на захоронение приехала из Мурманска с детьми и внуками дочь опознанного солдата, как долго и страшно плакала старая женщина, припав к гробу отца: «Вот он, родной, нашелся».

К сожалению, имена всех найденных защитников Отечества установить невозможно, но хотя бы похоронить их по-человечески – по православному русскому обычаю с воинскими почестями – в наших силах. Это наш долг, прямая обязанность. Печально, конечно, что занимаются столь трудным и благородным делом не взрослые, а подростки, та самая молодежь, которую мы сейчас так часто ругаем за легкомыслие, отсутствие патриотизма. А ведь эти обычные, в общем-то, ребята выполняют архиважную, почти героическую работу.

Источники и литература

1. Иконников Ю. Без вести павший... // Молодежная газета. 1992. № 1.
2. Стародубцева Т. Вахта памяти-2000 // Голос района (Коренево). 2000.
3. Еськова Т. Незаконченная война // Регион 46. 2003.
4. См., напр.: Чемонин Ю. Траурный венок // Молодая гвардия. 1990; Милостная Р. Помяни нас, Россия, засыпанных пеплом и пылью... // Курск. 1999 и др.
5. Скобликова Т. Да не прервется эта нить // Курчатовское время. 2000.
6. Письмо Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата от 18.06.1994 г. № 47 // Текущий архив КОМПОО Центр «Поиск» (ТАЦП).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич – студент IV курса исторического факультета КГУ.

Волкова Анна Ивановна – студентка V курса исторического факультета КГУ.

Горбачев Петр Олегович – кандидат ист. наук,

Горяйнов Владимир Михайлович – кандидат ист. наук, доцент кафедры международных отношений и госуправления ЮЗГУ.

Долженков Игорь Александрович – кандидат ист. наук, зав. архивохранилищем ОКУ «Госархив Курской области».

Друговская Александра Юрьевна – доктор ист. наук, профессор кафедры теологии и религиоведения КГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и образования Курской области

Замулин Валерий Николаевич – кандидат ист. наук.

Ильина Татьяна Николаевна – кандидат юрид. наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права КГУ.

Каменева Валентина Геннадьевна – библиограф Фатежской межпоселенческой библиотеки.

Кононов Николай Григорьевич – кандидат ист. наук, доцент, заслуженный работник культуры РСФСР.

Кононова Татьяна Леонидовна – кандидат ист. наук, доцент КГУ.

Кудланов Константин Борисович – аспирант ЮЗГУ.

Курцев Александр Николаевич – кандидат ист. наук, профессор кафедры истории России КГУ.

Ласочко Людмила Сергеевна – зам. начальника отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Мирзаханян Аик Рафаэлович – аспирант ЮЗГУ

Палий Любовь Валерьевна – кандидат ист. наук, начальник отдела магистратуры, ст. преподаватель кафедры истории России КГУ.

Петраков Юрий Сергеевич – студент V курса исторического факультета КГУ.

Раков Виктор Владимирович – кандидат ист. наук, зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Рожковская Инесса Олеговна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Сойников Алексей Анатольевич – доктор ист. наук, профессор кафедры истории Отечества КГУ.

Терещенко Анатолий Андреевич – доктор ист. наук, профессор кафедры истории России КГУ.

Холодова Елена Васильевна – кандидат архитектуры, Советник Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), архитектор.

Цуканов Игорь Павлович – кандидат ист. наук, руководитель ЦПВМ КГУ, председатель Совета КОМПОО Центр «Поиск», г. Курск.

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ.
80-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Выпуск XII

Сдано в набор 29.08.2014 г. Подписано в печать 04.09.2014 г.

Формат 60x84. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»

г. Курск, ул. Садовая, 13